

Комбат Найтов

НАД КАНАДОЙ НЕБО СИНЕЕ...

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Герои «Оружейника» – Святослав и Татьяна – ворвались в неспешный и мрачный мир позднего Средневековья со знаниями и умениями конца XX – начала XXI веков. Привыкшие жить в совсем другом ритме, они отчаянно нуждались в последователях, так как невозможно построить новую империю вдвоем. Жизнь человеческая хрупка, как пруттик, но если из тоненьких пруттиков сделать метлу и скрепить ее прочной обвязкой, то подобным инструментом можно вымести дурман теологии, средневековых предрассудков, создать надежную систему хранения государственных секретов. Нарушив основной закон обучения: от простого к сложному, можно надолго заблокировать развитие науки и технологии в остальной части земного шара. Ведь невозможно скопировать протонообменную мембрану ученым XVII века. Для этого необходимы знания XXI века и всех предыдущих. А так как она существует и работает в одной стране, то об этот «черный ящик» будут биться лучшие мозги «западных партнеров» без какого-либо успеха. Империя, созданная на берегах Балтики и Ладоги, через некоторое время раскинулась по всем континентам. Подрос наследник, и у него, естественно, возникли вопросы о природе могущества Выборга. Пришло и его время узнать тайну мироздания.

- [Комбат Найтов](#)
 -
 - [Анастасия](#)
 - [Андрей Матвеевич Макаров](#)
 - [Анастасия](#)
 - [Святослав I](#)
 - [Татьяна Выборгская](#)
 - [Святослав I](#)
 - [Александр, которому предстояло стать Первым](#)
-

Комбат Найтов

Над Канадой небо синее...

Выпуск 122

*Выпуск произведения без разрешения издательства читается
противоправным и преследуется по закону*

© Комбат Найтов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Анастасия

Мать умерла почти сразу после моего рождения, отца убили свеи, и я жила со вдовой бабушкой, матерью моего отца, в маленьком селе Пайлаа. Бабушка отличалась от многих отменным здоровьем и почти мужицкой силой. Она у меня новгородская: мой дед, который умер, когда мне было шесть лет, привез ее из Новгорода, куда ходил с обозом. Крепкий и хозяйственный, он построил себе новый дом с отдельным хлевом, огородился забором. В доме и во дворе всегда был порядок, но все это он сделал для своей ненаглядной Миленочки, которая и хозяйствовала дома. Детей у них было много, и все сыновья. Вот только когда Московия проиграла войну и там началась Великая Смута, к нам пришли свеи. Они забрали из села большинство мужчин, в том числе и всех сыновей моего деда. А отца, который не хотел идти служить шведам, ведь жена была на сносях, они убили. Я еще не родилась, и «не нашлось» повода для отсрочки.

После смерти деда бабушка сказала, что я теперь взрослая и должна во всем ей помогать, потому что все мы осиротели и поле пахать стало некому. Поэтому жить придется только скотиной и тем, что есть на дворе. Я пасла наших коров, коз и гусей. Гусей я боялась, они были злыми, постоянно шипели на меня, мне казалось, что они меня не любят за что-то, но однажды на нашу корову на выпасе, она была с теленком, напал волк. Я бросилась с палкой на него, а гуси, вместо того чтобы улететь, кинулись вместе со мной на зверя, и мы отогнали его от теляти. Тогда я поняла, что просто у гусей такой характер – независимый. Не любят они, когда их прутиком загоняют в птичник.

Длинными зимними вечерами, под бабушкины рассказы и песни, мы пряли козий пух и бабушка учила меня работать спицами, ткать шерстяное полотно, пользоваться иглой и ниткой. Мы дубили козью кожу настоем дубовой коры, делали черевички, шубки. Этим и жили до того момента, когда на проране завелся леший. Настоящий! Он вошел в гастхофф к Порфирию и убил всех свейских грёнников, которые поселились в нашем селе за три года до того и начали строить казарму и костел.

Леший был весь лохматый, страшный, фигура бесформенная. Убив всех солдат и свейского графа, которому стала принадлежать деревня, он удалился в сторону прорана. По деревне поползли слухи, все боялись, что свеи пришлют войско и нас всех повесят как бунтовщиков, ведь в

появление лешего никто из них не поверит. Всем селом похоронили больше двадцати убитых и стали собирать откупное: если свеи придут и обвинят село в том, что убили их солдат, то только откупом можно очиститься от этого греха. Так говорил Порфирий, в гастхоффе которого все и произошло. Но по приказу лешего он собрал все доспехи и сложил их в сарае за своим домом. Я слышала, как Порфирий говорил мужикам, что Леший вовсе не леший, а человек, говорящий на языке, который немного похож на русский. И что он, Порфирий, боится этого человека больше, чем шведов.

А вечерами с прорана в тихую погоду стали доноситься удары металла о камень. Похоже стало, что Леший решил поселиться в этой неудобнице. Старшие категорически запретили детям даже приближаться к проклятому месту. Мы их послушались и вечерами наблюдали какие-то синие вспышки в той стороне, когда сидели у причала.

И вот однажды на озере появился странный косой парус и две связанные между собой лодки. Между ними стояла мачта, и все это сооружение быстро катилось по волнам к причалу. Было и страшно, и очень интересно! Многие из детей убежали с криком: «Леший вернулся!» Взрослых не было видно, они по домам попрятались. Лохматая фигура убрала парус и выпрыгнула на причал. Остановила и ошвартовала лодку и подала руку необычайно красивой женщине, темноволосой, в богатой накидке из белого короткого меха какого-то заморского зверя. На ней было длинное, обильно украшенное венецианским бисером, дорогое платье, княжеский кокошник, кинжал в золотых ножнах. Ее сопровождало шесть собак с лысыми головами и хвостами, одетых в смешные пятнистые, как у Лешего, костюмы. Было видно, что собаки боевые и очень злобные. Леший и боярыня с трудом удерживали их. Леший не надел накидку на голову, и, действительно, голова у него была человеческой. И руки. Порфирий рассказывал, что руки у чудища были лохматые. Сейчас у него на руках перчатки с какими-то нашлепками. За спиной – лохматое оружие. На голове узкая полоска пятнистого материала. Лицо довольно молодое, безбородое. Небольшие усы и очень внимательные глаза. Он был красив, несмотря на странную одежду.

Они прошли к Порфирию, немного постояли у него во дворе, в дом не заходили. Мы же облепили забор и во все глаза рассматривали барыню и Лешего. Они говорили на понятном, но немного странном языке. Леший хлопнул Порфирия по плечу, и они вернулись на причал. Их странная лодка через некоторое время растаяла в вечернем мареве за островом.

Порфирий приуныл: свеи уже высадились у Питкяранты, а у Лешего дружины не было. Он раскричался, чтобы все тащили к нему все что есть,

будем откупать свои жизни. Но в середине следующего дня из Лоймаа, деревни на берегу другого озера, входящего в наш удел, прискакал посыльный, дескать, Леший побил большой отряд свеев у переправы и надо собрать трофеи. Мужики быстренько собрались, иначе все достанется лойманчанам, и поскакали туда. Меня бабушка не отпустила посмотреть, и я весь день ждала возвращения Лешего. Он вернулся на лошади, с большим обозом, и мужики шести сел присягнули ему на верность. Так у нас появился новый хозяин, а к Корочуну приехала опять барыня, и они поселились в новом каменном доме, который мужики быстро построили, используя начатую свейскую казарму.

Боярыня прямо в каменном доме открыла школу, и бабушка разрешила мне записаться туда, тем более что там кормили бесплатно тех, кто хорошо учится. Поэтому бабушка очень строго следила за тем, чтобы я не забывала выучить заданное на дом, приговаривая, что она сама грамотна была, вот только на селе малость подзабыла грамоту, но сумела прочесть первые строчки, которые я изобразила через некоторое время. Она же сказала остальным, что ничему плохому барыня не учит.

И тут новые происшествия! Леший сначала разбил с боярыней вдвоем большой конный отряд свеев и валаамских, а потом свейский бог посадил его в Выборге, где он побил весь гарнизон на льду залива. Лешего стали звать «князь Святослав Первый Выборгский». Но он лишь иногда ездил в Выборг на своих самобеглых санях, а так жил в большом или малом доме, что на проране, и что-то строил.

Мужики наши очень любили с ним работать, так как князь всегда платил за это. Зимой была построена самая страшная штукавина, которую потом все использовали для того, чтобы пугать ею детей. Она жутко шумела и распускала бревна на доски. Сама! Требовалось только накатить бревно на нее. В середине машины были упоры, которые убирались под самым бревном, а крайний из них начинал толкать его вперед, туда, где были пилы. Раздавался звонкий звук, и на выходе получалась необрезанная доска, ее раскладывали два человека, и доска ползла дальше. От нее отпиливали небольшие кусочки и все складывали в одинаковые и красивые пакеты. Все щепочки собирали мальчишки и девчонки и складывали их в какой-то *генератор*. Мастер Матвей, которого князь поставил руководить этой машиной, в конце дня давал тем, кто собирал опилки и обрезки, четверть копейки, и у него не было отбоя от желающих таким образом заработать. Но тут появилась княгиня и установила, что те, кто получил двойку в школе, не имеет права подрабатывать на лесопилке. Они должны были идти домой и делать уроки. Я была отличницей и всегда успевала

поработать у машины, за что и получала от бабушки поцелуй и вкусный пирожок.

Еще более интересные дела происходили в кузнице! Этот самый *генератор* производил уголь и какой-то газ. А про князя говорили, что он кузнец от бога, что сам Сварог учил его делать оружие и железо. Я могла часами наблюдать, как из-под его молота, а он у него не ручной, а ножной, им князь ногой управлял, выходили клинки, серпы, косы, лопаты. Красно-белый кусок металла менял форму, брызгался искрами, плющился и становился *вещью* или оружием. Говорили, что князь владеет секретом булатной стали, и его ножи славились на всю округу. Но свои секреты он не берег, а учил и учил людей вокруг своему мастерству.

Весной он привез на корабле, построенном за зиму, новых коров, овец и сделал четыре *трактора*. Я была первой, кого он прокатил на этой машине, и он дал мне подержаться за руль. Правда, это княгиня Татьяна установила очередность.

И у нас появилась новая корова! С нею в дом вернулся достаток. Корова давала полтора ведра молока утром и столько же вечером. Хозяйка забирала его на сыроваренный завод и хорошо платила за это. Летом мы все работали на покосах, и большую часть работ уже выполняли *тракторы*, мы же собирали за ними вручную то, что они не смогли подобрать.

Так продолжалось до осени, и в конце года, на празднике урожая и Нового года, княгиня спросила у бабушки разрешения взять меня к себе в работницы. Княгиня была тяжела, и ей требовалась помощница. Бабушка сказала, что это большая удача для меня, и отпустила меня в княжий дом, где я жила пять дней подряд, а потом у меня было два дня выходных, чтобы могла помогать и бабушке по хозяйству.

Незаметно как-то князь и княгиня заменили мне мать и отца. Затем появился Сашка, княжич Александр, ради которого меня и взяли в дом. Но большую часть времени я проводила в школе. За моей учебой следили, и помимо школы приходилось много читать, считать, делать проекты и расчеты. Как мне говорили, я училась по специализированной программе, и меня готовили поступать в университет. Я, правда, не знала, что это такое, но готовилась к нему очень серьезно.

Через три года ко мне посватался Пройда, но и князь и княгиня отказали ему, сказав, что мне еще рано выходить замуж, так как я не закончила свое образование. Пройда мне не нравился, мне нравился князь, хотя я и понимала, что это абсолютно невозможно. Я – бедная сирота, а он... Он был и для меня, и для остальных пайловчан кем-то вроде бога.

Наши мужички даже село, которое стало городом, в Князево переименовали и гордо звались князевскими. Из них, в том числе и из бывших солдат свейской армии, которую еще раз разбил князь, была сформирована гвардия князя, которая полностью освободила Водьскую пятину, и после поражения шведов в битве под Самматти граница со Швецией стала проходить по Порккала-Уддскому рубежу. Гвардейцы считались лучшими женихами, поэтому бабушка сказала, чтобы я рот на князя не разевала и не упускала своего счастья с Федором. Поэтому я не отказывала ему и продолжала иногда с ним встречаться.

На третьем курсе университета, хотя я в тот момент совсем не думала о Федоре, а все мои мысли занимала учеба и князь Святослав, неожиданно мои воспитатели и господа приняли решение не отказывать более Федору и дали согласие на этот брак. Уже было понятно, что княгиня Татьяна старается не держать меня в доме, когда там находится Святослав. Мне даже не предлагали заниматься с Ярославой, младшей дочерью князя и Татьяны, вместо меня у них, а они уже постоянно жили в Выборге и лишь иногда выбирались в Князево, работала другая девушка. Мне говорили, чтобы я ни в коем случае не бросала учебу. Что и княгиня, и князь делают на меня ставку, ждут только окончания мною университета. Пришлось очень тяжело, потому что забеременела я в брачную ночь, и дочка появилась ровно через сорок недель после свадьбы. После этого князь переговорил с Федором, которого он продолжал называть Пройдой, о том, что у него вполне хватает средств на нянек для дочери, и заговорил о том, что мы оба поедem на другой конец света создавать там поселение, которое должно сыграть важную роль в жизни всего княжества. Тогда я и услышала впервые слово Бретон. А еще через некоторое время, уже от княгини, услышала еще один термин – *презерватив*.

Нас начали готовить к этому проекту. Все было очень и очень серьезно. С нами обоими работали и князь, и княгиня, и Томас Усселинкс, глава комитета госбезопасности. Последние два года, кроме университета, мне пришлось учиться в разведывательной спецшколе. Меня учили тайнописи, шифрам, стрелять, владеть холодным оружием, несколькими видами борьбы, пользоваться ядами, выживать в тяжелых условиях, нырять, плавать, бегать. Далеко не все предметы были приятными. Некоторые были отвратительны по своей сути, но приходилось обучаться действовать против любых врагов. Добавилось еще два языка: английский и лнуисимк, язык индейцев микмаков. Его преподавал настоящий индеец, которого вывез с острова один из наших кораблей. Он пойдет с нами и будет нашим переводчиком. Сам Усселинкс делает из него «своего» человека. Микмаки

имеют письменность и пишут, как и русские, на бересте. Чернил у них нет, используют иглу дикобраза для выдавливания иероглифов. Кроме того, они же используют и петроглифы, то есть наскальные рисунки.

То есть князь заранее готовил две экспедиции – вторая пойдет куда-то южнее. С расчетом надолго закрепиться в этом районе и завоевать симпатии тех людей, которые ныне живут на той земле. Как мне объяснили князь и Усселинкс, нам на некоторое время придется отказаться от ставших привычными в нашем мире электрических приборов. Они составляют государственную тайну Выборга, и пока положение колонии не будет закреплено соответствующими международными договорами, на их территории не могут быть размещены гидроэлектростанции и парогазовые электрогенераторы. Так что жить придется по старинке, при свечах, лучинах, а впоследствии – с использованием газовых рожков.

И вообще про секретность говорили очень много. Проект был разбит на этапы, которым надлежало следовать как азбуке при чтении. Как мне сказали, неисполнение этих условий может поставить жирную точку в конце моей карьеры. Усселинкс мрачно пошутил по этому поводу, что точка, скорее всего, будет свинцовой. Да я и сама понимала, какую ответственность возлагает на меня князь Святослав. Еще более изумительным было открытие того обстоятельства, что больше всего князь не доверяет Федору – человеку, за которого он выдал меня замуж. Я спросила у него, почему.

– Жаден он. Не столько до денег, сколько до власти. А потому очень опасен. Действовать ты, Настасья Гавриловна, будешь на большом удалении от меня и от центра. Практически полностью самостоятельно. И не всегда будешь иметь возможность даже связаться с нами. Так что держи Пройду в руках. В жестких ежовых рукавицах. Если что-то пойдет не так, как мы с тобой планируем, не останавливайся ни перед чем. Ты поняла? Как это сделать, тебя уже научили. И все необходимое для этого у тебя будет. Как и мое разрешение на такие действия. Ты несешь персональную ответственность за безопасность всего поселения и безопасность нашего княжества. Сам бы пошел, да тут столько дел с этой Москвой налетело, что приходится посылать тебя. Не забывай, в чьем доме ты выросла.

– Я помню, княже, – тихо ответила я, и у меня стали мокрыми глаза, и не только. Невыносимо хотелось кинуться ему на шею и всей принадлежать ему. Но я хорошо помнила тот момент во время спарринга в лесу, когда вместо того, чтобы сопротивляться, меня пробила какая-то дрожь и у меня стало мокро внизу, когда князь скрытно перехватил меня на маршруте. Я его не заметила. Он захватил меня сзади, перебросил через

себя и прижал к земле. Тут это и произошло. Он, конечно, заметил случившееся. Отпустил меня, встал и подал мне руку, чтобы поднялась. И заметил:

– Верность – это одно из самых ценных качеств человека. Ею земля полнится. Мы никогда не сможем открыто смотреть в глаза ни друг другу, ни тем людям, с которыми живем. В нашей стране разводов нет.

На подготовку экспедиции ушло долгих три года, и вот мы стоим у причала уже на борту нового крейсера, недавно вернувшегося из Карибского похода. Только что князь и княгиня попрощались с нами и сошли с борта. Они стоят на берегу и прощально машут нам руками. У меня полные глаза слез. Рядом посапывает недовольный Федор, который держит меня под руку. Наша дочь сидит у княгини на руках и не понимает, что я ее очень-очень долго не увижу. На первое время было решено, что она останется в доме у князя. Отданы концы, и прощально звучит ревун, буксир натягивает трос, и корабль медленно отрывается от причала. Полоска воды становится все шире и шире, и скоро целый океан будет отделять меня от тех людей, с кем я выросла. Становится невыносимо больно в груди. Я что-то кричу и отчаянно машу рукой. Через некоторое время Федор чуть дернул меня за руку.

– Пойдем, они уже ничего не слышат и ушли. Иди, поплачь в каюте.

Тяжелее всего дался именно переход. До этого я никогда не ходила на кораблях, а тут сразу через океан. В море было все нормально, но как только прошли Датские проливы, началась муторная равномерная качка, которая первые несколько дней просто душу всю вынимала. Как люди в таких условиях живут годами? Затем постепенно привыкла к тому, что палуба на месте не стоит, то кренится, то вертикально взлетает или падает. Человек ко всему привыкает, и спустя неделю смогла, наконец, подняться на мостик к лейтенанту Макарову, чтобы выяснить хотя бы, когда будем у цели. Он сочувственно отнесся к моему состоянию, сказал, что всех укачивает поначалу и что мы прошли самый неприятный участок и теперь достаточно быстро придем, если погода не подведет и будет ветер. Из-за сильного встречного ветра ему пришлось подняться к Исландии. На мостике было довольно холодно, и серые валы накатывались от запада. Все было покрыто этими огромными валами. Корабль переваливался через них и довольно резво бежал на юго-запад. Чуть поскрипывали стальные ванты, натруженно гудели желтоватые паруса. Строем клин сзади следовало еще два корабля. Наш крейсер был лидером. Удивительно, но я стала

значительно лучше себя чувствовать, когда глаз смог зацепиться за горизонт.

– Сейчас течение нам помогает, Гольфстрим уже левее нашего курса, поэтому ход имеем неплохой. Через трое суток увидим Ньюфаундленд. Вам принести сюда поесть, Анастасия Гавриловна? Я знаю, что вы неделю ничего не ели.

– Давайте попробуем, есть вообще-то хочется.

Вестовой принес закрытый горшочек с тушеным картофелем с говядиной, хлеб и немного кислого красного вина. Никогда не пробовала никаких вин, но тут не устояла против кислого вкуса. Лейтенант на всякий случай послал меня вниз с матросом. После этого я стала чаще выходить на палубу, а не валяться в каюте на постели, и первой увидела темнеющие скалы Ньюфаундленда и острова Бакалю (Трескового). Оморчилась.

Наконец Андрей Макаров убавил парусов, оставив один кливер, и перешел на машины. Остальным кораблям подан сигнал лечь в дрейф. Мы обогнули Авалон, восточную оконечность Ньюфаундленда, подошли к проливу Кабота. Прямо по курсу довольно высокие горы острова Кейп-Бретон. Слева – плоские изрезанные берега острова Французская Юдоля, или Фрэнчмэйл. Впрочем, на картах этих названий еще нет. Пройдя Низкий мыс, Макаров повернул влево, на вход в залив. Батопорты открыты, орудия вывалены перпендикулярно к борту. Чуть подрабатывая машинами, Андрей аккуратно вошел в залив, к мысу, где тот делится на два рукава.

Недаром индейское название этих островов – Туманная земля. Налетело облако тумана, и пришлось отдать якорь. Вываливаются шлюпки, звучат команды Федора, он командует своими разведчиками, проверяет их вооружение и подгонку экипировки. Они готовятся к высадке. Облако тумана улетело в океан, все, у кого были бинокли, припали к ним. На берегу ни души. Бухта оказалась свободной. В глубине Восточного залива виднелась покосившаяся колокольня церкви. В этих местах европейцы появились в шестнадцатом веке, но создавали лишь сезонные поселения. Сюда приходили ловить рыбу, водившуюся здесь в изобилии. Несколько корабликов у Ньюфаундленда мы видели. Залив Святого Лаврентия на зиму замерзает, и до мая месяца здесь стоит лед. Эта бухта тоже замерзает, но в ней лед подвижный, поэтому он ломал все причалы, построенные из дерева. Плюс зимой Лабрадорское течение приносило сюда много плавучего льда и айсберги. Люди пытались поселиться здесь, но уж слишком неудобным было место, не для европейцев. Берега – каменистые, как у нас в Выборге, но в пяти кабельтовых южнее виден песчаный мыс. Туда и отправляется шлюпка с разведчиками. Еще один катер пошел в

Восточный залив, где виднелись постройки. Рядом со мной стоял Сухое Ухо – индеец, который четыре года прожил в Выборге. Он с шумом вытягивал воздух, а затем сказал:

– Дыма нет, людей нет, зря пошли, маленькая княжна. – Он почему-то так называл меня давно. Наверное, из-за роста, княгиня и князь были выше меня.

Андрей, который стоял рядом, покачал головой и никаких приказаний не отдал. Мы продолжали наблюдать за обстановкой. Появились разведчики, которые подали сигнал, что этот берег чист, людей нет. После этого дали команду начать выгрузку, а кораблям на рейде подходить ближе. Через час и я вступила на остров. С крейсера на берег спустили несколько тракторов, которые начали расчищать площадки под палатки и поля. Здесь в километре от берега было пресное озеро, и эти пять гектаров земли по плану должны были стать первыми полями. Обнаружены два небольших болотца, где есть торф.

Подошли еще два судна, с которых высадились невоенные участники экспедиции – строители и девушки. Началась выгрузка свaeбойной машины, продовольствия, снаряжения. В первую очередь, после установок палаток, определяем глубины и привязываем к местности и глубинам место для причала. Не слишком приветливое утро с небольшим туманом постепенно превратилось в довольно ясный день. Шум работ перекрыл плеск воды. Потянуло ветерком от леса, там, где находилось озеро Брас д'Ор.

Федор вернулся с северного мыса, он там наблюдательный и опорный пункт собирался строить. На берегу он себя много увереннее чувствует, чем в море. Несколько раздражен, что на мысу земли для обсыпки маловато, но уже оставил там людей, чтобы рыли котлован под форт. Сидит, что-то считает, морщит лоб, сверяет расчеты с тем, что дал ему князь.

– Федя, вернулись твои от де Бьенкура, там тоже чисто, никого нет.

– Да, мне уже доложили. Похоже, что князь прав был, когда говорил, что здесь сплошную линию ставить не к чему и проще обойтись опорниками. Народца здесь совсем нету. Придется конные патрули ставить, а лошадей маловато прихватили в первой партии. Что со спиртом, Настенька? Обеспечим патрулирование на квадроциклах?

– Так дорог же нет, Федя.

– Нету, здесь ничего нету, ну и глушь!

– Вот завтра сходим в Брас д'Ор, узнаем, что и как.

– Без меня, мне и тут забот полон рот. А куда Сухарик подевался?

– Сухое Ухо?

– Ну, да.
– Собрал пирогу и ушел к стойбищу, где оно четыре года назад было. Обещал через три дня вернуться.
– Зачем ты его отпустила? А ну как орду приведет?
– Томас сказал, чтобы я не мешала его передвижениям. А что ты беспокоишься? У нас все вооружены и крейсер с орудиями на товсь стоит.
– Да, по мне, так если все полетит к чертовой матери, то быстрее дома будем. Зря отпустила. Я хотел северными фортами сначала заняться, а придется южные из-за него делать. Ладно, я пошел на юг.
Федор вышел из палатки, кого-то окликнул и с двумя отделениями морпехов зашагал к месту, где работали тракторы.

На следующий день пришлось хоронить французов из фактории в Большом проливе Брас д'Ор на острове Боулардери. О нашей высадке стало известно рыбакам и солдатам форта Дофин. Рыбаки пока спокойно отнеслись к этому обстоятельству. Спросили только, не собираемся ли мы промыслять рыбку. Конечно собираемся, но чуть позже. С этой партией рыбаков почти не прислали, всего один катер, правда, есть три коча, с которых можно тоже ловить рыбу. Нерест сельди еще не начался. Рыбаки пока треской больше занимаются. Из разговоров стало понятно, что их наняла компания «100 акционеров» и не выполнила поставок бочек и соли, рыбаки недовольны, они из Гавра и уйдут туда. В это место ходят давно. Местных акадцев не любят и строчат на них доносы королю. На нас тоже напишут. Так что на будущий год, как и ожидалось, ждем визита королевского флота Франции.

Сухое Ухо вернулся, как обещал, через три дня. Его племени на месте нет, оно откочевало. Ругается, говорит, что бобра много побили, хатки пустыми стоят, но есть надежда, что они вернуться, так как фактория прекратила существование. Из тех, кто там жил, осталось только двое мужчин и четыре женщины, одна из них сошла с ума, заговаривается, все детей своих похоронить пытается. Но достаточно безобидная, а на Руси к таким жалостливо относятся, так что не помрет. Ее подкармливают из общего котла, хотя почти никто не понимает, что она говорит. После обеда уходит надолго в лес, говорят, ходит к бывшей фактории. Если звери не съедят, значит, жива будет.

В форте Дофине люди тоже болеют, у всех цинга, поэтому раз в неделю хожу туда на катере и смотрю, чтобы выполняли лечение. Большинство пошло на поправку, продуктов им так и не завезли, и когда те у них полностью закончились и не стало, на что покупать их у нас, все

французы пришли к нам в Нововыборг. Их привели к присяге, двое отказались ее принимать, просили отвезти их в форт Луисдэл, но у нас туда ничего не ходило, а специально отправлять туда коч было не с руки. Мы еще не закончили работы даже по бетонированию дотов и не закрыли все дзоты. Поэтому пожали плечами и отпустили упрямцев так, пешком. Они пытались уговорить Сухое Ухо отвезти их в Луисдэл, но тот ушел без них искать свое племя. Покрутившись месяца полтора возле стройки и питаясь объедками, упрямы все же сдались на милость и приняли присягу. Только их опять пришлось в лазарет укладывать. Теперь уже с воспалениями. Собственно, таких упрямых было мало.

С острова Кейп-Бретон постоянно подходили и подъезжали люди. Беда пришла не только в эти два селения. У всех было плохо с продуктами, а патент запрещал производить иные работы кроме указанных в нем. Не все решались нарушить закон, потому что в любой момент могло прийти судно или военный корабль из Франции, и на нем обязательно будут королевские контролеры и оштрафуют владельца патента на кругленькую сумму в два-три годовых заработка.

В начале июля, прямо к нересту сельди, пришло три «Буки» с грузами и завербованными рабочими. К их приезду мы смогли полностью выполнить работы по укрепрайону, кроме обсыпки укреплений, и построить восемь больших казарм и нарезать участки под постройки для тех, кто сразу захочет строить дом. Пока крейсер стоял рядом с городом, у нас было электропитание для пил, а большую лесопилку поставили на берегу пролива де Бьенкур. Вот только течение там переменное, меняется четыре раза в день по направлению. И хотя это мы вроде как учитывали при разработке проекта, все равно лесопилка работала только в половину мощности, да еще и по скользящему графику – в зависимости от приливов и отливов. Но другой реки в этой местности не было. Поэтому через некоторое время, как только заработали на полную мощность газогенераторы, мы начали переводить ее на пар. За что и получили потом хорошенький выговор от князя. Отбояривался Федор, это была его идея, потому что ему требовалось для строительства много досок и брусьев. Но выговор за нарушение плана строительства получила я. Святослав прислал письмо, в котором прямо указал демонтировать паровую машину лесопилки до отхода крейсера и вывезти ее в Выборг. Впредь запрещает произвольно изменять проект под немедленные нужды. Пришлось ставить назад колесо, работающее от течения приливов, и вводить обратно скользящий график. Впрочем, совсем ненадолго. Начались морозы, и до весны лесопилка встала. Работать в ледовых условиях она не могла.

Из Луисдэла уже по снегу прибыл его комендант капитан де Шатье с солдатами. К этому времени Федор успел закончить даже отсыпку, закрыл траншеи и флешы от снега, чтобы не демаскировать укрепления. С комендантом крепости мы вели разговоры ни о чем, он сразу понял, что взял с собой маловато солдат, чтобы здесь командовать. Официально я выкупила патент, и два острова принадлежали лично мне по французскому законодательству. Господин Луи-ле-Симон де ла Поп Боулардери, который приобрел у французской короны эти острова, проживал на острове и лично подтвердил, что патенты он продал добровольно и с полученной суммы уплатит в казну соответствующую пошлину. А я сказала, что плачу налоги князю Выборгскому и приобрела у законного владельца себе удел. Насколько я в курсе событий, дипломатических отношений между Францией и Выборгом не существует, но есть договор между Французской Гвианой и Выборгом, подписанный в прошлом году, где признается право Выборга иметь территории в Новом Свете. Поэтому господину де Шатье, проживающему на другом острове, вне территории моего удела, не фиг совать свой нос, куда не просят.

– Это заморская территория Франции! – надменно сказал комендант.

– Не заметно, чтобы Франция хоть немного заботилась об этой территории. Если бы не мы, то здесь никого бы не осталось, кроме индейцев. Все жители, как этих островов, так и северной части острова Кейп-Бретон, в настоящее время проживают в Нововыборге, где есть нормальные условия для этого. Мы пришли сюда, когда ни одного человека на этой территории не было. Владельца островов и его жену мы вылечили от болезни, нисколько не ущемив его прав на эти места. Остров был необитаем, даже индейцы отсюда ушли. То, что господин де ла Поп Боулардери более не захотел иметь дела с компанией «100 акционеров», – это вина пресловутой компании. Он предложил выкупить у него патент, чтобы королевство Франции не могло более претендовать на эту территорию. И я согласилась. Я готова оспорить свои права в любом европейском суде, за исключением суда Франции как заинтересованной стороны. Например, в Стокгольме или Риме. Я владею этими землями по праву. Вот пункт патента.

Я всегда училась хорошо, и мне поставили парижский акцент, причем дворцовый. Такого наезда комендант не ожидал, он отвык разговаривать с дамами высшего света, поэтому спасовал и ушел в сторону от диалога. Я же продолжала над ним издеваться, пока он и его солдаты не повернули обратно в Луисдэл. Теперь их надо будет Федору ждать по весне.

Куда-то запропастился наш переводчик-проводник. Ушел еще летом, и

до сих пор его нет. С крейсером я отправила шифрограмму Усселинксу об этом. Мы продолжали строительство со льда причалов, перед закрытием навигации отправили в Выборг немного, тысячу восемьсот тонн, руды на зашедшей «Азухе». Перед этим отгрузили рыбу и дары леса. Две «Буки»! Хороший урожай. Нам привезли муку, овощи, картофель, масло, несколько коров и бычков. Сенокос здесь много лучше, чем в Выборге, но вот зима... Зима была со штормами и метелями, бухту забило льдом, но причалы выдержали. Начали отсыпать два волнолома. А в нерест сельди наблюдала такую невероятную картину: две недели подряд во время прилива поднималась волна из спермы самцов сельдки! Два метра высотой шапка! А вслед за этим в Большой пролив вошли кормиться полосатики. Незабываемое зрелище! И пусть оно длится вечно! Это – праздник жизни.

Зимой начали работать домницы, и скопилось более пятнадцати тысяч тонн крицы, которую мы хранили на складах на трех причалах. Два были на озере и один в бухте Нововыборга. Все это предстояло вывезти с острова. Зимой, в перерывах между приливами, обвеховывали фарватер и писали лоцию пролива Большой Брас д'Ор.

Весна здесь бурная и туманная. Вдруг из тумана на острове появляется куча индейцев. В гости пришли. Наше Сухое Ухо у них теперь вождем числится. Вот и корми их всех. Благо, что за зиму не все подъели. Они – вернулись. Они жили здесь долго и счастливо, пока не пришли европейцы, а за теми пришли оспа и грипп. И смерть. Часть из европейцев стали для микмаков родными, потому что приходили они сюда холостыми, женились на здешних красавицах, их дети были более устойчивы к европейским болезням и выживали даже при эпидемиях. Три года назад племя решило покинуть гиблый район. Дичь выбита, рыбаков из Европы не переловить, потому что они с пушками и забирают все. Соль не продают и к соляным промыслам не подпускают. Пороха на несколько выстрелов, свинец не добывается. Только то, что взял с мертвого француза или англичанина. Французы попроще, а англичане понимали только выстрел в упор. Микмаки покинули сначала Ньюфаундленд, а затем решили оставить и Бретон, Землю туманов. Ушли на запад и пытались отвоевать немного земли у ирокезов, еще их называли мохавками. Белые давали за убитого ирокеза порох и свинец. Англичане дружили с ирокезами, а французы – с остальными. Шансов выжить... Ну, сами посчитайте. В этот момент возвращается сын верховного касика племени Сухое Ухо. Ему когда-то досталось палицей мохаука по верхней части левого уха, оно скукожилось и было бесформенным – отсюда и кличка. Он пропал почти пять лет назад и вот вернулся. Шесть долгих месяцев он рассказывал о том, где он был и

что требуется сделать. Затем пришлось драться с Оммамагиком, двоюродным братом, который стал вождем племени Unama'kik, и убить его. Лишь после этого племя решилось вернуться домой на озеро Брас д'Ор. Кстати, это не «бюстгальтер», а «вздымающаяся грудь» – из-за приливов. Просто не совсем правильно перевели.

Началась весна, и первыми пришли две «Буки» от Стрешнева с аммонийной селитрой. Нам просто требовалось, а природа настоятельно верещала раскислить поля. Всходы на полях были совсем плохими. Вода здесь кислая, почва тоже. В общем, не растет здесь нормально ничего. И почвы тонюсенькие, меньше двух дециметров. Кстати, и взрывчатка была нужна, так что почти подарок. Взамен они просили поставить хвойную древесину в бревне и в пиломатериалах, им для рыбацких баркасов нужно. И необходимо поставить до их зимы. Вообще-то, у нас хвойник хуже, чем в Карелии. Но доставка быстрее. Буквально по пятам пришел парусник из Выборга, куда мы отгрузили уже крицу, которой за зиму накопили больше пятнадцати тысяч тонн. Конечно, из домниц. Но руда здесь богатая, и серы практически нет. Почти химически чистое железо.

Только отгрузили и ушел третий корабль, как появились французы. Здравсьте! Вот только они не учли, что у меня есть Федор с его усиленным батальоном, и главное, Сухое Ухо принес бумагу, с печатями и приложенными пальцами, что французам действительно продали пятнадцать гектаров земли возле Луисдэла. И всё! А остальное принадлежит Сухому Уху. Все пять островов. Никаких бумаг не было и нет. А я – хороший лайер! Больше всего французов интересовало, где находится крейсер с его скорострельными пушками. А Макаров еще не пришел из Выборга. Сама дура! Крейсер должен был зимовать на острове Бонэйр и доставить оттуда соль и свежие фрукты, а был вынужден уйти в Выборг. А это севернее, и залив и проливы еще не вскрылись. Убедившись, что крейсера нет, французы решили срубить по-быстренькому и свалить. Эскадра разделилась, транспортники пошли к берегу для высадки десанта, а остальные начали маневры с целью бомбардировки поселения. А мы его специально в глубине Нововыборгского залива поставили. Им требовалось подойти поближе. Сигнальная мачта на Низком мысу подняла «Браво» и «Лиму» – предупреждение об опасности маневра и требование остановиться. Эскадра, особо не задумываясь, дала залп по мачте, развязав руки береговой обороне Федора.

Огонь! Две пушки Лендера открыли огонь по эскадре. Несколько минут она пыталась сохранить строй, затем пылающие корабли начали

вываливаться из него. Мест для высадки десанта только два: пляж в устье реки Миры и мелководный песчаный пляж у острова Южная Голова. Было бы наивно даже думать о том, что Федор не подготовил там подарки! Остальные места плотно перекрывались перекрестным огнем артиллерийских дотов и пулеметных дзотов. Французы торопились, поэтому полезли в Индиан-бей, высаживаться на ближайшую песчаную косу в устье небольшой реки Риан. Обсыпанные землей и дерном доты они не заметили. Не строили тогда таких сооружений. Так как у Низкого мыса уже начался бой, гарнизоны двух дотов взяли под обстрел и транспортники. Уцелевшие французы под белыми флагами на нескольких шлюпках добрались до берега, где были пленены. Мы им показали такие зубки! С моря нас не взять.

Федор радовался как ребенок, которому дали поиграть в любимую игрушку, и несколько дней усердно писал Святославу, как он и его батальон встретил врага. Среди пленных уже знакомый нам капитан де Шатье, он ранен, и еще не понятно, выживет или нет.

Кроме него был командующий эскадрой адмирал Луи де Гало де Кастри граф д'Антраксто. Он тоже ранен, но не так тяжело, как Шатье. Его старенький «*Cougonne*», водоизмещением тысяча восемьсот тонн, на который возлагалось столько надежд, горел, адмирал неотрывно смотрел на то, как рушится такелаж. Он с огромным трудом уломал Мазарини попробовать на зуб выборгских на новом месте, и все рухнуло из-за того, что разведка неверно оценила силы противника. К его великому сожалению, в числе пленных оказался и посланный кардиналом нунций и епископ Кольбер, не получивший ни царапинки в бою. К вящему удивлению адмирала, русские не отделили священника от остальных здоровых пленников и содержали всех на огороженной кольями с колючей проволокой территории, внутри которой находился барак с нарами. Для офицеров они выделили другой лагерь, пастор же находился вместе с матросами и солдатами-пехотинцами.

Раненых содержали в лазарете, где кроме французов почти никого не было, только несколько женщин с больными детьми. Лежа на кровати, адмирал с удивлением наблюдал за действиями персонала. Операция по удалению трех осколков прошла безболезненно – прижали к носу и рту мокрую тряпку и на чистейшем французском попросили глубоко дышать. Сознание куда-то провалилось, и очнулся он в этой комнате, которая носит название «палата номер шесть». Его шикарный костюм отсутствовал, вместо него на теле только какие-то непонятные короткие штанишки. Раны перевязаны странной белой тканью, остро пахнет незнакомыми

веществами. Командует здесь женщина, которая, оказывается, еще и губернатор этого города. Она, как все в лечебнице, ходит в белом халате с чепчиком на голове. Никаких кровопусканий не делают, иногда протыкают кожу на «почетном месте» и вводят какую-то жидкость. Первые несколько дней его рука была привязана, и в вену вводили сначала явно кровь, а затем прозрачную жидкость, от которой по телу расплывалось тепло. Через семь дней та же женщина, ее зовут Анастасия Гавриловна, на перевязке удалила нитки, которыми была зашита одна из больших ран. Удовлетворенно кивнув, она что-то сказала второй женщине и добавила по-французски:

– Воспаление удалось остановить, вы идете на поправку.

Через две недели граф начал ходить и ругаться, что приходится носить какой-то халат, в каких ходят все. Быть наравне с остальными ему не нравилось. Дежурная сестра пояснила ему, что до выписки из лазарета он не имеет права носить собственную и не стерилизованную одежду.

– И не забывайте, что вы – военнопленный, – напомнила она графу и глазами показала на часового, стоящего у выхода. Граф понял, что что-либо доказывать не имеет смысла.

Девушка говорила с сильным фламандским акцентом.

– Вы из Фландрии?

– Нет, я из Князево, но французский там в школе учила.

– Князево? Где это?

– В Водьской пятине, это удел князя Святослава Первого Выборгского. Мы – князевы люди. И Настасья Гавриловна тоже родилась в Князево и жила у князя в доме.

– Она – дочь князя?

– Нет, но ее выбрали помогать княгине, так и осталась жить с ними, потом они в Выборг переехали, и она с ними. Она и ее муж – старшие в городе. Настасья Гавриловна – губернатор, а Федор Тимофеевич – начальник гарнизона и комендант крепости Нововыборг.

«Крепости! Вот оно что! А сделано так, что ее и не видно! – подумал адмирал. – А мы даже разведку толком не провели. Послали один отряд, который не вернулся, и начали маневры... Как же они так это сделали? И так быстро! Год, даже чуть меньше года назад стало известно, что русские высадились здесь, и уже крепость».

На следующий день его выписали из лазарета и поселили отдельно от остальных, затем вызвали на допрос, или лучше сказать – переговоры. Вело их три человека: сама губернатор, ее муж и начальник контрразведки крепости капитан Головачев. Адмирал ответил почти на все вопросы, но начинать переговоры отказался, ссылаясь на то обстоятельство, что среди

пленных он видел епископа Кольбера – официального представителя премьер-министра Франции кардинала Мазарини. Тот имеет или имел соответствующие бумаги на проведение такого рода переговоров с представителями иных государств. Пришлось вызвать пастора из лагеря, а заодно пригласили и Сухое Ухо и двух человек из «старых акадцев» – первопоселенцев, сыновей и внуков прибывших сюда первых французов. Они себя подданными короля Франции давно не считали, и их жутко раздражало вдруг появившееся внимание к этим местам со стороны кардинала Ришелье и короля Франции. С нашим появлением на острове акадцы связывали надежду избавиться от налогов со стороны Франции. Узнав о том, что здесь налоги ниже и нет церковного давления и десятины, эти, в общем, атеисты или язычники сами потянулись сюда. Кто на заработки, кто насовсем.

Моя политика на переговорах строилась именно на противоречиях между продекларированной вначале свободой и равенством и тем рабством и унижением, которым подверглось местное население теперь, вместе с попыткой старых властей перенести сюда все то, от чего уехали люди.

Пастор сразу же завопил о церкви, которую необходимо построить для пленных.

– А мы тебя сюда звали? – грубовато спросил Федор. – Сейчас отведу в сторонку, и пойдешь беседовать с богом без всякой церкви. У себя дома будешь командовать, что там строить, а что нет. Не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Иначе закую в кандалы и на карьер до конца твоей поганой жизни отправлю.

– Господин епископ, умерьте свой пыл и не забывайте о том положении, в котором мы находимся. Мы – военнопленные. И относятся к нам цивилизованно. Всем раненым оказана врачебная помощь. Голодом никто никого не морит, я узнавал. Так что остановитесь в своих требованиях. Это я попросил пригласить вас на переговоры, потому что вы являетесь представителем короля и его правительства в Квебеке. И это вы настаивали на том, что поселение должно быть стерто с лица земли, – неожиданно заговорил граф д'Антркасто, решив таким образом подставить любимца кардинала и обелить самого себя.

– В таком случае, если я нахожусь на переговорах, по какому праву здесь построено и существует поселение? Это – территория королевства Франции. Ее величество королева Анна такого разрешения не давала!

– Я купила эту землю у ее законного владельца. Вот патент, в нем написано, что король Людовик XIII, отец нынешнего короля Франции, передает эту землю в вечное владение господину де ла Поп Боулардери,

акционеру компании «100 акционеров». Произошло это в 1615 году. Тридцать два года спустя компания оставила господина Боулардери у разбитого корыта, не выполнив своих обязательств по снабжению колонии. В результате у него умерли наследники, исчезли в недрах компании все деньги, он находился в умирающем состоянии, как и его жена. Мы их спасли, вылечили и вывели, и он дал разрешение оставаться на этом и соседнем острове, а затем продал мне их. Вот сидит господин Боулардери, который может подтвердить мои слова. А вот – купчая на это имущество. Вы напали на мою собственность, господин епископ, даже не удосужившись вступить в переговоры. Хотя вам было прекрасно известно об этом обстоятельстве. В январе этого года здесь находился с визитом комендант форта Луисдэл капитан де Шатье. Он эти бумаги видел, не нашел во французских законах прямого указания, запрещающего продажу этих земель представителю другого государства. В патенте земля передана лично владельцу патента, и тот, находясь в своем уме и в праве, стоя на своей земле, продал ее мне. Но это еще не все, господин епископ, фактически король продал ему патент на землю, принадлежащую не ему. Вот сидит законный наследный владелец этих земель – господин Oreille Sèche, у него есть документ, ограничивающий собственность короля Франции на этих островах цифрой в 43,8 арпана. Это та площадь, которую купили у настоящего владельца этих мест. Сейчас там стоит форт Луисдэл. Вот эта купчая, племя Унама'Кик сохранило этот документ. Всю остальную территорию племя никому не продавало. У меня, как представителя княжества Выборгского, было право провести с племенем переговоры и вступить с ним в военный и экономический союз. Этот договор составлен и отправлен на подпись князю Выборгскому. Вот договор аренды, по которому все земли и воды, которыми владеет племя, переданы нам в аренду сроком на двести лет. В нем признается право первообладателя на проживание на этой территории, а княжество Выборгское обеспечивает оборону, бесплатное образование, бесплатную медицинскую помощь, пенсионное обеспечение по старости и инвалидности всем членам племени Унама'Кик, их участие в экономическом и политическом развитии данной территории. Договор составлен на трех языках: русском, лнуисимк и французском. В том, что князь Святослав подпишет его, у меня никаких сомнений нет.

– У дикарей есть письменность? – прозвучал вопрос епископа.

– Кто здесь большой дикарь, еще предстоит выяснить! – ответил на французском Сухое Ухо. – У нас была письменность задолго до прихода европейцев.

– Вы не беспокойтесь, у господина Oreille Sèche высшее университетское образование и диплом Выборгского университета по геологии, – громом прозвучало заявление капитана Головачева. Усселинкс даром времени не терял!

– Так как вы напали на меня без объявления войны и проиграли ее, то я как законный совладелец этих земель объявляю о невозможности нахождения форта Луисдэл в моих владениях. Если население и гарнизон не покинет эту территорию в течение четырнадцати суток, я оставляю за собой право решать их судьбу. Горе побежденным! Все острова архипелага до пролива Кансо принадлежат племени Унама'Кик и находятся под совместным управлением княжества Выборгского и совета племени. Граница на юге отныне проходит по середине пролива Кансо, – заявила мадам Лисина.

Форт Луисдэл практически не замерзал, максимум на один-два месяца в году. Лед образовывался только во внутренней бухте Сил, из других мест его постоянно выносило в океан. Иметь такой портик ой как не мешало! Прикрытый островом Аричат почти от всех ветров и штормов, он предоставлял отличное место для строительства основного порта, пока князь, как обещал, не построит ледокол.

Пастора с ультиматумом отправили в тот же день на коче в форт Луисдэл. Время пошло. Через неделю появился Макаров на своем «Т-105», вместе с ним пришел еще один крейсер и два судна проекта «Веди», предназначенные для перевозки крицы. Они больше, чем «Буки», у них шесть мачт, есть двигатель, чтобы безопасно ходить узкостями с сильным течением, и гирокомпас, из-за того что груз магнитный. Они неплохо вооружены: четыре башни от «ПТ-76». Корпус металлический, усиленного ледового класса. Правда, самостоятельно они вряд ли смогут ходить во льду: машина слабовата, это князь готовится к тому, что у нас будет ледокол. Один из них назван «Нововыборг», а второй носит название «Анастасия». Так тепло стало на душе, когда увидела. Значит... ой, не надо об этом.

Вернулся коч от Луисбурга, теперь отсчитываем дни, а Федор своих пехотинцев готовит к десантной операции. Война продолжается! Пастор оказался полным дубом, он решил защищать Луисдэл до последнего француза. У Сухого Уха потери, его разведчики не совсем аккуратно сработали, и часть из них убита, а часть попала в плен, где их сожгли на кострах. Они сунулись на пирогах в залив Ривьер-Нуа и нарвались на засаду. То есть нас там ждут и за озером наблюдают. От Черной речки до

Луисдэла всего двенадцать километров и есть тропа. Местные стратеги решили, что мы действовать будем там. Так как этими ребятами командовал Сухое Ухо, то так и случилось. Руководил французами кто-то опытный и хорошо знавший местность. Еще до того, как пастора отпустили, охрана карьера отбила попытку его захвата. Само озеро делится как бы на две части: Северный и Южный д'Ор, которые соединяются через узкий пролив Барра. Там французы попытались создать наблюдательные пункты и установить два орудия, которые, само собой, пополнили нашу коллекцию. Но южнее на побережье существовали французские поселения, и оттуда противник наблюдал за проливом. Скрытно подойти было невозможно, на чем и попались разведчики Сухого Уха.

Макаров разделил эскадру: «Анастасия» и бронекатер вошли через Большой Брас д'Ор в Северное озеро, а два крейсера и «Нововыборг» пошли в обход островов к Луисдэлу. Проблема заключалась в следующем: форт капитально закрыт островами, и северо-восточный пролив – мелководный, с большими песчаными банками. Эти банки имеют дурную привычку кочевать. Карты пролива Филиппа у нас не были откорректированы. Кроме маленького коча, там никто не ходил. Западный проход Леннокса глубокий, но узкий. На острове Аричат уже есть фортик, собственно он был первым в этих местах и назывался в те годы Иль-Рояль. Но место было неудачным, большая кочующая мель довольно быстро почти перегородила проход во внутреннюю гавань, и порт захирел. Кроме небольших корабликов туда никто не входил. В основном это место использовали для отстоя судов во время штормов, которые здесь сильные. Если на обоих берегах пролива поставить орудия, то залив перекрыть возможно. Они ничего не смогут сделать с корпусом кораблей, но могут повредить рангоут. Плюс у крицевозов рубка не бронирована, поэтому лучше не рисковать. Так получилось, что орудия крейсеров были менее дальнбойными, чем Д-56, которые были установлены на новых «Веди».

В общем, форт был взят в морскую осаду. Со всех сторон пройти туда было невозможно. А адмирал рассказал, что там сейчас находится почти шесть тысяч солдат королевской морской пехоты. А их же кормить надо! Но все запасы утопили вместе с корабликами.

Бронекатер взял на буксир «Анастасию» и ночью провел ее через пролив Барра в Южное озеро. Канал де Сент-Пьер в те годы был узкой рекой-проливом, практически несудоходным, лишь в прилив по нему могли проскочить малотоннажные суда. Да и соваться в шхеры залива Барра крупному и слабоуправляемому кораблю-рудовозу было опасно. Пришлось пройти к Ривьер-Нуа и там стать на якоря. По этому звуку французы и

узнали, что у них гости. Утром они решили взять на abordаж стоящее неподалеку от берега судно. И познакомились с работой модернизированных башен «ПТ-76». Затем катер с «Т-105» под белым флагом подошел к передовому форту на острове Леннокс, теперь он носит имя Бернт. Он передал мой ультиматум и просьбу – в случае отказа выполнить условия ультиматума, вывести женщин и детей из форта в лес.

С борта «Нововыборга» на песчаную косу в бухте Карибу высадился десант. Разведчики и корректировщики уже были на острове Аричат. В назначенное время флаг спущен не был, и корабли начали пристрелку по входному форту. Дымовые снаряды вызвали недоумение у защитников, но не напугали их. Они не поняли, что это такое и для чего делается. Когда каждый из двух кораблей пристрелялся, пошла серия шрапнелей. «Анастасия» работала по главному форту, а «Нововыборг» по входному. В западный пролив вошел крейсер «Т-105», подошел на четыре мили к входному форту, предварительно расстреляв две пушечные засады, и дал залп прямой наводкой по деревянным стенам форта. После этого над главным фортом взвился белый флаг. Епископу в этот раз не повезло, он был убит одним из залпов, и после того как погиб заместитель капитана де Шатье лейтенант де Вур, гарнизон сдался.

Но этим все не закончилось! Командования полком, который прибыл из Франции, в форте не было, часть полка находилась в лесу у Черной речки, а вторая часть выступила в поход по Северной дороге к Нововыборгу. Один из батальонов сильно пострадал во время неудачного abordаж «Анастасии», а второй был обнаружен бронекатером на дороге, идущей вдоль берега фьорда, и рассеян. Отлавливать его солдат пришлось две недели.

В лагерях скопилась куча народа. Кстати, поп не дал возможности женщинам и детям покинуть форт, и потери среди них были, правда, не такие большие, как среди солдат, потому что осколочно-фугасными мы не стреляли, только шрапнелью. А там кто не спрятался – я не виновата. Погибшие дети и женщины были в основном на входном форте, и было непонятно: что они там делали. Но факт оставался фактом. А война продолжалась, теперь в виде вылазок с полуострова Нуе-Бертейн, так тогда назывался полуостров Нова Скотия. Они, правда, были очень осторожными и редкими. Потом неожиданно все как обрезало. Ни вылазок, ни попыток разведки.

И в июне с того берега пролива Консо, днем, под белым флагом, подошла большая пирога. Парламентеры сказали, что готовы заключить мир и признать Нововыборг, так как Папа Иннокентий X признал колонию

и назвал действия выборгских законными. По папской булле во всех церквах провели молебны в честь Рюрика и Святослава за прошлогоднюю победу на Карибах и над голландскими Свободными Провинциями. Под эту сурдинку и кардинал Мазарини приказал остановить уже проигранную войну. И я объявила амнистию. Всех, кто хотел остаться на островах, ждала присяга, а кто не хотел, того переправили на Нуе-Бертейн. Никакого резона ослаблять и без того подорванное могущество Франции в этом регионе не было. Сейчас на ее труп слетятся грифы и прибегут шакалы. В глубине залива Фанди англичане выстроили форт Чарльз, взять который оказалось не по зубам французам. Оттуда все и начнется. Еще один рассадник – остров Ньюфаундленд, где большая часть уже принадлежит англичанам, и лишь самая западная оконечность еще в руках у квебекцев. Акадия свою часть Ньюфаундленда уже потеряла. Этот вариант был предусмотрен планом, и мы не настаивали на том, чтобы люди уходили к нам. Остались только те, кто принял такое решение самостоятельно. План не предусматривал создания «выселок» и «китайских кварталов». Франкоязычные поселенцы селились на тех же улицах, что и русские. Индейцы пока построили всего два дома: в одном жил Сухое Ухо и его три жены, а в другом происходили заседания совета племени. Заседать у костра вождь не стал.

Начало нереста сельди совпало с обострением между нами и англичанами с Ньюфаундленда. Не ходившие к форту Дофина ранее, англичане прислали целую флотилию мелких рыболовных суденышек, явно с целью обострить отношения. Два наших моторных катера в рупор уговаривали рыбаков прекратить незаконный промысел. Нас не понимали. «Speak English, please!» – кричали в ответ нахалы. Командиру бронекатера надоело, и он поднял «Браво» и брейд-вымпел. Первой же очередью спаренного «корда» он, буквально, разорвал нескольких человек на борту ближайшего баркаса. Оказалось, что все всё сразу поняли, и язык, оказывается, был английским! Но на отходе командир «Свири» досматривал баркасы и конфисковал те из них, которые были с уловом. Их он отбуксировал к Черным Скалам, где расположился досмотровый пункт. Там англичане попытались в ножи захватить и катер, и здание поста. Но были неприятно удивлены скорострельностью личного оружия таможенников и береговой охраны. Их баркасы мы передали индейцам, но те им не понравились, слишком тяжелые. Сами индейцы в море выходят редко, предпочитают рыбачить на озере, в котором тоже много рыбы и выдр. А вот бывшие французы эти кораблики с удовольствием забрали.

По совету Святослава мы попытались развить лов лобстеров, но тут

проблема возникла. Их действительно очень много, но хранить было негде, пока не пришел рефрижератор. После этого дело пошло на лад. Очень хорошо покупают в Европе, особенно во Франции, с которой наконец установлены нормальные торговые отношения, и почти семьдесят процентов мороженных лобстеров скупают туда. За лето отправили два корабля. Селедки и трески ловим, конечно, больше, но цена на лобстеров много выше.

«Сельдевая война» на этих мелких эпизодах не закончилась, бронекатеру еще дважды пришлось вести бои против английских кораблей. Лишь потеряв три довольно больших суденышка, они прекратили наведываться к Бретону. Правда, и нерест закончился. В Европе же «сельдевую войну» раздули до небес, дескать, нарушают свободу мореплавания и морского промысла. Но полгода назад был издан «Навигационный акт» Кромвеля, и князю Святославу с легкостью удалось перевести проблему к ограничительным мерам для развития собственного рыболовства. Кромвелю пришлось заткнуться. До начала зимы больше инцидентов в море не происходило.

Англия признала выборгские территории в Новом Свете законными лишь в середине зимы, когда это стало препятствием для установления дипломатических отношений с Выборгом, и Святослав открыто объявил о том, что в этом случае он начнет препятствовать программе наращивания английского флота, потому что имеющегося у него тоннажа вполне достаточно, чтобы полностью удовлетворить спрос на фрахт в Трансатлантике. Тем более что многие направления стали регулярными для флота. И страховых случаев в Регистре Выборга происходит многократно меньше.

Взяв в аренду порт Вилла-де-ла-Вега и форт Порт-Рояль на острове Сантьяго (Ямайка) и установив там свои порядки, и имея механизированный порт на острове Бонэйр, он начал войну страховых ставок и стоимости фрахта. Большой тоннаж позволял с легкостью обходить прочих на трансатлантических линиях, и тем оставались только каботажные перевозки. А в каботаже много не заработаешь. Во всех более-менее крупных портах были представительства Компанья де Навигасьон де Выборг, и любая крупная партия грузов почти мгновенно оказывалась в трюмах выборгских судов.

Кромвель неудачно выстроил политику наращивания флота, обязав приморские города строить корабли. Они их строили, но оснащение и вооружение английских корабликов и их конструкция были заметно

устаревшими. В них запикивали кучу вооружений, они имели малую осадку и высокий надводный борт, то есть были предназначены не для перевозок, а для абордажного боя. Это было наследством голландской школы судостроения. А груза могли перевезти мизерное количество. Собственной судостроительной школы в Англии не имелось. Количественно английский флот рос быстро, а тоннаж набирался с огромным трудом.

А Выборг строил именно океанские корабли, с соответствующей грузоместимостью. Разместить четыре орудийные башни и все остальное место отдать под груз несколько проще, чем напихать семьдесят орудий на двух батарейных палубах, оставив сотню тонн под груз.

Попытка Кромвеля ограничить заходы иностранных кораблей в английские порты привела к сахарному бунту. Цена на сахар в Англии стала значительно выше, чем в соседней Франции и испанских Нидерландах.

К тому же Испания и Выборг провели еще одну операцию по искоренению пиратства, теперь уже в северной части Карибского бассейна в районе Флориды и Лукайских островов. Чистка оказалась полезной. Более пятидесяти пиратских кораблей обнаружили и уничтожили в районе коралловых островков на выходе из Мексиканского залива. В прошлом году из-за того, что «Т-105» зимовал не на Бонэйре, такую операцию провести не удалось. Теперь же безопасность мореплавания была восстановлена.

Большая часть этих корабликов была свежестроенными «англичанами». Это был неплохой удар под дых для Кромвеля, и после этого и были установлены дипломатические отношения между нашими странами. Макаров местом стоянки выбрал остров Дивина-Провиденсия, где была основана военно-морская база. И компании, и ВМФ срочно требовалась дальняя радиосвязь, и удаленный необитаемый атолл с защищенной гаванью как нельзя лучше подходил для этого. Непонятно почему, князь приказал назвать остров и город не по-русски: остров переименовали в Кроншлот, а поселение назвали крепостью Кронштадт.

Андрей Матвеевич Макаров

Я родился в Питкяранте, мой отец был плотником и мастером по кочам и ладьям. Он их и ремонтировал, и сам строил, его ладьи считались лучшими на Ладоге. И однажды в наш дом постучался боярин Леший. Не один, вместе с ним был Порфирий из Пайлаа. Совсем недавно в нашем уделе произошли события, в результате которых сначала шесть крупных деревень, а потом и город Выборг стали принадлежать новому князю Святославу, но в нескольких верстах от нас существовал свейский погост грёнников, в три десятка пикинеров и аркебузников. Питкяранта платила мзду им, так как новый князь других не прислал. Князь приехал на какой-то странной машине, которая бегала сама. На нем и Порфирии были грязно-белые балахоны и странной формы шлемы. У Порфирия за поясом было два шведских пистоля, а у князя за спиной висел замотанный в белую материю какой-то странный пистоль, над которым была еще одна трубка. Потом я узнал, что это бесшумный «Вал». Отец настороженно отнесся к визиту, пока не узнал, что князю требуется корабель. Но было и условие: работать не здесь, а в Пайлаа. Пообещали хорошие деньги и помощь в переезде и в строительстве дома в Пайлаа. Я уже давно помогал отцу в работе: сначала подай-принеси, потом начал делать шпонки, которыми мы крепили обшивку. Их две: одна толстая, а вторая тонкая, которая крепит первую. Шпонки делались на конус, затем перлом разворачивалось одно отверстие, и в нее вгонялась шпонка на рыбьем клее, затем требовалось более тонким перлом точно пробить обделю и толстую шпонку навывлет и закрепить ее уже без клея, чтобы можно было вынуть, и снять прогнившую обшивку. Мне было уже четырнадцать, из них шесть лет я был при отце подмастерьем.

Мы переехали, и нас сразу поселили в свейском доме. Он был каменный, и его строили для свейского попа. Отец снес камин и поставил печь. Несколько дней нас совсем не трогали, сказали, обживайтесь. Затем показали лесопилку. Самая тяжелая работа по изготовлению досок для обшивки исполнялась на четырех станках. Везде были приспособления, которые облегчали и упрощали производство готового продукта. И, главное, я остался без работы! Вся сборка проводилась на металл. Брался прут, вставлялся в трубу, идущую к станку, а станок продолжал работать. Заготовку захватывал кто-то внутри трубы, и она начинала сама ползти внутрь. Сначала к немного вылезшему кончику подводился какой-то

цилиндр, затем сама срабатывала толстенная задвижка, и звучал глухой удар. Задвижка задвигалась обратно, цилиндр уходил чуть в сторону, а заготовка начинала вращаться с небольшой скоростью. С двух сторон к ней прислонялись валки странной формы, и почти готовый саморез, с фиксированной шайбой и отверстием под шестигранник, падал в корзину под станком. И все это быстро-быстро. Только успевай смотреть на счетчик и подставлять новую корзину. Князь увозил эти винты куда-то в малый дом, и возвращались они покрытыми каким-то другим металлом, когда матовым в разводах, когда серым с небольшой радужкой, а когда и блестящие, как полированное серебро.

И ладью он строил необычную. Она могла ходить сама, с помощью винта, против течения и ветра. Князь о металле знал все. Привез интересный инструмент, который крутился, бил, строгал сам, стоило нажать на кнопку. Отца, уже в феврале, назначил мастером, обращался к нему как к барину, по имени-отчеству. Всегда вежливо. Никого никогда не бил, но штрафовал, если провинились, или выгонял с работы.

Через некоторое время и меня перевели со станка в мастерскую, где делались двигатели для тракторов и ладей, слесарем. А весной я попал на сборы, где из нас стали готовить воинов. Учили ходить строем, носить одежду, броню, заправлять койку, бегать по полосе препятствий. Вместе с молодежью вроде меня тут же учились и бывалые воины, которые помогали нам, соплякам, быстрее освоить тот или иной прием. Оружие у всех было шведское. Затем тех, кто учился быстрее и лучше остальных, посадили в ладью и отвезли на остров на полдороге к малому дому князя. Там нас еще раз переучил сам князь, и мы стали *ротой разведки*. Здесь я и узнал, что за оружие висело за спиной у князя, и сам научился пользоваться таким. Когда князь посчитал, что мы и техника готовы, нас погрузили на шесть ладей и отправили из Пайлаа по Шуе в Онегу, а потом мы спустились на Ладогу. Предстояло освободить полностью Водьскую пятину от свеев. В тот поход мы взяли боем Медведков монастырь, Орешек и Корелу, остальные крепостицы и военные поселения свеев сдались и дали присягу на верность князю. Гвардия больше в Пайлаа не возвращалась. Лишь несколько раз я бывал там в отпуске, когда учился уже в морском кадетском корпусе.

Со временем мастерская в Пайлаа стала больше производить станков для текстильной фабрики, а не ладей, но отец продолжал работать там директором механического завода и был одним из самых уважаемых в городе горожан. Пайлаа стала большим городом – больше Выборга. Только город теперь звался Князево.

Грамоте меня еще отец учил, поэтому я только переучился на новый алфавит, но два года изучал математику и русский язык в вечерней школе при роте. Зимой была война со шведами, и на следующую осень я поступил в кадетский корпус. Перед этим меня перевели из гвардии в пограничную службу, и я получил под свое начало парусно-моторный катер береговой обороны. Ходить на кочах, построенных отцом, я начал с детства, поэтому больших сложностей не возникло. А владение оружием и уход за ним были крепко вбиты в гвардейской роте.

Летом мой катер задержал два шведских корабля, которые попытались войти в Выборгский залив, и я получил офицерское звание лейтенант, хотя только начал обучаться в корпусе. Кроме командования кораблем и учебы меня нагрузили и подготовкой кадетов по нескольким дисциплинам. То, что умел сам, требовалось передать младшим товарищам. Через год, сдав курс сферической геометрии, навигации и парусного дела, был отправлен помощником капитана на барке «Выборг» в рейс в Египет. Перед отправкой князь лично проинструктировал меня, что я обязан привести корабль домой, если с капитаном что-либо случится. О том, что могло случиться с капитаном, мне тоже сказали. Вместе с нами в рейс шли гвардейцы из нашей роты, которые обеспечивали безопасность, а меня на всякий случай посадили на этот рейс, чтобы подстраховать гвардейцев. Я единственный из самой первой роты стал военным моряком.

Нашим капитаном был пожилой немец Тоомас Мур, он учился в Копенгагене и Лондоне корабельному делу. Ворчливый, вечно всем недовольный, но свое дело знал крепко и очень любил свой «Выборг», хотя «свой» было весьма условным понятием. Корабль принадлежал самому князю, и он был первым его капитаном. Судно было новым, и все только учились управлять им. Неплохо вооруженное, оно никому не уступало в скорости. Я, как уже говорил, был помощником капитана и по боевому расписанию командовал канонирами корабля. Пушки были новыми, перед рейсом всех канониров прогнали через курсы подготовки. У пушек был клиновой затвор и оптический прицел. Снаряд был подкалиберный с отделяющимся поддоном, картуз картонный, в шелковом мешке. Запал был связан с инерционным двигателем, который приводился в действие ногой. Не слишком удобно, иногда приходилось несколько раз нажимать на педаль, чтобы произвести выстрел. Уже позже на такие орудия поставили топливный элемент, и зажигание перестало капризничать. Но в первом же бою с пятью галерами недалеко от арабского города Гибралтар мои канониры потопили четыре галеры, а гвардейцы взяли на abordаж пятую. Пушки стреляли дымным порохом, и в ходе боя приходилось учитывать то

обстоятельство, что некоторое время будет ничего не видно, и ограничивать скорострельность.

По приходе из похода меня снова направили в корпус на учебу, а поход записали как практику. Следующим кораблем для меня стала «Татьяна». Тоже шхуна, тоже без главного двигателя, имела такой же корпус, что и «Выборг», и такой же выдающийся ходок. В штиль умудрялась ловить малейший ветерок и идти. А уж в сильный ветер так просто летела над волнами. У нее было в два раза больше орудий – таких же, как у «Выборга», но имелись вспомогательные двигатели и приборы управления огнем. Я был там и помощником капитана, и командиром БЧ-2 – артиллерийской боевой частью. После нескольких походов по Балтике нас отправили с целым выводком курсантов в кругосветное путешествие. Мы обошли Африку, побывали на острове Маврикий, поставили там подран – это такой камень-заявка, что эта земля принадлежит Выборгу. Оттуда перешли к Австралии, пробежались по тихоокеанским атоллам, зашли в Перу, и там погрузили на борт селитру, за которой, собственно, и ходили, она была целью похода. Затем высадили людей в устье Амазонки и ушли обратно в Выборг, где меня ждали выпускные экзамены. Более чем полугодовое плавание было очень интересным и насыщенным настоящими открытиями. Один из атоллов в Тихом океане носит теперь мое имя. Его обнаружили и обследовали на моей вахте.

Самое удивительное случилось после прихода домой. «Татьяну» разоружили и отдали в судоводную компанию – такой замечательный и такой быстроходный кораблик. Теперь она будет возить сахар, селитру и каучук. А я, после экзаменов, принял БЧ-2 на «Татьяне Выборгской» и лишь после этого понял, что старая «Татьяна» свое действительно отслужила, хотя как моряку мне было бесконечно жалко с ней расставаться. Но «Татьяна Выборгская» была крейсером и несла броню. У нее было всего девять орудий на каждом борту, зато каких! Двадцать – двадцать пять выстрелов в минуту бездымным порохом. Не требовалось банить орудие после каждых пяти выстрелов. Командир БЧ-2 имел собственный боевой пост, откуда управлял стрельбой обоих плутонгов, и на каждом борту находился еще такой же пост управления на случай выхода из строя главного поста. Корабль был предназначен для боя и стрельбы на большие расстояния.

Полгода мы провели на полигонах, упражняясь в стрельбе с закрытых позиций, потому что все орудия имели угол возвышения больше сорока пяти градусов. Два орудия были калибром 152 миллиметра, картузного заряжания, с тремя зарядами. Предназначены для разрушения фортов. Всю

зиму мы, экипажи семи новых крейсеров, хотя три из них еще даже не спущены на воду, занимались в классах и на полигонах. Весной, с увеличенным экипажем, вышли в море и провели целый ряд стрельб, как одиночным кораблем, так и в составе эскадры. К чему-то готовились.

Незадолго до этого я, правда, был в море и лишь потом узнал подробности: наш князь был избран царем московским. Он достал меч Рюрика из тайника в Новгороде и поклялся на нем защищать Русь. Но царем его не посадили. Большинство людей в Води в бога московского не верует. Есть, конечно, и такие, но в основном веруют в старых богов. Так вот патриарх московский отказался исполнять обряд коронавания, и Москва осталась без царя.

В то время мы только начали принимать «Татьяну Выборгскую». Пока шла достройка, гвардейский батальон разбил крымчаков на Орели, и назревала большая война с Крымом. Каждые полгода со стапелей сходил новый крейсер типа «Т», у нас уже четыре штуки на плаву, из них три боеготовны. Но зимовать мы остались дома. А у меня тут еще и роман приключился. На Иванов день взяла меня в оборот красotka. Ребята вытащили развееяться да хороводы поводить на поляне. Весело было, да еще и отвар заставили выпить. Мы прыгали через костер, радовались ушедшему за горизонт солнцу и середине года. А потом меня в лесу поймала она.

– Да ты еще нецелованный, ух ты! – сказала она, оторвавшись от моих губ. И еще крепче впиалась в меня, срывая с себя остатки одежды. Потом повозилась с моими ремнями и повалила на землю. А на меня какой-то ступор напал. Спротивляться не было ни сил, ни желания. Все желание ушло вниз. И, как только влажное и горячее чрево ее опустилось на меня, так это желание фонтаном и ударило.

– Ох, нецелованный, да не спеши ты так. Всю меня залил. Ну-ка, вот так, тихонечко, еще, еще. Глубже, глубже, еще, еще. Ох, ох!

И так до полного моего изнеможения. Даст чуть-чуть отдохнуть, потом расцелует всего и везде, усядется сверху и грудями мне по лицу водить начинает, и все опять повторяется. А ближе к утру прошел угар мухоморный, она оделась и убежала, напоследок шепнув мне на ухо, что теперь я принадлежу ей и она меня найдет. Оказалась боярыней московской, которая пошалить в лес на Иванов день пришла. Бездетная она, боярин богатый да пустой.

А через несколько дней мне в руку какая-то девица сунула записку, там вязью был адрес написан и время. И стали мы с ней ночами темными встречаться. А к осени она написала, что тяжела и все, что нужно, она от

меня получила, и перестала появляться. И такая тоска меня одолела, что хоть топись. А тут еще мамка пристала: женись да женись. Не хочу! Эх, в море бы уйти! Прошел месяц, я, после того как она не пришла, еще пару раз заходил на ту квартиру, а потом и прекратил, так опять та же девица записочку принесла: муж о чем-то стал догадываться, и ей пришлось все прекратить, а так любит она и знает, чьего ребеночка под сердцем носит. В общем, не отпустила она меня от себя. А весной ее боярин в поход ушел на Крым. Она уже на сносях, лицо в пятнах, животище огромный, да еще и одежда боярская его увеличивает. Увидела меня на улице, улыбнулась, положив руки на живот, и прошла мимо, так как не одна была.

И тут у нас сплошной аврал начался, срочно достраиваются на плаву «Т-104», «Т-105» и «Т-106». Святослав ушел в Крым, формируются полки морской пехоты, в том числе и гвардейской. Почти непрерывно учения, занимается нами лично княгиня Выборгская, а я ее недолюбливал из-за въедливого характера, она у нас физику, химию и математику в корпусе читала. У нее странное сочетание красоты и дотошности. Сначала она всем понравилась: и умна, и красива, и фигура точеная, а потом как пошла она с нас три шкуры на экзаменах и зачетах снимать, так хоть волком вой! А тут князь в отъезде и ей поручил большой поход подготовить. А я – старпом на флагмане. Тут она с меня вновь три шкуры и содрала: заставила газовыми горелками пройти по всему борту, затем залакировать борт: проявить рисунок и состарить дуб, – во все щели заглянула, везде заставила навести полнейший порядок. Я думал, что она только меня так гоняет, а оказалось, что всю эскадру. В этой суматохе получил записочку от Анны, что она разрешилась сыном и хочет назвать его Андреем. Сына увидел уже на причале, на отходе в учебный поход всей эскадрой. Нас пришел проводить весь город, пришла и Анна, держа на руках сына. Посмотрел на него в бинокль, но так ничего и не рассмотрел.

Все лето прошло в сплошной нервозности, но перед походом на квартиру появилась Анна, и мы опять были вместе, правда, всего несколько часов. А через день на борту появились князь, княгиня и двое их детей, и мы вышли в море. Поход оказался особенным: официальный государственный визит в четыре страны: Данию, Испанию, Португалию и в Османскую империю. Много разговоров о Крыме, где завершается операция по его зачистке. Османы взялись вывезти своих за море, Крым взят и присоединен к Выборгу. Непроступный Перекоп пал, причем взял его первый гвардейский полк еще до подхода московского войска. Затем полк осадил и взял столицу Крымского ханства город Бахчисарай и знаменитую горную крепость Кырк-Ерк. Выдолбленную в горе крепость

наша рота взяла за семь минут штурма. Я так жалел, что не участвовал!

Князь и княгиня – опытные мореходы, почти постоянно находились наверху. Князь гонял эскадру на сплаванность, выполнение традиционных и торжественных приемов и смотров. Предстояло показать выучку перед королями, у которых сильный и хорошо обученный флот. А одевают и обувают нас фабрики, принадлежащие самой княгине. Поэтому баталеры выдали перед походом новую форму №№ 2, 3 и 4 всем матросам, а офицерам приказано свою форму привести в полный порядок. Мы ж не бедствуем и шьем форму в Выборге у модных портных. Штатную, прямо с фабрики, только некоторые молодые лейтенанты носят. У остальных это почти обязательная процедура: пойти к немцу Шварцвальде и пошить у него все. Как любил говаривать князь: «Флот – дело дорогое и фасонистое!» Пока нас готовили к походу, мы привыкли уже, что княгиня появляется в морской офицерской форме, причем не только в парадной, но и в рабочей. Князь тоже парадной формой особо не щеголял. Он все время в работе, и когда только все успевает? Теперь за ним постоянно хвостиком бегают княжич Александр, он в кадетской форме, хотя такого младшего класса в корпусе нет. Но княгиня объявила, что такой класс набран, и с этого года в нем начнут обучение шестьдесят мальчиков. Большая часть из них или сироты, или дети моряков.

Она и на флоте, и в княжестве, отвечает за образование и является учредителем и ректором университета Выборга. На флоте у нее тоже есть должность, она – главный инспектор флота по образованию. Все офицеры обязаны вести занятия с матросами, и все матросы должны стать грамотными. Она и устроила проверку сразу по приходе на рейд Валенсии. Там была пауза, король Испании Филипп IV еще не подъехал из столицы, и мы ожидали его, на всех кораблях лично княгиня провела три контрольных занятия: по математике, по русскому языку – диктант и сочинение. И я впервые удостоился ее похвалы и получил золотой ручной хронометр Бреге. А он стоит около пятисот талеров. Царский подарок. И это за то, что по итогам проверки экипаж «Татьяны Выборгской» получил первое место. Княгиня так и сказала:

– Этой наградой я хотела подчеркнуть важность той задачи, которая поставлена перед офицерами флота: обучить как можно большее количество солдат и матросов, чтобы они несли свет просвещения в города и села, в которые вернутся после службы. Обучить их надо правильно и крепко.

На рейде замучили построениями и захождениями. Салютная пушка остыть не успевала. В начале и в конце визита мы давали праздничный

салют и фейерверк в честь королей. Во время такого салюта в Чанаккале неудачно стартовавшая ракета ранила командира крейсера «Т-105». Князь на его место сразу назначил меня, присвоив очередное звание старшего лейтенанта.

Принял приказ из рук князя. После сдачи дел лейтенанту Бренгтону, командиру БЧ-2, откозыряв, спускаюсь по трапу на стоящий под бортом командирский катер с «Т-105». Держась за поручень, отдаю честь флагу и князю, пока катер идет вдоль борта флагмана и делает циркуляцию. Затем приветствую уже свой экипаж. Впервые в мой адрес звучит «Захождение» и гремит один выстрел из сигнальной пушки. На борт прибыл новый командир. Принимаю рапорт старпома и крепко жму его руку. Прохожу вдоль строя одетых в белую робу матросов и старшин. Знакомлюсь с офицерами, пожимая каждому из них руку. Каюта уже прибрана, вещи старого командира отправлены на флагман – лежит в лазарете там. Он из Выборга, швед по национальности, один из акционеров судоходной компании Выборга. Нам еще в корпусе говорили, что задачей корпуса является вырастить собственных командиров кораблей, и я первым из его выпускников получил свой корабль первого ранга. На остальных командуют капитаны выборгских гражданских судов. Нет ни одного русского или води. Только иноземцы. Наша страна лишь поднимает флот, и это – его дебют. Об этом постоянно говорит князь, и о том, что этот дебют должен быть удачным.

Через два дня выбираем якоря, я занимаю свое место в ордере, и перед нами опускают знаменитую «Цепь». Перегороженное много веков Мраморное море, куда кроме византийских и османских кораблей свободно входить не мог ни один корабль, приняло нашу эскадру. Лишь для Генуи и Венеции Константинополь открывал этот путь, но брал за это пошлину. Турки никого не пропускали в их два моря. И наконец, этот путь открыт для нас, и через двое суток мы стали на якоря в Инкерманской бухте. Звучит торжественный салют, ему вторят орудия гвардейского полка, расположившегося на южном берегу бухты. Здесь заложен город со странным названием Севастополь.

Принимаем продовольствие и воду, на борт высаживается гвардия. Проводили на берег княгиню с детьми и подняли якоря. Уходим, как и пришли, в том же составе, не оставив никого в новом городе. Так как на борту гвардейцы, значит, идем не к теще на блины. Князь куда-то торопится. Еще раз зашли в Валенсию, похоже, начинается какая-то совместная войнушка, потому что и мы, и испанцы поднимали оба флага при встрече. Эскадра вышла в океан и пошла на запад-северо-запад на

широте Азорских островов.

Шли быстро, ветер был еще попутный, после Азор легли на новый курс и, несмотря на сменившийся ветер, теперь он дует с запада, поэтому князь и торопился, идем почти семнадцатиузловым ходом в сторону Кубы. Нагнали небольшую и разношерстную эскадру пиратов, и князь поднял брейд-вымпел, означающий атаку. По радио он отдавал команды, перестраивающие нас в боевой строй, мы перерезали курс пиратам и дали два залпа шрапнелью на высоте парусов. Орудия крейсера снабжены следящим устройством, оно удерживает горизонт до определенного угла крена, и на борту имеется успокоитель качки. Поэтому стрелять можно довольно точно и с большого расстояния, так, чтобы орудия противника тебя и достать не могли, но такая стрельба требует очень точного исполнения всех измерений, и ее ведет не сам человек, а вычислительная машина. Называется она СУАО (система управления артиллерийским огнем). В машине несколько полированных цилиндров с дорожками, и она разрешает залп только в случае, если все введенные ограничения совпали. К ней подключены дальномер, гирокомпас, указатели крена и дифферента и центральный прицел. Мы вели стрельбы с ее помощью, но это были Балтийское и Черное моря. В океане стреляли впервые. Тем не менее, приборы сработали хорошо, а канониры и наводчики не допустили ошибок. Пристрелялись из одного орудия на миделе, а потом дали залп всем бортом на поражение. Пострелять удалось только моему кораблю и флагману. Остальным целей не досталось. Получили благодарность за отличную стрельбу, поднятую на мачте флагмана, и эскадра перестроилась в походный клин.

Лишь на рейде Порт-Рояля нас, командиров кораблей, собрали вместе и объявили о целях и задачах кампании: в союзе с испанским и португальскими флотами очистить Карибский бассейн и Мексиканский залив от пиратов. Не дожидаясь союзников, мы начали операции в Карибском море. Командовал эскадрой лично князь. Операция шла быстро и без потерь, все пираты в это время года приводят в порядок свои корабли и стараютсяшний раз не рисковать, так как это сезон ураганов в Карибском море. Мы же, имея две машины и опытного командующего, действовали решительно. Испанцы и португальцы, следуя за нами, активно занимались грабежом на берегу. Гвардейцы же захватили только один остров Доброго Ветра. Очистив побережье от пиратских баз, вошли в устье Амазонки и вывезли оттуда много собранного латекса. С ним и пошли в Европу.

Я шел в сторону дома с уверенностью, что оставшееся время проведу

там и смогу встречаться с Анной, но по дороге вновь пришлось обстреливать города, теперь уже голландские, потому что Свободные Провинции Нидерландов объявили Выборгу войну. На суше мы не действовали, отдав все на откуп испанцев и датчан, которые присоединились к «Союзу трех». У Выборга посмотрели со стороны, как наша береговая оборона расправляется с флотом голландцев.

А потом был праздник в Выборге, нас пришел встречать весь город. Пришла и Анна с супругом. Посмотрев на очень довольного и счастливого боярина, как он нежно и бережно относится к ребенку, я понял, что не смогу больше продолжать эти встречи. Кстати, и сама Анна, по-видимому, пришла к такому же мнению, потому что больше я записочек не получал. Время лечит, в том числе и сердечные раны.

Однако сразу после праздника меня вызвал в штаб флота князь и передал пакет с планом создания поселения на севере Америки. Вместо отдыха мы начали грузиться, принимать топливо, воду и продовольствие. Под моим началом три корабля, и на мне лежит ответственность за всю экспедицию и за ее безопасность в ходе постройки оборонительных сооружений. С началом ледостава мне было предписано направиться к острову Доброго Ветра и сменить там «Т-102».

Главой поселения была назначена «маленькая княжна» – воспитанница князя, с постоянно очень гордо поднятой головой. Почему князь сделал такой выбор, мне было неизвестно. Но пообщавшись с Анастасией Гавриловной, я понял, что руководить людьми она умеет, много знает в различных областях и весь план поселения составлен лично ею. Она была замужем, поэтому ее я исключил из списков заранее. Хватит, уже накушался. Тем более что с первопоселенцами шло довольно большое количество женщин и девушек из Выборга, Гельсингфорса и Князево.

Затяжная весна выдала нам встречный шторм на переходе, и пришлось подниматься почти к Исландии, для того чтобы пересечь Гольфстрим. У нас на крейсере еще ничего, тут в основном морская пехота сидит, а на двух «букашках» народ укачался вусмерть. После поворота на юго-запад забрали северный ветерок, и течение стало помогать, но навстречу идут огромные длинные валы, высотой под шесть – десять метров. Кренов не стало почти, но вертикальная качка сильная.

«Маленькая княжна», после выхода в океан, почти неделю не показывалась и в кают-компанию не ходила – укачалась. Когда шторм стал слабее и ветер чуть сбил накат, она появилась, вся зеленая и с кругами под глазами. Не понимает еще, что на ногах качка легче переносится. Мы ее покормили, и она даже управилась со своим желудком. Но сделала

правильные выводы из своего состояния и стала часто появляться на мостике.

У Ньюфаундленда видели несколько рыбаков. Скорее всего, англичане или датчане, но флаг они почти никогда не носят. Флаги быстро обтрепливаются, и их поднимают только по требованию. Флаг – штука дорогая. Чтобы не нервировать рыбаков и не раскрывать свое направление, держимся подальше от них, хоть и бесполезно это: такой набор парусов только у нас – так сказать, визитная карточка флота.

У Ньюфаундленда волна подстихла, ветер попутный, и я прибавил парусов. Два «Выборга-Буки», которые шли сзади, ходят под парусом даже быстрее нас, у них винтов нет, поэтому с легкостью держали строй. Я их могу обогнать только на комбинированном ходу – парус и машины. Но мы же не на гонках, мы на переходе. Поворот, корабль чуть увеличил крен на левый борт, и вода зашумела еще сильнее.

К утру уже были на месте, и я убрал основные паруса, оставил только кливер, сбрасывая ход. Теперь действуем как по учебнику: подход к неизвестному необследованному берегу. Здесь главное – спиной и священным местом чувствовать опасности. Впередсмотрящих загоняю в бочку на фоке, четырех человек к бушприту. В машину даю команду поднять пары. Звучат колокола громкого боя, поднимая всех по боевой тревоге. Корабль готовится к бою. Опускаются ложные батопорты, и вываливаются орудия на батарейной палубе. В походном положении стволы пушек спрятаны в нишах и прикрыты фальшбортом. Как говорит князь: «Дабы не пугать противника заранее, сбежит ведь, подлец!» Давление пара уже в зеленом секторе, и я дал «малый вперед». Скорость корабль почти не изменил, но управляться стал лучше. Глубины пока большие, подходим к траверзу Низкого мыса. Тогда я не знал, что скоро этот мыс станет для нас родным домом. Поворот, и рублю последние кливера. Дальше только под машиной. Впереди две коварные мели. Рваный туман немного мешает рассмотреть окрестности. Здесь вообще очень много туманов.

Одинокий полосатик скользит неподалеку, показывая изогнутый назад плавник. Кружатся чайки. Тишина. Ни одного дымка, и местность кажется вымершей. Прохожу между мелями, и тут все накрывает туманом. Стоп машине, малый назад.

– Отдать якорь!

Загремела цепь в клюзе. Вижу, как боцман закрутил стопора, затем доложил, что под нами шестнадцать метров. Отлично! Разведка готовится на выход, поскрипывают тали шлюпбалок, чуть прошумели выложенные

штормтрапы и выстрелы шлюпок. По ним пробегают пехотинцы и по шкентелям с мусингами занимают места в шлюпках. Спущено и два катера. На баке готовят к спуску на воду пограничный бронекатер, весь рейс простоявший там. Я таким командовал под Выборгом. Зашумела паровая лебедка, звучат резкие команды боцмана. Срублены леера, корма катера приподнимается, и он соскальзывает по намасленным подушкам в воду. Вслед за ним за борт уходит конец, которым он принайтовлен к кораблю. Подняв столб воды, катер ныряет в воду и всплывает, пытаясь оборвать конец, но боцман умело травит его через кнехт, одновременно притормаживая тяжеленную «игрушку». Набрасывает еще шлаг и останавливает бег норовистого скакуна. Затем подбежавшие матросы помогают боцману подтянуть катер к борту. По штормтрапу туда спускаются команда и десант. Все готово.

Но облако тумана еще не кончилось, хоть и поредело. Наконец звучит команда: «Весла! На воду!» Зашумела вода под винтами катеров, один двинулся к песчаному мысу, а второй побежал в восточный залив. К берегу устремилось шесть шлюпок. Канониры и наводчики орудий припали к приборам наблюдения. На мостике все обшаривают глазами окрестности. Анастасия Гавриловна немного нервно покусывает карандаш, которым она делает записи в блокноте. Лицо побелело от напряжения. Обращаю внимание, что она довольно красива и очень аппетитно выглядит. Большая грудь, красиво подчеркнутая платьем, холеные руки с аккуратным маникюром. На плечи накинута отороченная мехом кацавейка, тонкие губы, и брови узкими стрелками обрамляют громадные синие глаза, в которых плещется море и небо. Улыбнувшись собственным мыслям, совсем не соответствующим моменту, отошел чуть в сторонку, чтобы не отвлекаться.

Высадка идет тихо, так что все состоялось, и прав был князь, который говорил, что людей в этой местности скорее всего нет. А мысли? Что мысли, если уже почти год в море и просто хочется прижать к себе и поласкать женщину. Природу не обманешь, а я уже не тот нецелованный мальчик, каким был два года назад.

Людей мы нашли через два дня, но это были больные скелеты с шатающимися окровавленными зубами. Их сразу уложили в лазарет на одном из «Выборгов». Две трети команды приходится выделять на строительство, а остальные несут вахту, наблюдая за обстановкой и поддерживая корабль в боеспособном состоянии. На берегу строим здание экипажа для плавсостава и домик капитана порта, коим в данный момент

являюсь я. С удовольствием перебрался туда, чтобы походить по земле и немного изменить обстановку.

Там и познакомился с женщиной, зовут ее Моник Анна Мари де Фриз. Она из Фландрии, восемь лет назад завербовалась работать ткачихой на фабрику в Князево. Говорит, что от отчаяния, так как была беременна от неизвестных английских солдат, которые использовали ее несколько недель подряд всем отрядом, ребенок, правда, уже давно умер, родился слабым и болезненным. Очень любит путешествовать, поэтому, услышав о возможности посетить Новый Свет, записалась и сюда. Тем более что говорят, что скоро и здесь будет построена такая же фабрика, и у нее есть шанс стать на ней мастером. А пока она работает в офицерской столовой подавальщицей. Она была очень общительной, но как только дело доходило до чего-то большего, то сразу: «Нет, я не хочу, я не буду!» Так продолжалось до двадцать первого июня, и опять на Иванов день уже я ее вытащил на праздник. Там в лесу она и стала моей. Она связала себе венок из каких-то цветочков, надела на распущенные волосы и что-то запела на своем языке. Она была совсем нагая, и я тоже. Мухоморы еще кружили нам голову, и она взяла меня за руку и пошла в воду, не останавливаясь пела свою песенку. Там в воде она и сказала, что злой дух ушел.

– Я видела, как он вылетел из меня, когда я застонала от удовольствия. Я – твоя, и спасибо, что привел меня сюда.

Она была старше меня и довольно на много лет, но нам было все равно. Освободившись от собственных страхов, она стала обычной женщиной. Продолжала жить у себя в общежитии и приходила ко мне, и не только для того, чтобы упасть в постель. Она вела мое нехитрое хозяйство, и я платил ей за эту работу. И когда у нас возникало желание, мы становились любовниками. Ни я, ни она речь о браке не заводили. Воспитанная во Фландрии, она считала меня богачом и дворянином и считала такие отношения нормальными, раз я плачу ей за все. Фаворитка. Она была бережлива, аккуратна и очень неплохо готовила. Очень сожалела, что никак не могла забеременеть. Но это не ставилось во главу угла.

Промелькнуло лето, осенью пришло недовольное письмо от князя, что что-то сделано не так на берегу. Мне было приказано вместо острова Доброго Ветра следовать в Выборг и вывезти паровую машину с острова. Бухта зимой замерзала, поэтому все корабли уходят отсюда или вытаскиваются на берег. Оставлять моторные катера на зимовку князь тоже запретил. С западной стороны существовала возможность перебросить по льдам большой отряд, и существовала вероятность, что противник завладеет свежестроенной крепостью, если кто-то предаст или потеряет

бдительность.

Причалы были полностью готовы. Функционировали мощные краны, мне на палубу погрузили бронекатер и паровую машину, и, дав два коротких и продолжительный, под начавшийся снежный заряд мы вышли из гавани, где провели полгода. Мы торопились проскочить проливами и не застрять в Финской луже. Зимовали в новом порту Высоцк.

Там мне было выделено место под строительство собственного дома. Окна дома выходили на пролив, чуть в стороне был причал лоцманской станции. Перед самым ледоставом из Выборга в Высоцк привели на буксире двух гигантов: это были шестимачтовые рудовозы проекта «Выборг-Веди». Пять гигантских стальных трюмов были почему-то разделены вдоль, и считалось, что трюмов десять. Четыре модернизированные башни с 76-миллиметровыми полуавтоматическими пушками со спаренным крупнокалиберным пулеметом. Почти такие башни стоят на больших бронекатерах, но там меньше угол подъема орудия и малокалиберный пулемет. Здесь башня немного больше, угол подъема до шестидесяти градусов и огромная дальность стрельбы до десяти миль, сто артиллерийских кабельтовых. Правда, центрального поста управления огнем на них не было, это не военный корабль, а рудовоз. У них две такие же машины, как на крейсерах, ход, правда, много ниже, но четырнадцать-шестнадцать узлов обещают давать под парусами.

Князь вызвал к себе, принял и выслушал доклад, сухо поблагодарил за то, что успел выполнить его приказ, объявил благодарность и выписал премию, которую и посоветовал вложить в дом в Высоцке.

– Молодость – это только средство обеспечить себе старость, – улыбнулся он, протягивая мне приказ на премию и распоряжение выделить место под строительство. – «Веди-2» и «4» пойдут с вами обратно в Нововыборг, так что готовьте их экипажи и понаблюдайте за достройкой. К весне ожидается резкое обострение ситуации вокруг колонии, поэтому как только появится возможность уйти туда, Андрей Матвеевич, так сразу и отходите. Есть данные, что о вашем уходе стало известно противнику, во Франции готовится крупная экспедиция против Нововыборга. Чтобы ее сорвать, необходимо скорейшее ваше возвращение туда. К сожалению, руководство колонии допустило ряд больших ошибок и отклонилось от утвержденного плана строительства. «Т-102» я был вынужден снять с дежурства на островах и отправить на бункеровку в Выборг. Карибский бассейн остался неприкрытым, как и канадский, и остается только надеяться на крепость нашей береговой обороны. В планах строительства

флота предусматривается строительство основной военно-морской и бункеровочной базы на острове Дивина-Провиденсия. Оттуда испанцы вывезли все население, и остров пустует уже сотню лет. Ваша задача, капитан-лейтенант, после окончания навигации у Нововыборга, создать поселение, военно-морскую крепость и бункеровочную базу на этом острове. Задача вторая – окончательно выбить пиратов со всех коралловых островов Лукаянского архипелага. Я дал указание найти оставшихся в живых лукаян и вернуть их на острова. Но основное население должно быть русским. Работа в этом направлении уже проводится. Задача ясна?

– Так точно, ваша светлость.

– Ну, вот и готовься, Андрей, помнишь, как первую ладью делали?

– Конечно, боярин Леший.

– Теперь тебе предстоит сделать то же самое на новом месте. Мне связь нужна. Там будет находиться узел связи флота. Понял?

– Все сделаю, товарищ командующий. Не подведу.

– Ну, ступай!

За этим «ступай» стояло начало большой работы. По правилам необходимо составить проект и утвердить его у князя и княгини. Только после этого начнут выделять средства и необходимые материалы. Каждый момент должен быть прописан. Я пошел в картографическое управление флота и подал заявку на навигационные и физические карты района Лукаянских островов. Обложился ими и испанскими лоциями этого района. Этого не хватило, пришлось заказывать и голландские. Через некоторое время проект сдвинулся с мертвой точки и стал наполняться конкретным содержанием. Встретился с княгиней Татьяной и получил разрешение посетить остров Пиль, где находилась флотская радиостанция, прикрытая тремя фортами пильских батарей новой крепости. Мне предстояло построить такую же. В секретном отделе флота материалы мне предоставили, но требовалось посмотреть на месте – как это сделано. Связью занималась сама княгиня, на ее фабриках выпускалось все оборудование для этого.

Спустя пять месяцев я защищал проект города, который получил от князя имя Кронштадт и Кронштадтская крепость. Князь собственноручно перенес место строительства доков. Проект получил оценку и был принят.

Но весна никак не начиналась, и, несмотря на то что все было готово к отплытию, лед не давал нам возможности сделать это. Зима 1648 года была необычайно жесткой и одной из самых холодных в истории. Лишь девятого мая появились первые трещины, и два портовых буксира начали ломать для

нас лед. Одиннадцатого мая тронулись в путь, а уже потом выяснилось, что крепость Нововыборг атаковали с моря, но атака была отражена с большими потерями у неприятеля. Мы же пришли только через две недели после первой атаки. «Веди», которые по уставу судоходной компании имели не номера, а названия – «Анастасия» и «Нововыборг», – легко перенесли переход, весенние шторма и показали неплохую скорость. Однако из-за их размеров им требовались буксиры для подходов к причалам и для работ в узкостях. Два таких буксирчика они несли в своих трюмах.

Трюмы были забиты стройматериалами и оборудованием для карьера. В Нововыборг, по плану, должны были доставить аммонийную селитру – как только бухта освободится ото льда, и все дальнейшие вскрышные работы на карьере должны были вести с помощью аммонита. Об этом неоднократно говорили и князь, и Анастасия Гавриловна.

Мы подошли к Нововыборгу только 27 мая, затратив шестнадцать суток на переход. Я удостоился троекратного поцелуя от Анастасии Гавриловны, которая сказала, что очень-очень ждала прихода крейсера, ну, а когда увидела свое имя на борту рудовоза, так просто прослезилась. Приятный подарок подготовил князь, кстати, в Князево-в-Перу ушли еще два таких же гиганта, названные «Князево-в-Перу» и «Яков Стрешнев».

Мне рассказали о событиях, показали протоколы допроса пленных, и мы начали готовить операцию против французов.

В городе очень многое изменилось за зиму, все переженились, нашелся муж и для Моник, а я через агента в Копенгагене заказал еще по дороге в Выборг мебель красивую в дом и широченную кровать. А дом остался без хозяйки, и кровать стоит холодная.

Пока поставил матроса протапливать дом, который всю зиму стоял нетопленным, а сам с Сухим Ухом на двух пирогах отправился во фьорд смотреть подходы к проливу Барра. Перед этим морские пехотинцы выбили оттуда французов, которые пытались устроить там артиллерийскую засаду. А за несколько дней до этого там погибла разведка Сухого Уха.

Замерили скорость течения в проливе и минимальные глубины на отливе. Корабли здесь пройти могут, хотя место и узковато для рудовозов. Решил не рисковать и проводить «Анастасию» на буксире, чтобы не зависеть от случайности. Собрал капитанов всех кораблей, поставил задачи. Затем все разошлись по кораблям, а я прислал на оба рудовоза своих командиров плутонгов. Руководить стрельбой будут они.

Операция началась. Плохо, что никто не позаботился о лоцманской службе, в прошлом году по южному внутреннему озеру никто не ходил.

Карьер находился в Северном д'Ор, а на юг ходить запрещала Анастасия, чтобы не дразнить французов. Поэтому там находилась терра инкогнита, и действовать капитану Ольбредеру придется ощупью и с угрозой потерять судно в этом гиблом месте. Сведения, которые смог предоставить Сухое Ухо, отрывочны и неполны. Индейцев восьмиметровые глубины никаким боком не касались.

«Анастасию» выгрузили полностью, она приняла водный балласт, чтобы стать на ровный киль и заглубить винты, чтобы не шумели, и в таком состоянии Ольбредер повел ее во фьорд. Его сопровождал малый бронекатер и буксир. Большой бронекатер оставался охранять Нововыборгский залив и порт, а остальные суда и корабли я повел вокруг архипелага к форту Луисдэл.

На борту многочисленный десант. Несмотря на мои протесты, Анастасия Гавриловна тоже находилась на борту, в сером платье с белым передником и шапочкой с красным крестом. Кстати, умеет хорошо одеваться и подчеркивать свои прелести. Эх, хороша Маша, но не наша! Рядом крутится ее муж, готовит к выходу свою разведку. С ним мы знакомы еще по службе в гвардии. Хвастунишка он, правда, и никогда не пользовался большим авторитетом в роте, потому что любил подчеркнуть свою особую близость к князю. За это и недолюбливали, а когда он сводил полуроту к Кожозеру, так вообще загордился, старых приятелей и узнавать перестал. Он теперь лейтенант, а мы кто такие?

Рудовозы взяли под обстрел форты, на которые предварительно губернаторша зачем-то парламентаров высылала, хотя и так было понятно, что сдаваться французы не собираются. Место слишком удобное для обороны. И я повел крейсер западным Ленноксом, узким проливом, огороженным с обеих сторон скалами. Понятно, что с обеих сторон должны быть артиллерийские засады. Такие же, как они сделали в проливе Барра. Орудия заряжены, и наблюдатели глядят во все глаза. Разрешил открывать огонь самостоятельно. Грохнуло одно орудие, затем второе, и слышались разрывы на берегу. Оскольно-фугасными снарядами разбили две позиции. Еще в одном месте один из французов перед разрывом успел выстрелить, но промахнулся. Стрелять по движущейся цели, когда непонятно как долго будет гореть порох на полке... И еще артиллеристов выдавал дым. Им приходится держать возле пушки жаровню, чтобы иметь возможность выстрелить. Так что мы их разнесли задолго до того, как они смогли бы нас обстрелять. Затем я развернулся, погасил ход, и мы дали один залп прямой наводкой по входному форту. После этого на мачте главного форта спустили королевский флаг, а входной форт не подавал признаков жизни.

Затем появилась женская фигура и замахала белой тряпкой.

На траверзе форта один из катеров устремился к берегу острова, где стоял разбитый форт. Подходить к причалу Луисдэла я не стал, спустился на катер и вышел на причал. Там меня ждал капрал морской королевской пехоты, весь окровавленный, грязный. Форт горел, и никто его не тушил. Капрал передал мне шпагу лейтенанта де Вур, который исполнял обязанности коменданта. Сам комендант лежал раненым в нашем лазарете. Труба пропела отбой, и из разных щелей и подвалов начали осторожно выбираться люди. Наша морская пехота организовала их на тушение пожаров. У трупов епископа и де Вура с женой ревели две молоденькие девицы-двойняшки. Спросил у капрала, который следовал за мной, несмотря на ранение:

– Кто такие?

– Дочки господина лейтенанта, а это его супруга. Пропадут теперь.

Я сдуру и сказал флаг-адъютанту, чтобы отвел их на катер. Ор еще больше усилился. Особенно когда убитых потащили по земле ко рву. Мертвых было слишком много, чтобы копать отдельные могилы.

Морпехи ушли вперед в лес, а я же вернулся на борт. Вначале отправил девиц в лазарет, судовой врач после осмотра сказал, что обе девушки вшивые, и похоже, что никогда не мылись! Вшивые парики полетели за борт, девиц повели мыться. Опять ор, им, понимаешь, вера запрещала это делать. Оторопев от таких заявлений, приказал принести розги. С этими орудиями производства боли девицы оказались хорошо знакомы, поэтому послушно стали стаскивать с себя кучу того, что на них нацепляли. Их одежду отправили прожариваться, а девиц – мыться с дегтярным мылом. Опять ор, выйдите, иначе ничего снимать не станем. А у нас все всегда моются в бане вместе, и мужчины, и женщины. И ничего в этом зазорного не видят. Стыдно, когда ты грязный и завшивленный. Я им опять погрозил розгами, а потом отпаривал и отмывал этих чумазаек. Грязи на них было – просто жуть! Как можно себя так содержать! Завернул их в простыни и выставил наружу – посадил возле бочонка с холодным квасом, в котором плавали кусочки льда. А сам промыл все после них и тоже попарился. Вот не было печали, купила бабка поросю. Пожалел на свою голову. Вышел, а они обе стоят на коленях и сплошные поклоны отбивают, и молятся, просят у бога прощения за то, что смыли с себя благодать, видели голого мужика, и он их мям, тер и чуть ли не блудом заставлял заниматься. Уж лучше бы причесались! Дал им гребешок и чистые робы. Когда причесались, так и на людей стали похожи.

– А теперь – кушать!

В кают-компании их накормили. Выглядели они немного смешно в матросской робе и очень много говорили, а потом вспомнили, что остались сиротами, и опять заревели. Я отвел их в свободную каюту и уложил спать.

Еще сутки стояли у форта, их одежду выстирали и прожарили. Они ее получили и через некоторое время появились возле трапа на мостик.

– Мсье ле капитайн, пувонс нос алле э л’этаж?

Я кивнул, и их каблучки зацокали по трапу. Делают книксены и церемонно представляются. Я ведь так и не спросил, как их зовут. Две мадемуазели, Клодин и Жанетт. Вчера в париках, напомаженные и наштукатуренные, они гораздо старше выглядели. В бане только рассмотрел, что им где-то тринадцать-четырнадцать лет. Они говорят, что уже пятнадцать и они конфирмованы. То есть считаются на выданье. Из того, что щебечут, понял, что хотят на берег вернуться, чтобы из дома забрать приданое. Если там хоть что-то осталось. И взглянуть, где похоронены родители. Желание законное, но мне сейчас некогда, поэтому послал с ними флаг-адъютанта. Дом их, естественно, ограблен, вернулись они опять зареванные, ничего не нашли. Только на братскую могилу и посмотрели. Затем мы снялись с якоря и ушли в Нововыборг.

Там они поселились у меня в доме. Что с ними делать теперь, ума не приложу. Отправил их в школу, русский язык учить. Никакой специальности у них нет, они – дворянки, и, кроме как быть женами, их ничему не учили. Умеют вышивать и заправлять постель. Правда, в доме стало чисто, убираться они умеют. А вот питаться ходим на борт. Готовить они обе не умеют. Пришлось найти Моник и попросить ее немного поучить девиц хозяйству. По-русски они еще почти не понимали. Заплатил ей за это. Она улыбнулась и взялась за это дело. Через некоторое время Жанетт впервые приготовила обед в доме.

По сравнению с нашими девицами, они к жизни в этой местности совсем не приспособлены. Зачем сюда ехали? Рассказали, что их отца сюда отправили служить, и все время семья надеялась вернуться во Францию. Здесь они не прижились. Здесь и холодно, и никаких условий. Они обе мне порядком надоели, тем более что заниматься ими времени особо не было. Англичане устроили «сельдевую войну», поэтому, когда наметился отход судна с лобстерами во Францию, а с ней был подписан мир и архипелаг полностью был признан Выборгским, я предложил им обеим пойти на нем домой. Что тут началось! Дескать, поматросил и бросил, ты нас видел голенькими, и уже не один раз, мы навек опозорены, и нас замуж никто не возьмет. Живем во грехе и в церковь не ходим. Ты нас не любишь! Ну, а реально, девушки прекрасно понимали, что со смертью родителей они

лишились всего, и во Франции их действительно никто не ждет. Здесь они потихоньку осваиваются, уже и на вечеринки иногда сбегает. В общем, они обиделись и надулись, со мной не разговаривают, судно ушло без них. И как-то вечером они решили разобраться, что есть что и кто есть кто.

– Андрей, а кто из нас тебе больше нравится? – А они похожи друг на друга как две капли воды. Только в бане можно было различить, мыться они не слишком любили, поэтому приходилось за этим следить и мылись всегда вместе. У них родинки на разных грудях. И обе не в моем вкусе: худенькие, миниатюрные, их бы вместе сложить, но природа взяла их и разделила, недодав каждой половину. Я к ним относился как к детям. А я уже лежал в постели, когда они пришли в мою комнату. Обе в одинаковых белых ночнушках, со смешными колпаками на головах, и обе свечку перед собой держат. Я пожал плечами и сказал, что с трудом их различаю, потому что одинаковые. Они поставили свечи на прикроватные тумбочки и принялись мне показывать, что они различаются, и чем.

– Да знаю я это, видел, но когда вы одеты, а одеваетесь вы одинаково, то вас не различить.

– А мы специально так одеваемся, чтобы других дурить. Вон, Жак ухаживает за мной, а целовался с Жанетт, она вместо меня к нему на свиданку ходила.

– Угу, попались, а кто вас отпускал?

– А ты в море был, а у меня немочь была, а у Жанетт еще не наступила, вот мы и поменялись.

– Вот что, милые вы мои, идите спать, не надо меня делить, я ведь уйду скоро, а вам здесь жить.

– А мы знаем, поэтому и пришли. Жак зовет замуж, он живет в старом форте. А больше никого нет. Вот мы и решили, что одна здесь останется, а вторая с тобой пойдет.

– Без меня меня женили?

– Да, мы ведь знаем, почему ты нас из форта забрал, и сначала готовились к самому худшему. Особенно когда ты розги в руки взял и нас заставил раздеться. А ты вымыл нас и ушел. Мы поначалу тебя очень боялись, а потом поняли, что и как. И Моник о тебе многое рассказала. Ой, подожди! Мы сейчас!

Они обе подскочили и убежали куда-то, я хотел встать и одеться, но они вернулись с подносом, на котором стоял торт с горящими свечками, три бокала и три бутылки какого-то вина. Интересно, где достали? Контрабанда?

– Нам сегодня исполнилось шестнадцать лет, Андрей! Мы сейчас

задуем свечи и загадаем желание. Это вино – то немногое, что у нас осталось от старого дома. Одну из нас сегодня позвали замуж. Открой вино! И побыстрее, а то свечки прогорят.

Разлил вино в три бокала, они выпили их до дна и принялись наперегонки тушить свечки с совершенно глупым выражением лиц. Задули. Переглянулись.

– Ты что загадала? – спросила Клодин.

– То самое!

– И я! Я – первая, замуж меня позвали! Тебе и так везет больше. Андрей, мы пришли подарить тебе то, что ты и сам мог сразу забрать, но ты настоящий рыцарь! Ты не сделал этого, а дал возможность нам понять, что жизнь не кончилась вместе со смертью родителей. Нас никто пальцем не тронул и на нашу честь силой не покусился. И это потому, что у нас есть ты. У нас всегда все было общим: один день рождения, платья, которыми мы менялись. И любимый у нас тоже один, но его не разделить, поэтому сегодня каждая из нас отдаст тебе то, чего ты заслуживаешь.

– А как же Жак?

– Во-первых, я дворянка, а он – рыбак; во-вторых, во Франции существует право первой ночи, и оно принадлежит господину, а не рабу. Мое девство рабу не достанется. Я уже сказала ему, что не девственна. Это принадлежит тебе.

– И мое девство рабу не достанется тоже. Нас так учила мать. – Они откинули свои колпаки и развязали сорочки, которые сползли с них, и скользнули ко мне под одеяло. Мать их учила замечательно, но вот меня это как-то совсем не устраивало. Но их действительно учили, как быть в этом случае, и вот уже одна из них, чуть прикусив губу, стала женщиной и все активнее и активнее действует. Вторая не мешает ей, но нетерпеливо подрагивает ее коленка в такт сестре. Клодин замерла, почувствовав толчки горячей жидкости, и застонала, стараясь продлить удовольствие. Рухнула мне на грудь и долго водила пальчиком мне по плечам.

– Я пойду, а вы оставайтесь. Тебе всегда везет, Жанетт, – немного недовольным голосом сказала она и вышла, подобрав свою рубашку.

Меня вытерли маленькие и ловкие пальчики Жанетт, она припала ко мне и что-то быстро-быстро заговорила на латыни, а потом сделала то же, что и сестра. В отличие от нее, она никуда не ушла, а так и осталась лежать на мне, потому что полностью выложилась в этой гонке желаний.

На следующий день пришел жених, я его видел несколько раз. Довольно пожилой француз из форта Дофина. Вместе с ним пришло несколько мужчин и женщин оттуда. Принесли вино, подарки, стали

сватать невесту. Для простого рыбака это большая честь взять в жены дворянку. Девочки понимали, что брак совсем неравный, но ждать и надеяться, что появится принц на белом коне, не приходилось. Дворяне неохотно выезжали в эти места, и одна девушка пожертвовала собой, чтобы составить второй сестре, как она считала, партию. За то время, пока они у меня прожили, они совершенно перестали меня бояться и стесняться, но считали, что я, как буриданов осел, не могу выбрать между ними. Себя они ставили гораздо выше остальных. Брак со мной или даже просто сожителство они считали равным. Все остальные предложения были для них некоторым унижением, которое они решили обыграть таким образом, как сделали это ночью. Свадьбу справили через три недели.

Клодин еще несколько раз «подменяла» Жанетт – я знаю, в постели они разные, а потом мы ушли на зимовку. Жанетт поселилась у меня в каюте. Больше женщин на крейсере не было, остальные жены и девушки офицеров и матросов придут в Кронштадт позже. Она же сказала, что сестра беременна, и по срокам получается, что ребенок мой. Ну, пусть тешит свое самолюбие. А к Жанетт я решил пока присмотреться. В постели она очень даже оказалась неплоха. Такая же горячая, как Анна. После того, как все произошло, у нее начался какой-то расцвет. Щеки заиграли, грудь стала расти, и сама она из девочки начала превращаться в женщину. Старательно учится правильно говорить по-русски, понимая, что от этого многое зависит.

Крейсер стремительно уходил в океан, скользя по попутной волне на юг. С каждым днем погода становилась все теплей и теплей, мы убегали от штормов и метелей к месту новой службы. Корабли снабжения подойдут туда только через месяц, они сейчас все заняты на работах. Крейсеру предстоит боевая операция по разведке и уничтожению пиратов, по ее завершении и приступим к созданию базы. А пока разведка, разведка и еще раз разведка. Пощелкивает лаг, отмеряя пройденное расстояние, я определился по солнцу и дал невязку. Проверил несение вахты впередсмотрящими. Пройдено 1480 миль, и нам остается всего день перехода, ближе к вечеру должны появиться первые острова. Первый из них – Волкерс, маленький безжизненный атолл, на котором нет воды. Держаться от него надо подальше, оставляя слева, – его ограждает целая цепь рифов с северо-востока. Ближе к вечеру я убавил парусов и подвернул на запад, направив корабль в проход между континентом и коралловой отмелью.

На первой же разгромленной базе пиратов на Большом Багаме Жанетт

притащила себе кучу женских тряпок различных фасонов и другой одежды. В Нововыборге сильно не разоденешься, там в основном рабочая одежда продается в лавке, поэтому выбор не очень. Здесь же ее никто не ограничивал, я только заставил все через прожарку пропустить. Терпеть не могу насекомых. Бр-р-р. А ее откровенно радовало то обстоятельство, что теперь она не стеснена в этом вопросе. Для повседневной носки она выбрала мужской испанский костюм, который слегка подогнала под себя, и широкополую шляпу с пером. Подпоясала все это широким поясом и повесила себе кортик в ножнах – ну чистая пиратская мама! Жизнь в нашей колонии несколько изменила ее, и ей понравилось совместное мытье, поэтому одной проблемой стало меньше. А вот во время боя загнать ее вниз не получалось. Она азартно следила за всем, что происходит, что-то кричала, показывала неприятелю неприличные жесты. Ей нравилась война, ей нравились победы. Ее это очень возбуждало, всю эту энергию она выплескивала на меня в каюте. Не скажу, что мне не нравился ее боевой характер и дух.

Она родом из-под Капбретона, города, который дал название и Кейп-Бретону, оттуда французские моряки уходили ловить треску к Ньюфаундленду еще в шестнадцатом веке. Но поворот русла реки Адур, который сделали в прошлом веке жители другого французского города, Байонна, привел к тому, что порт д'Альбре обмелел, и жители начали покидать некогда процветающий город. Вот их отец и согласился временно переселиться на остров Кейп-Бретон. Дело о повороте реки рассматривал королевский суд, и была надежда, что реку вернут туда, где она протекала с 1310 года. Но суд выиграла более крупная община Байонна, она смогла заплатить больше отступного, поэтому возвращаться девушкам было особо некуда. Их там ждала только нищета. И надежды на брак никакой: кто же возьмет бесприданницу и сироту? А гасконская кровь бурно играла, провинция постоянно воевала то с Англией, то с Испанией и была вся насквозь пронизана сказами и сказками о великолепных победах и сильнейших поражениях.

Ее авантюрная сущность и сложившийся стереотип поведения просто требовал приключений, опасностей – так, чтобы кровь бурлила от избытка эмоций. Закинув длиннющие, до пят, ни разу не стриженные волосы под шляпу с лихо заломленными полями и шикарным страусовым пером, сунув за пояс пару огромных и бесполезных голландских кремневых пистолетов, по сигналу боевой тревоги она вылетала на мостик, и через некоторое время по району поползли слухи, что командует здесь она, а вовсе не я. А я так, для красоты, сбоку пристроился.

Мы заходили в городки, когда-то давно образованные первоколонистами этих мест, и предупреждали, что период безвластия закончился и уличенных в том, что что-то продали или купили у пиратов, будем вешать. Особенно, если продали воду. Жанетт принимали за испанку из-за костюма, ну, а в нас форма сильно выдавала военных моряков. Мы досматривали суда, увидев, что это пираты и работоторговцы, расстреливали корабли. За исключением тех, кто шел под своим флагом и обладал судовым патентом. Рабов теперь возили французы и англичане. Голландцы сюда не совались. Покрутившись месяц между островами, зашли на Кубу, там узнали о том, что Святослав I стал царем Московским, и в газетах была гравюра с поездом, который называли восьмым чудом света.

Мы подошли к острову Дивина-Проведения чуть позже, чем там появились строители.

Пришло сразу шесть снабженцев, они выгружались на рейде. Здесь толком ничего не было, кроме кораллового песка, известняка. Все остальное требовалось возить откуда-то, даже обычный песок, камень и все остальное. Старый город, который испанцы покинули около ста лет назад, предоставил некоторое количество строительного материала, но требовалось укрепить семьдесят километров береговой линии и создать условия для перекрестного огня на любом участке обороны, поэтому параллельно произвели высадку у форта Компано и договорились с местным комендантом о поставках глины, песка. Неплохие запасы камня обнаружили на Кубе на Плайя-Бланка. Плюс тот гранит, который поставлял Выборг. Цемент шел полностью с нового завода в Пикалево, сами совсем немного обжигали для гражданского строительства. Два глубоководных причала начали строить на юго-западной оконечности атолла. Там будут основная бункербаза флота и две береговые батареи. Место приглубокое, в остальных довольно мелко, и новым танкерам там будет неудобно.

Князь прислал шесть малых и восемь больших бронекатеров, так что проблемы с патрулированием окрестностей нет. Есть проблема с личным составом для них. Там иное вооружение, чем у нас, пришлось переучивать людей. И вообще, большая часть экипажа крейсера расплзлась по малым кораблям и на строительство. На борту, как и было летом, когда Нововыборг строили, только одна боевая смена. Людей не хватает.

Вместе со снабженцами пришел большой пакет от князя, длиннейшее письмо, почему-то отпечатанное в типографии. Но подпись и печать князя стояли. План крепости несколько изменен, и князь подробно описал, исходя из каких соображений. В пакете был приказ на звание капитана 2-го ранга и

патент на должность командующего Атлантическим флотом Выборга и России. Стояло две печати: князя Выборгского и государя всея Руси. Флот России и флот Выборга считались отныне одним соединением и носили флаг Военно-морского флота Выборга: бело-голубое полотнище с красной звездой и красными перекрещенными серпом и молотом. Для катеров охраны водного района устанавливался зеленый флаг, в левом верхнем углу которого был военно-морской флаг. Вот и правильно, собственного флота у России еще нет, пусть вливается. Святослав обещал прислать людей сразу, как растает лед. В письме говорилось о большом сюрпризе для всех, который он подготовил на следующую весну. Встречай.

Береговыми работами руководил инженер-лейтенант Беринг. Он закончил строительный факультет университета и год учился в корпусе. Деятельный и толковый парень.

Поселенцев и строителей прибыло полторы тысячи человек, из них сто двадцать – морской пехоты. Артиллерия и артиллеристы придут только весной. Их еще готовят.

Из сложностей – вода и комары. В середине острова болотистое озеро, главный источник пресной воды. Она в нем жутко жесткая. Через месяц у любого чайника накипь такая, что хоть выбрасывай. А на озере, кроме мелких аллигаторов, водилась куча мошки, причем далеко небезопасной. Малярия и болотная лихорадка вышибли отсюда испанцев как пробку из бутылки. Не просто так они покинули этот остров.

Вместе с пакетом прибыли и небольшие стеклянные колбочки с инструкцией, как защититься от этой заразы. Судовой врач вколол всему экипажу под левую и правую лопатку эти средства. Жанетт разоралась, что не-дастся-не-отдастся, но и ей их вкололи. Прибывшие строители все прошли через эти процедуры еще в Выборге. И с появлением «общества», а в Кронштадт пришли и жены офицеров и строителей, в рундуках у Жанетт завелся страшный зверь «нечего-надеть». Одежды было слишком много, и каждое утро я наблюдал за буридановым ослом, который метался между рундуками и зеркалом минимум час, прежде чем следовало одевание. Еще одно «важное» дело она делала: вила гнездышко из развалин губернаторского дома. Выпросила денег и наняла строителей, которые его восстанавливали. Сгоняла на пакетботе, шедшем в Гавану, туда и заказала мебель. Долго упрашивала меня еще раз сходить на Большой Багама, потому как там она видела то, чего сто процентов не хватает в доме: кровать с балдахином. Вообще-то она была права: спать в этой местности можно только таким образом. Балдахин играет роль противомоскитной сетки.

По программе мы строили судоремонтный и судостроительный завод для малого флота. Без такого флота проконтролировать все острова невозможно. Слишком много мелей и рифов, плавание в этих условиях на крупных кораблях далеко не безопасно. А «москитный» флот пройдет везде. Поэтому из леса, поставляемого из Выборга и Нововыборга, здесь будут строиться кочи и лады – такие, как мы строили на Ладоге. Пришлось вспоминать, чему меня учил отец, и налаживать их производство. Их требуется много, практически каждый хочет иметь такое средство передвижения: у воды живем. Длина причальной линии для личных корабликов быстро растет. Тем более что с флотом пришла сюда и землечерпалка с шаландами, чтобы углубить и обезопасить внутреннюю гавань и пробить каналы, вдоль которых и будут располагаться дома. На такой ладье Жанетт смоталась на ББ, как стали сокращать название самого большого острова, и приволокла оттуда еще пиратского имущества.

Зима пролетела совершенно незаметно, крейсер готовится в обратный путь в Нововыборг. Брать с собой Жанетт я не хотел, тем более что идем ненадолго. Только туда и обратно с фруктами и овощами для города и везем им первые генераторы. Пока только для радиостанции.

– Я хочу увидеть сестру, ты не имеешь права мне отказать!

– Право у меня есть, идем не на прогулку, поэтому ты сидишь дома. Я скоро буду. А к сестре летом сходим.

Мокрые глаза, взлохмаченные волосы, совершенно убитый вид. Но мы идем встречать «сюрприз», поэтому посторонних на борту не должно быть. Тем более что почему-то рано идем, на три недели раньше обычного.

Выскочили в океан и, используя Гольфстрим и попутный ветерок, быстро катимся на север. Затем поворот, и в сторону Нововыборгских островов, как переименовали Кейп-Бретон. В двухстах милях от мыса Ошибки назначено randevu. Мы пришли первыми и легли в дрейф. На коротких волнах доложил в Выборг. Дали другую волну, на связи оказался корабль с новыми позывными. Он дал указания открыть дежурство на УКВ и следовать курсом семьдесят пять градусов. Через двенадцать часов в ночи увидели яркие ходовые огни. Корабль нес два топовых, то есть он большой и под двигателем. Я запросил позывные. Мы шли под парусами и не несли топовый, нас еще не было видно. Неожиданно по радио услышал знакомый голос князя Святослава:

– Здесь «ЛК-1», на связи «первый», давно вас наблюдаем.

Я запросил в машине пар, перешел на смешанный ход и зажег топовые. Мы сблизились, и я попросил место в ордере.

– Держись левой раковины.

– Есть!

Сколько мы ни смотрели, парусов не увидели. Корабль шел под машиной, следом за ним шел под парусами какой-то «Веди», держась правой раковины. Оказался номерным, военно-морским. Назывался «ТН-1». Когда рассвело, я увидел покрашенный в оранжевый цвет высокий бак и низкую корму. Из высокой сплюсненной трубы поднимался прозрачный горячий газ, под кормой мощно бурлили два винта. Ход шестнадцать узлов. Высокая надстройка прямоугольной формы была окрашена в бежевый цвет. Совершенно необычный корабль. Круглый борт, очень широкий мидель. Через восемь часов подошли к ледяному полю пролива Кабота и там, не снижая хода, «ЛК-1» вошел в лед, и за ним образовывался канал, практически свободный ото льда. Следом за «Веди» мы вошли в этот канал и через шесть часов ошвартовались у причала в Нововыборге. Вот это сюрприз!

Сразу после швартовки иду докладываться. Черт возьми, а как обращаться теперь? Впрочем, я не подданный России, так что будем действовать по-старому. Докладываться не пришлось, князь протянул руку и приобнял меня.

– Отлично действовал, молодец. Но к тебе мы тоже собрались, так что все покажешь на месте. Ну, а сейчас ты как командующий Атлантическим флотом войдешь в трибунал. У нас тут такие дела творятся...

Оказалось, что арестован Пройда. После взятия Луисдэла англичане организовали поставку на западный берег рома и виски и открыли несколько подпольных точек торговли этим зельем. А между Анастасией Гавриловной и мужем черная кошка пробежала, поссорились они, причем крепко. Князь в то лето никого награждать не стал, потому что расходы на войну были значительными, и Федор обиделся на него. А тут еще стало известно, что Святослав окончательно стал царем Московским. Федор к жене, дескать, хватит нам по островам прыгать, пиши царю, чтобы возвращал нас в Выборг. «Маленькая княжна» сказала, что делать ей в Выборге нечего и писать она ничего не будет. Здесь их дом, только дочь забрать надо сюда. Федор ее словами последними обозвал, что дура, вместо этой дыры могла бы в столице блистать, и попытался ее ударить. В итоге оказался на полу, прижатым с завернутой рукой. После этого он из дому ушел, поселился в комендатуре крепости и запил. И зачастил к нему бутлегер ла Марк. В пьяном безобразии разболтал Пройда ему почти все об электрогенераторах, которые князь сюда не дает. Хорошо еще, что капитан Головачев, узнав о запое Лисина, оборудовал его кабинет и спальню в

комендатуре спецустройствами. Ла Марка взяли сразу на выходе, хорошенько потрясли, вскрыли бутлегерскую сеть и всю агентуру англичан на острове. Ну, а бывший комендант крепости уже два месяца живет напротив комендатуры.

Пройду лишили звания «гвардеец» и приговорили к десяти годам каторги, с отбытием наказания на Виллюйских рудниках в Сибири. Вот тебе и близость к князю. На Настасью Гавриловну смотреть страшно. Осунулась, похудела. Святослав и Татьяна уговорили ее с ними пойти, сначала по островам, а потом в Выборг, но с должности не сняли, просто в отпуск и на лечение отправили.

Все пересели ко мне на крейсер. Ледокол, а это именно ледокол, получил в качестве порта приписки Нововыборг и вошел в состав Атлантического флота. Кроме него в Нововыборге будет базироваться фрегат, сделанный по усиленному ледовому классу. Осенью второй такой же ледокол займется проводкой наших судов и кораблей на Балтике и в Датских проливах. Датчан в известность не поставили, проливы прошли ночью, разрушив при этом ледовую переправу через Лангебелът. Поставлена задача увеличить поставки крицы в этом году втрое. В Европе бум: все хотят ездить по железной дороге, и металла требуется много, очень много.

– Ты четвертый и шестой контейнер погрузил? – спросил князь перед отплытием из Нововыборга.

– Как можно, княже?

– Ой, еще как! Ладно, отходим, сам себе хуже сделаешь.

Этот самый ледокол приволок какие-то контейнеры на кормовой палубе. Номера были сложные, но мы разобрались, какие грузить. Контейнеры, как их называли, были большими, пришлось их в трюмы класть, так как на палубе мешали. Князь и княгиня больше Анастасией Гавриловной занимались, ну и князь по заводу много ходил. Татьяна Александровна занималась радиостанцией, настраивая ее на работу с остальными флотскими. Наконец отошли, тут князь и спросил об этих контейнерах. По коносаментам, личный груз князя. Места им не было на палубе, высокие очень, пришлось в трюм класть.

Шесть суток на переход, и мне устраивают полную проверку, даже бухгалтерию проверили. Все вроде сошлось. Через трое суток после прибытия меня князь вызвал к себе, он на крейсере расположился. Как ни пыталась Жанетт вытащить его с крейсера в новый дом, так и не получилось.

– Молодец, Андрюша, справился. Все работает. Так, теперь... Все, что

в четвертом и шестом контейнерах, перегрузить на два бронекатера, если места не хватит, то еще привлеки пароходики. Все перебросить на атолл Полуночной Луны. Вот здесь продукты, которые требуется закупить и доставить туда. Крейсера многовато, но пару-тройку больших бронекатеров привлеки. Подходы с севера и юга полностью перекрыть. С собой один малый бронекатер 426-го проекта, шестеро матросов, чтобы ночную вахту организовать. В общем, мы приехали не тебя контролировать, а отдыхать. Ты когда последний раз был в отпуске?

– А что это такое?

– Вот и я десять лет не отдыхал. Можешь взять с собой свою длинноносую русалку. Мы идем отдыхать: ты, твоя мадама, мы с Татьяной и Настя с Сашкой. Твоя задача – обеспечить всех продуктами, катерами и связью. И отдохнуть, если справишься. Вот списки, Таня полмесяца составляла. Гляди у меня! И контейнеры не забудь перебросить! Ступай, поцелуй за меня твою мадаму, смеш... веселая девица. Пусть купальник захватит. Через два дня отход, так что поспешай.

Через два дня отошли, правда, я носился, как намыленный. Старенький потертый катер, на борту которого было написано «Вуокса», больше всего приглянулся князю. И он показал на него. Ни одного помощника, только я и князь, и шестеро канониров двух башен катера. Меня вызвали сразу после отхода. За рулем сам князь.

– Вот что, Андрюша. Меня зовут Слава. Это – Таня. Ее зовут Настя. Жанетт, а тебя как звать?

– Стюардесса по имени Жанна, обожаема ты и желанна... – пропела княгиня высоким и красивым голосом. Улыбка у нее была соответствующей.

Жанетт не знала, что ответить.

– Бог с ним, пусть будет Жанна. Это – Санька. Услышу «ваше величество» или «ваша светлость», отправлю обратно в Кронштадт. Надоело! Мы отдыхаем, и мне... – тут князь выдал такое, что присутствующие княгиня Татьяна и «маленькая княжна» закрыли уши и заулыбались.

– Через двенадцать часов подходим. Андрюша, обеспечь вахту и отдыхай. Мы пошли. Санька, спать! Всем спокойной ночи. Настя, присмотри.

– Что это было? – спросила Жанетт, когда мы вернулись в свою каюту.

– Князь не хочет, чтобы к нему обращались как к князю.

– Мы должны говорить «ваше величество»?
– Нет, Жанетт, мы должны называть его по уменьшительному имени – Слава.

- Нас после этого казнят?
- Ты слышала, что он просил?
- Ну...
- Проще послушаться, чем иметь неприятности...
- Неизвестно, за что тебе срубят голову. Зачем я с тобой связалась!
- Слушай, не стнай!

Утром подошли к атоллу. Князь уже встал, и подходили вместе. Катера долго бегали между тремя большими бронекатерами и берегом, выгружая то, что привезли на остров. Святослав быстренько подрядил всех устанавливать палатки и небольшой шатер с навесом, надувать матрацы, раскладывать все по местам. На остров выгрузили небольшое стадо овец, которые были упомянуты в списке.

– Девочки! Вы сегодня отдыхаете! У нас шашлык, который делаю я. Таня! Ты поможешь?

– Конечно, Славик! Девочки, ищем лук и чистим его! Он в зеленом пакете! Сегодня будем обедаться! Эх, вся диета побоку!

У Жанетт отвалилась челюсть, когда царица Московская скинула с себя почти все и осталась практически в negligé.

– Жанна, ты чего паришься? – заботливо спросила она. – Тебе не жарко?

У Жанетт не было таких костюмов, которые были у княгини и губернаторши. Уши у нее покраснели, и лицо залило краской.

– Жанночка, все понимаем! Настена! Дай ей купальник. Девочки, сходите примерьте! Настенька, там маленький есть, от «Люфтганзы», беленький, пакет в моей сумке. Давайте быстрее, барашек ждать не будет!

В высокой палатке, куда пошли две молодые девушки, слышалось какое-то хихиканье и чтение молитвы на латыни. Через некоторое время оттуда показалась фигурка с оливковой кожей, на которую было надето что-то белое и блестящее – в общем, это были трусики и бюстгальтер, соединенные вместе через золотистое кольцо на животе. Волосы распустили и перехватили цветной лентой. Выражение лица такое, какое я каждый день вижу, когда она своего зверька «нечего-надеть» приручает. Глаза полны ужаса и ищут у меня защиту.

– Боже мой! «Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс, и в ваших жилах тоже есть огонь! Но умнице фортуны, ей-богу, не до вас, пока на белом свете, пока на белом свете, пока на белом свете есть Гасконь!»

Жанна, ты совершенно очаровательна! Во! – Князь показал большой палец, припал на колено и приложил руку к сердцу. Личико бедной Жанетт еще больше покраснело, и она собралась убежать обратно, но ее за руку держала Анастасия Гавриловна, поэтому ей это не удалось.

– Так, девочки, подиум закрывается! Настя, бегом лук резать, Жанна, иди сюда, я тебя кремом намажу, а то ты, хоть и смугленькая, но мгновенно сгоришь. Солнце здесь, однако!

Шестеро князевых собак заинтересованно следили, как барашек превращается в куски мяса, укладывается слоями в керамический тазик вперемешку с луком и заливается вином. Вина много, несколько бочонков выгружено. Князь ко всем прикрутил краники, продегустировал и выбрал это. Было видно, что от этого занятия он получает удовольствие. Барашка – то, что от него осталось – повесили повыше, чтобы собаки не дотянулись, и тут я узнал, для чего на 426-м проекте на корме четыре стакана сделаны. Они есть на всех кораблях, и было совершенно непонятно, зачем их там поставили. Князь подошел к небольшому контейнеру, открыл его, вытащил оттуда два кресла. Немного покопался, взял с дверцы отвертку и установил кресла на корму. К палубе, там, где был малый стакан, прикрутил какое-то устройство. Из контейнера достал чехлы и начал вытаскивать оттуда какие-то прутья.

– Ой, рыбалка! – закричала Настасья и принялась умело собирать, как оказалось, удилице.

– Нет, Настен, не эту, мультипликаторную ставь, тут рыбка что надо берет. Все, вот этот рюкзачок прихвати. Я в машину! Грузите все с Андреем.

Матросов не было, их отправили жить на большой катер, который стоял на якоре в десяти милях южнее, поэтому князь нырнул в машину и запустил парогенераторы.

– Таня, Жанна! Вы с нами?

– Лично я – нет! – ответила княгиня. – У меня другие планы. И Санька спит.

Она раскладывала себе шезлонг у самой кромки воды, достала маску, трубку и ласты и пошла осматривать красивейший подводный мир на неглубокой отмели. Жанна пожала плечами и поднялась на катер. Остаться одной со спящим Сашкой и с собаками ей не хотелось. Впрочем, Туля-2 тоже решила, что для нее рыбалка самое подходящее занятие. Катер дал задний ход, сполз с мели, крутнулся и пошел к синеющей глубине, туда, где заканчивается риф и начинаются большие глубины.

– Андрюша, так кромки и придерживайся. Пройдем на юго-восток, а потом вернемся. Самый малый.

– Есть.

Жанна, которая не понимала, что происходит, осталась со мной, а Настя и князь уселись в кресла, пристегнулись ремнями. Метнули каких-то искусственных рыб за борт. Вставили задние кончики своих удилищ в те самые прикрученные стаканы, обернули вокруг удочек ремни, которые тоже пристегнули к привязным.

– Подсекай!

Жанна аж подпрыгнула от неожиданности и повернула голову назад. Удилище у губернаторши изогнулось, она то натягивала лесу, то травила ее, прижимая и отпуская тормоз. Заинтересовавшись происходящим, Жанетт прошла на корму, и через некоторое время азарт скрутил ее в комок нервов и криков. А когда из воды выскочил и сделал свечку огромный голубой марлин, распустивший парус на солнце, то раздался дружный крик двух дам! Древнейшие инстинкты добытчиц проснулись.

Рыба была крупной, сопротивлялась отчаянно. Настя уже вспотела, устала и иногда повисала на ремнях. Князь за это время вытащил двух небольших тунцов, а схватка с рыбой продолжалась. Наконец, та попыталась уйти на глубину, и ее начали подтаскивать и подводить к борту.

– Настенька, только плавно, без рывков, и очень аккуратно!

Князь взял небольшой гарпун и принайтовил его к катеру. Уставшая рыба, длиной более четырех метров, всплыла, показав большой, переливающийся на солнце, плавник. Князь за лесу подвел ее к борту.

С помощью гарпуна и багра обвел линь вокруг хвоста. Резкий рывок, петля затянулась, рыба забила хвостом, но линь был прочно накинута на утку. Катер покачивался уже без хода, и все были на корме.

– Здоровенная! Настенька, везет тебе! Умничка! Андрей, таль! Вручную не поднять.

Лебедкой еле подняли рыбу. Князь поставил Настю возле нее и сделал какие-то манипуляции с незнакомым прибором. Затем плоскогубцами достал изо рта рыбы приманку и снова опустил рыбу в воду, перед этим поновой и другим узлом обвязав ей хвост. Сбросил как лебедки, а затем несколько раз подергал рыбу. Она пошевелила хвостом, и он развязал линь, которым она была привязана. Острый серп хвоста чуть шевельнулся, и марлин скользнул в глубину.

– Ой, что ж вы сделали? – жалостливо спросила Жанна.

– Вон, смотри! – неподалеку из воды вылетело тело недавнего пленника, крутнулось в воздухе и с шумом упало в воду. – Смотри, как он

радуется жизни! А так бы лежал на берегу и гнил, его бы ели собаки и крабы. Да еще бы и акул набежало, и весь отпуск насмарку. Столько рыбы нам не съесть, двух моих тунцов и то много. А он еще столько таких красавцев произведет, Жанночка, что ловить – не переловить. Все, время, нас ждет шашлык, заводи!

А сам вытащил из ножен красивый, дамасской стали, нож и мгновенно ошхерил двух рыбин, напластал их тонкими слоями. Настя нарезала лук и несколько лимонов. Лимоны выжали на рыбу, чуть присолили, пересыпали красной перцовой смесью, и Жанна с ужасом увидела, что и князь и губернаторша уложили кусочки сырой рыбы на ломтики черного хлеба с маслом и с удовольствием их ели, запивая красным сухим вином. Настя смеялась, вытирая стекающий сок с подбородка, и жестами показывала Жанне приобщиться. Князь ножом отрезал небольшой кусок бутерброда и подал ей. Жанна смотрела на этот кусочек и не знала, что делать. Но деваться было некуда. Его величество ждал, садист. Неожиданно блюдо оказалось очень вкусным, через некоторое время она вспомнила об Андрее, который тоже с утра не ел, и отнесла бутерброд ему.

– Его величество сделал, вкусно! И вот, запей.

Когда она вернулась, то увидела, что князь показывает Насте что-то с руки. Там лежал небольшой прямоугольник, на котором светились картинки. Князь движением пальца перелистывал их, иногда быстро, а на некоторых задерживался.

– Вот, смотри, это твоя Машенька в малом доме, вся в тебя, видишь: рыбу за хвост держит. Это она на тракторе, это – во дворе у Милены Ивановны. Большая уже, болтать начала активно, уже читает. Это мы с ней, Русей и Таней в Ялте, это – в Бахчисарае. Так что не беспокойся, сейчас девочки в большом доме живут. Руся в этом году в школу пошла, поэтому с собой не взяли, чтобы не срывать учебу, а Саньку пришлось взять с собой, но у него в этом году практика морская, поэтому все по программе, просто с лета перенесли на весну, и не в Балтике, а здесь ее проходит. Он же на руле стоял, пока сюда шли, «собаку» стоял, самую тяжелую вахту. Вот и спать увалился. Ну, что, Жанна, Андрею *не* понравилось? – спросил князь, убирая в карман загадочный прямоугольник. Но несмотря на любопытство, Жанна ответила только на вопрос, поняв, что прибор убрали с ее глаз.

Несмотря на слова князя, что он готовит шашлык, на самом деле его готовили все, каждого привлекли к работе. Сам шашлык оказался кусочками мяса, пожаренными на открытом огне над древесным углем на маленьких вертелах. Только эти вертела были сделаны из угольников, и

задний конец был перекручен. Пока мы ходили на рыбалку, мясо промариновалось, и всех посадили нанизывать его кусочки вперемешку с луком и ломтиками томатов. Этим занимались все, кроме князя, он же поставил на ножки стальную открытую жаровню и разводил огонь в ней. Раскалив, как следует, угли, водой сбил пламя и потребовал подавать шашлыки для жарки. Больше всех старался Александр, он помогал отцу, а остальные накрывали на стол. Княгиня возилась с какой-то длинной «змеей» непонятного назначения, которую она развешивала, используя деревья и вбитые ею палки. Через некоторое время стемнело, и она включила эту «змею», которая засветилась небольшими яркими светлячками. Перед этим она зачем-то спускалась в машину катера. Стало светло, как в каютах крейсера. Ни я, ни Жанетт такого никогда не видели. Я аккуратно, чтобы не видела и не слышала Жанетт, спросил княгиню:

– Таня, как это делается и что это такое?

– Светлячки дрессированные. Красиво?

– Красиво.

– Я старалась.

Все сведено к шутке, но меня реально заинтересовал этот вопрос. Все, что я знал, расходилось с тем, что я увидел. «Змея» к катеру не шла. Что делала там княгиня, было непонятным. Ни к одному из контейнеров она тоже не подходила. А светила достаточно ярко, чтобы скрасить наше пребывание на острове.

– Андрей, мы – отдыхаем! И нам все можно. Кстати, на мысах вахту выставили? – спросил князь.

– Так точно, доложили сорок минут назад.

– Вот это правильно! Санька! Давай еще десяток! Андрей, в дальнем контейнере большой черный мешок и такая же плоская сумка. Доставай! Настя, помоги!

Ну, чем может Настя мне помочь?

Черт возьми! Оказалось, что без нее я бы не справился. В сумках оказался катер, который собрала Настя, а я только пшикал насосом, надувая его. Она командовала мной, перетывая насос то в одну, то в другую секцию. Работать с ней было приятно. От нее вкусно пахло какими-то духами, несло теплом и уютом. Мы отнесли к берегу сначала катер, а потом и странный мотор к нему. Княгиня вначале запротестовала, но потом махнула рукой на выходки князя. Мы с ним и Настей отвезли на посты матросам шашлык и по стакану вина. По-моему, ни один корабль в мире не имеет такого хода, как эта черная надувная лодка. Плюс очень удивил фонарь князя, он бьет почти на милю. По моему хронометру, мы проскочили

вокруг острова за двадцать семь минут, включая три подхода к берегу. А это – двенадцать миль. Больше сорока узлов. А управляла им женщина. Князь сидел на баке и подсвечивал иногда своим фонарем. Затем, когда вернулись, обнаружили, что Сашка, Татьяна и Жанна поют песни под гитару и требуют еще шашлыка.

Опять задымил мангал, запахло дымом, смешанным с запахом горелого сала. Звучало уже две гитары: одна маленькая, которую привезла Жанна, и огромная, которая оказалась в одном из контейнеров. У большой оказалось двенадцать струн, а у Жанниной – семь. Лучше всех играла и пела княгиня, но и Жанна от нее не отставала. Первый вечер на острове просто удался. Даже моя неугомонная Жанетт вползла в палатку и сказала:

– Я объелась и, по-моему, пьяна, все впечатления завтра. Они – замечательны... – этим недосказанным предложением она закончила, и сон сморил ее.

Утром оказалось, что все, кроме нас с Жанетт, встают раньше и свой день начинают с довольно большой пробежки. Сначала убежали князь и Санька, потом Анастасия, затем княгиня. Потом водные процедуры: купание в море, душ на катере – и завтрак. Завтракают все вразнобой: кто когда и во что горазд.

Последней проснулась Жанетт и долго не могла привести свои волосы в порядок. Соль. Катер на ходу дает соленые брызги на корму. Надела подаренные ей купальник и халатик и пошла завтракать. После этого все отправились за водой и мыть посуду, хотя крабы и собаки уже все подчистили.

Единственный источник пресной воды – озеро на севере. Оно – небольшое, зато без комаров и аллигаторов. Настя, Сашка и княгиня с князем нырнули в него, я тоже, и тут выяснилось, что Жанна не умеет плавать. Ух, что тут началось! Но учить ее решили в лагуне, дескать, там проще. Напялили на нее какой-то костюм, надели ласты, и она поплыла – с ходу! Правда, после снятия костюма пришлось опять учиться, но через пару часов вопрос о плавании был закрыт. Еще раз сходили, уже вдвоем, за водой, а заодно и вымыли ей волосы. По дороге поговорили о впечатлениях. Она в восторге. Все ей нравится, кажется, что она всю жизнь провела с этими людьми.

– А как тебе?

– Не знаю, я никогда не был близок к ним, до последнего момента меня особо не отмечали. Поэтому не могу сказать, что я хорошо их знаю. Но так отдыхать мне нравится. Не дают.

– Вот именно! А представь, кто они! Говорят, что им принадлежит

полмира и они самые богатые люди на Земле. А почему Анастасия так близка с ними? Это их дочь? Хотя... Не может быть. Сколько лет княжне и княгине?

– Не знаю. Княгиня выглядит молодо, но возраст я определить не могу.

– У нее морщинки у глаз. Я, конечно, затрудняюсь определить, сколько ей лет, но мне кажется, что она не может быть матерью Анастасии.

– Это абсолютно точно. Анастасия Гавриловна родилась в другой семье, но жила у них. Что-то вроде приемной дочери. Я, во всяком случае, такое слышал.

– Господи, как же мне повезло! Ведь спросить у тебя, кто тебе больше нравится, придумала Клодин. Ей всегда казалось, что ты к ней лучше относишься и выберешь ее! А ты ответил так, как говорила я, что ты нас совсем не отличаешь и ни одну не выделяешь. И ей пришлось уйти к Жаку. Кстати, как у них там?

– Я к ним не заходил, и мне было некогда узнавать об этом. Были мы в Нововыборге совсем недолго. Летом будет еще один рейс туда, обязательно сходим. Все, заканчиваем, пришли.

Еще раз сходили на рыбалку, на этот раз Жанетт разрешили поймать рыбу. Ей повезло – вытащила небольшого и красивого марлина. Его ей оставили, так как на вечер намечалось рыбное меню. И она загорелась рыбалкой. Это превратилось для нее в страсть. Она во всех вопросах была страшно увлекающейся натурой.

Но самым удачливым рыбаком была княгиня. Она в море не ходила. Брала подводное ружье, я его тоже впервые увидел, маску, трубку и ласты и уходила либо на отмель слева от лагеря, либо на внутреннюю лагуну. И всегда возвращалась с рыбой, и того размера, который требовался. По поводу ее «змеи» выяснилось, что к ней подключен еще и холодильник со льдом для вина и кваса. Это нарушало все, что я знал об электричестве, хотя нам читали неполный курс.

– Ой, успокойся, Андрей. Ни я, никто на свете не способны изменить законы физики. Им подчиняется все. Здесь идут испытания одной очень интересной вещи: топливного элемента. На этом – все. Когда надо будет, ты все узнаешь, а пока не морочь ни мне, ни себе голову.

Она улыбнулась усталой и доброй улыбкой, и мне пришлось попросить у нее прощения. А казалось, что они здесь просто развлекаются и отдыхают!

В один из дней князь начал собирать какую-то странную машину на полосе приборя. Маленьких три колеса, треугольная рамка, которую он прикрепил к длинной трубе, тоже составляющей треугольник. На верхний

треугольник натянул материю. Снизу красиво выгнутые трубы, окрашенные в камуфляжный цвет. Сразу за сиденьем решетчатая чаша, внутри которой какой-то незнакомый двигатель и трехлопастной винт. Князь снял колеса и прикрепил к сооружению два поплавка. Санька и Жанна крутились рядом с ним. Он стащил устройство на воду, затем повернул рычаг на небольшом баллоне, окрашенном в голубой цвет. Винт провернулся, и в нос ударило неприятным запахом. Катер с крылом отплыл чуть от берега и разогнался, скользя по воде. Вдруг он оторвался от поверхности воды, сделал небольшой круг и снова приводнился, разбрасывая брызги. Ткнулся в берег носом. Князь расстегнул ремни и послал сына к контейнеру. Тот принес меньшее кресло, которое закрепили впереди, защелкнув какие-то замки.

– Садись! Застегнулся?

Князь рукой проверил, что сын пристегнут.

– Жанна, толкни!

Она уперлась в поплавок и легко сдвинула катер. Князь ногой помог катеру развернуться и опять запустил двигатель. На этот раз они летали минут двадцать, после этого сели обратно.

– Хочешь? – спросил он у Жанны.

Та отрицательно покачала головой, но неотрывно смотрела на машину. Облизала пересохшие от возбуждения губы и спросила:

– А можно?

Князь заулыбался.

– Только волосы подбери, надень куртку и сунь их под нее. Тебе придется сидеть на волосах, чтобы на винт не попали.

– Так? Правильно?

– Правильно. Садись, пристегнись. – Рука князя похлопала ее по груди и замкам системы.

Теперь помогал отталкиваться Сашка. В лицо Жанне несколько раз плеснула вода, и она пропустила сам момент отрыва. Когда открыла глаза, то море было уже далеко внизу. Окрестности огласил сначала визг, а потом восторженный крик:

– J'ai volée!!!

Сделав не слишком большой круг, князь послал машину вниз, проскользил над водой в бухте и аккуратно притер машину, направив ее к берегу. Несмотря на то что Жанетт вымокла при взлете и посадке, ее восторгам не было конца. Но больше ее с собой не брали. Летала только княгиня в дальнюю бухту внутренней лагуны, где было много лангустов и лобстеров. Святослав не разрешил ей нырять за ними в большой бухте,

после того как однажды в эти воды зашла большая тигровая акула.

Нырjala княгиня с огромным удовольствием и на большие глубины. Даже зеленую черепаху поймала и притащила к берегу. Возня с черепахой и привлекла тигровую акулу. Но князь всегда наблюдал за неугомонной нырjальщицей и подскочил к ней на катере сразу, выстрелами по плавнику отогнал хищницу и втащил охотницу с добычей в катер. В тот день они поругались, правда ненадолго, а потом сидели в обнимку и что-то тихонько говорили друг другу на ухо.

Через неделю был объявлен прощальный ужин. В меню были седло барашка, лангусты и лобстеры, жареный и копченый марлин, куча вкусностей, опять пели песни.

Утром прошлись по пляжу и острову и собрали малейшие кусочки мусора. Затем подошли катера, и началась погрузка. К тому времени все было упаковано в контейнеры, они герметически закрылись и были опечатаны. На всех обычная одежда. Матросы скатили контейнеры в воду и подняли на борт с воды.

Ордер пошел в сторону Кронштадта. Анастасия Гавриловна в Выборг идти отказалась, но просила на следующий год прислать Марию домой. Перед самым отходом, уже в Нововыборг и Выборг, князь подарил один из спиннингов Жанетт, которая извела всех на острове со своей рыбалкой.

Анастасия

После победы над французами на переименованных островах – те стали Нововыборгскими – даже как-то посветлело. Лето было теплым, и туманов, даже по утрам, было мало. Ничто не предвещало беды. Федор просто изошел, ожидая от князя ответа на свое сообщение, но его все не было и не было. Зато началась новая война, теперь она носила название «сельдевой». На этот раз с англичанами, которые повадились в нерест ловить сельдь у наших берегов. Сначала их предупреждали, но они упорно не обращали никакого внимания на эти предупреждения. Катеров у нас было всего два: большой и малый бронекатер и штук шесть парусно-моторных кочей, с которых и ловили рыбу. Дошло до того, что с каждым из них приходилось отправлять наряд морской пехоты.

В конце концов у командира малого катера кончилось терпение, и он открыл огонь в ответ на отказ ему подчиниться и следовать на досмотр к Черной скале, где был организован капитан-лейтенантом Макаровым таможенный пост. Казалось бы, заплатите за патент и ловите себе на здоровье, так нет! Пока экипаж промыслового парусника не разорвало пулями крупнокалиберных пулеметов, они продолжали незаконный вылов сельди. С этого и началось.

Пришлось несколько раз выводить крейсер из бухты, чтобы урезонить воинственных рыбаков из Англии. Крейсер потопил еще несколько парусников, из них два или три принадлежали королевскому флоту. Лишь после этого на море стало тихо, но и путина прошла.

С французами из Франции было тихо, они приходили, платили сборы, покупали воду, продовольствие и соль. Сдавали часть улова как налог и уходили к себе. Папская булла действовала на все сто процентов.

Неожиданно стали отмечаться массовые пьянки в северо-западной части Большого Нововыборгского, там существовало несколько французских поселков и рыбацких причалов. Кроме того, стоял бывший французский форт Дофин, который мы даже переименовывать не стали. Большинство жителей форта и окрестностей сами приняли присягу еще в первый год нашего пребывания здесь. Раньше никаких пьянок не наблюдалось. Французское вино было, его на кораблях привозили, платили акциз, если выставляли на продажу, а если пили сами, то мне какое дело до этого? Тут же начали спаивать наших рабочих. Еще в Выборге меня предупреждали, что самое опасное – это крепкие напитки, которые имеют

примерно один запах с нашим топливом для большинства техники. Если доберутся до него, то начнутся смертельные случаи. Капитан Головачев установил, что найденные бутылки были французского производства, но во Франции их содержимое не производится. Скорее всего, это проделки англичан. Навигация уже закончена, и корабли все ушли на юг. А тут полезла эта гадость.

А перед этим, с крайним рудовозом, из Выборга пришло сообщение, что Святослава короновали на царство Российское. Когда я узнала об этом, то сразу поняла, что теперь о Святославе как о возможном муже придется забыть. Даже если что-то случится с Татьяной Александровной, то мне и приблизиться к нему не дадут. Там пойдет такая драка за место, что проще пожелать милой княгине долгих лет и цветущего здоровья. Так будет лучше всем. В конце концов, это она больше всех со мной занималась, а я, как глупая курица, еще и на ее мужа глаз положила. Хотя сердцу не прикажешь. Придется становиться примерной приемной дочерью обоих.

И тут новость доходит до ушей моего благоверного. Он заявился ко мне и явно винцо где-то пил. Запах был точно! Не до состояния «зю», но выпил он крепко. И переругались мы по поводу письма князю. Федор требовал заканчивать с эпопеей градостроительства и просить у царя, а иначе как царем он теперь его и не называл – хотя что такое Россия и на каком месте она стоит против Выборга? – вернуть нас из ссылки на чужой далекий остров. Дескать, свою миссию полностью уже выполнили, пора и честь знать. Я отказалась, сказала, что делать мне там нечего, все мое теперь здесь, здесь и хоронить будут. Что только попрошу дочь нашу сюда прислать. Что тут началось! Сплошные брызги слюной, что Машку в заложниках держат, нам развиваться не дают, все ото всех прячут, значит, есть что скрывать. Что очень странно, что ты не догадалась, что они с княгиней посланцы не бога, а черта. Что не может обычный человек сделать то, что натворил Святослав. Я еще раз ответила, что никакого письма на эту тему я писать не буду, а вот о его словах обязательно сообщу. В этот момент он назвал меня дурой и попытался ударить. А я своих тренировок не прекращала, поэтому легко перехватила руку и ткнула его лицом в пол со всего маха. На меня, женщину, руку поднимать вздумал, подлец! Да еще и по пьяной лавочке. Недаром князь ему не доверял, и приказ князя – применить к нему любые меры воздействия – лежит в секретном отделе в моем личном сейфе.

– Ах, так, ну ты у меня еще пожалеешь! – сказал он, выбегая из комнаты, и переехал жить в комендатуру. Ходил вечно грязный, мне его даже жалко иногда становилось, ведь по пьяной лавочке наговорил.

Но в конце февраля капитан Головачев неожиданно арестовывает Федора и сажает его на гауптвахту в одиночку. После этого капитан пришел ко мне с протоколами допросов двух человек и записью разговоров Федора и француза ля Марка. Несмотря на гриф «001» на сведения об электрогенераторах – подписку о неразглашении брали со всех, кто хоть как-то соприкасался с этими устройствами или изучал электротехнику на курсе, – Федор все рассказал ля Марку, включая физику процесса. У меня был шок! И сделал он это из-за денег. И его, и наши деньги находились в Выборге. Здесь были только служебные и немного личных. Пройда, а теперь я не хотела называть его по имени, решил продать англичанам секрет успеха нашего княжества, как будто имел к этому хоть какое-то отношение. Электричества он побаивался, но как гвардеец обслуживал и принимал участие в испытаниях полевой гидроэлектростанции. Вот за ее схему он и попросил миллион талеров, которые обещал король тому, кто откроет секрет выборгского княжества. Вместо миллиона получил десять лет каторги, а на меня легло пятно жены предателя и первого изгнанного из гвардии. Сам князь и княгиня прибыли в Нововыборг из-за этого. Причем прошли через льды на новом судне, которое может колоть лед и проводить за собой другие суда. Вот такой позор лег на меня. Я не знала, как посмотреть в глаза князю.

Но и он, и княгиня на меня не ругались. Прижали меня к себе и сказали:

– Бедная девочка! Это была наша ошибка, не нужно было выдавать тебя замуж за такого человека. Ты чего себя извела? Посмотри, на кого стала похожа. Вот что, милая, собирайся, и поедem домой, только заглянем еще на острова Лукаянские, где еще один город строят.

– А как же Нововыборг? Ведь еще столько дел предстоит.

– Так вернешься, мы тебя не на совсем забираем. Отдохнешь, поправишь здоровье, дочку заберешь и вернешься. Никуда без тебя и от тебя твой Нововыборг не денется.

Пройду увез рудовоз, а мы вчетвером пересели на «сто пятый» крейсер и пошли на юг. Жаль, что Машеньку не привезли, но мне сказали, что поход на ледоколе через три больших ледовых поля – это не прогулка на яхте, а серьезное испытание для всех, поэтому никого, кроме Сашки, а он на четвертом младшем курсе корпуса учится и у него практика, из детей не взяли. Судно могло застрять, его могло зажать и выбросить куда-нибудь. В общем, ни Руся, ни Маша не пришли, остались в Князево.

Когда видишь, как ломает лед в проливе «ЛК-1», становится страшно:

какую силищу надо иметь, чтобы творить такое! Три рудовоза стоят под погрузкой, и князь Святослав утверждает, что отныне навигация в этом районе станет круглогодичной. Требуется еще увеличить выпуск крицы и больше грузить руды. Северный Брас д'Ор и Большой пролив ледокол вскрыл, и погрузка идет сразу на трех причалах. В этом году начнем строительство плотины через Миру, и на очереди Большой Каньон.

Так что планов множество, и как хорошо, что князь с княгиней так отреагировали на произошедшее! Но по приходе на остров Кроншлот – странное название, хотя говорят, что его дал сам князь, видимо у него с этим словом что-то связано – меня подключили к проверке дел и финансов на строительстве города Кронштадт.

Командует здесь уже капитан 2-го ранга Макаров, командир «сто пятого». Уже третий год пошел, как мы с ним знакомы. Это он доставлял нас в Нововыборг, и его крейсер охранял нас в течение двух навигаций. Высокий, с огромными кулачищами, сын мастера Матвея из Питкяранты и Князево. Я у его папы подрабатывала на лесопилке. Его зовут Андрей, и он – точная копия своего отца. Такой же белобрысый, с большими голубыми глазами, довольно длинным носом и очень крепко сложенный. За все время мы с ним ни разу не конфликтовали, его вообще трудно вывести из себя, он спокойный, как... даже затрудняюсь сказать, как что. Как скала, например.

Женщины на него вешаются. Он их постоянно меняет. Жил сначала с Моник, она вроде как у него домохозяйкой была, но хозяйкой в доме так и не стала и потом вышла замуж за мастера второго цеха на заводе. Хорошая, работающая женщина. Хотя она много старше Андрея, может быть, поэтому. А в прошлом году привез двух девчонок-француженок, и ходили такие слухи, что для утех. Мне пришлось даже расспрашивать его об этом. Само по себе многоженство для не почитающего Христа язычника, а он был именно язычником, не возбраняется.

Девушки были взрослыми, но они были француженками, католичками и гражданскими военнопленными. И слухи могли породить целую волну неприятностей. Отношения с акадками портить не стоило. Правда, выяснилось, что они просто живут у него, потому что делать ничего не умеют. Они не акадки, а французские дворянки, рожденные во Франции. Поэтому община акадская за них вступаться не намерена была. А во-вторых, ничего предосудительного с девочками Макаров не делал. Кормил, поил, одевал и обувал. Отдал их в школу, русскую, и на воспитание к своей домоправительнице. Она и сказала, что с девочками никто не делал ничего плохого. Мне Макаров сказал, что единственное его желание – отправить этих двух лентяек во Францию. Потом, правда, добавил, что во Франции

их, кроме публичных домов, никто не ждет. Уж лучше если они кому-нибудь партию здесь составят.

Ближе к зиме одна из девиц венчалась в церкви на форту Дофин, а вторая ушла на крейсере на юг вместе с Макаровым. Я говорила с ними в Нововыборге: девочки пытались поставить себя выше всех жителей Нововыборга. Каплей Макаров весьма точно их охарактеризовал.

Санька был с родителями, но жил в матросских кубриках, так как он был на практике. Лишь иногда, в свободное время, прибегал ко мне или княгине в каюту рассказать, что делал или что видел, перехватить что-нибудь из фруктов со стола, и убегал вновь на палубу или на работы. По характеру сильно изменился, старается выглядеть и быть взрослым, но не получается еще: нет-нет, да маленький мальчик в нем проскакивает. Когда встретились, он так гордо пожал мне руку и не выказал никаких эмоций, а когда остались с ним одни, забрался на руки, обнял меня за шею, всхлипнул и сказал, что очень-очень соскучился. Я же его нянькой с рождения была.

В Кронштадте выяснилось, что Макаров продолжает жить вместе с Жанетт, но уже как с женой или наложницей. Органов ЗАГС на острове пока нет, и все считают ее женой коменданта и командира крепости. Она появилась на причале одетая в дорогую испанскую одежду, с высокой прической, которую венчала затейливая шляпка, и шелковым, испанским же зонтиком от солнца. Пара выглядела немного комично: он возвышался над ней как гора в своем строгом морском мундире. А она даже с высокой прической и каблуками, едва по плечо ему была. Худенькая, как тростинка, только грудь довольно сильно выдается, то ли подняла ее чем-то, то ли первые месяцы беременности. На лице важность написана, а когда узнала, кто прибыл на крейсере, то столько поклонов отвесила! Исполнять эти довольно сложные движения ее явно учили. Все пыталась дать бал в нашу честь, но Святослав всегда находил повод для отказа.

Мне было несколько странно, что князь пригласил их с собой на атолл Полуночной Луны, обычно они никого близко не подпускали к местам своего отдыха. Лишь на острове я поняла, что ему требовался помощник для управления малым бронекатером, ну а супругу или подружку он взял, чтобы не создавать ненужных ни мне, ни Андрею прецедентов. Я слышала еще в Нововыборге, как князь сказал Татьяне Александровне: «Смотри, какая пара! Может, их поженить?» На что она ему ответила, что один раз они такую глупость сделали и больше повторять не стоит.

– Настя – взрослая женщина, пусть решает сама.

– Ну, вообще-то, это была твоя идея... – ответил князь, и более я ничего от них про это не слышала. После знакомства поближе, когда на пустынном острове было отменено всякое чинопочитание и этикет, Жанна мне понравилась своей эмоциональностью и непосредственностью. Она очень сильно возбуждалась при виде малейшей борьбы, схватки, в ситуации неизвестности. Почти совсем необразованная, из семьи небогатых гасконских дворян, она брала именно непосредственностью и живым участием во всех начинаниях, кроме труда. Было заметно, что обычный труд и исполнение обязанностей удовольствия ей не доставляют. Тяжело вздохнув, отправлялась за водой на озеро, или несколько раз приходилось ей напоминать, что для мусора есть контейнеры. Единственное, что делала с удовольствием, это ловила рыбу, и иногда делала довольно вкусные соусы. В общем, к труду, как мы, была совершенно не приучена.

Отпуск пролетел почти мгновенно, но я хорошо отдохнула, тем более что вернулась в семью и к привычным с детства людям и вещам. Очень понравилась рыбалка на марлина. Мне повезло, и мой экземпляр был самым большим из всех, которые попались на крючок. Плюс я его полностью самостоятельно выводила и подвела к борту. Мы его отпустили, уж очень он был крупный, под тонну. Но князь сделал фотографии и обещал их прислать, потому что я отказалась идти в Выборг: я выздоровела, а дел в городе много. Со мной согласились и обещали на следующий год прийти вместе с Марией.

Вместо «сто пятого», который стал флагманом Атлантического флота, в бухте стоял паровой фрегат новейшей конструкции. Это его первое плавание, но теперь он приписан к нашему порту. Как и обещал князь, к путине подошли дополнительно бронекатера из Кронштадта, и рыболовецкий флот начал пополняться оттуда. Вместо домниц завод начал сооружать две большие домны, но на их постройку требуется более двух лет. Я же подбросила идею организовать на атоллах постоянно действующие дома отдыха для детей и рабочих завода. Зимы у нас холодные и ветреные, поэтому всем нужен такой отдых. Мне было сказано, чтобы готовила проект и начала накапливать строительные материалы и рабочую силу.

Этим и занималась, ну и, конечно, всеми остальными своими обязанностями. Тем более что у нас появилась связь и начала издаваться «Выборгская Правда». Только бумагу пришлось в Выборге закупать, мы ее не выпускаем, по экологическим и экономическим соображениям. Далеко не все компоненты для этого есть на острове. Проще обменять ее на крицу.

Еще увеличили количество полей в этом году – с появлением удобрений они стали давать приличные урожаи. Речь уже идет о том, чтобы полностью отказаться от завоза продовольствия из Выборга. Дорого получается, лучше все производить самим, закупая лишь фрукты и некоторые овощи через Кронштадт или непосредственно на Сантьяго-де-Сантьяго, где у Выборга есть торговое представительство, да и вообще остров практически подчинен Выборгу, потому что попал в сильную экономическую зависимость от него. Так что поставки практически прямые.

Работы было много, и лишь вечерами иногда чувствовала одиночество. И сны, сны действовали на нервы. Но я их гнала и гнала от себя. Снился отпуск, Святослав, Санька и иногда Татьяна Александровна в виде грозной феи, которая разрушала мои мечты. После этих снов сильно потягивало вниз, поэтому я приучила себя вставать, попить водички, успокоиться и настроиться на иные мысли. Например, как встречу с моей ненаглядной Машенькой.

Ближе к весне ледокол привел в бухту «Т-105», они привезли боеприпасы для крепости, новые рыболовецкие кочи на палубе и фрукты. Еще раз встретились с Андреем, который был чем-то недоволен, перегрузил на ледокол какой-то груз и ушел в форт Дофин. Мне он слегка улыбнулся, но сказал, что хотел бы переговорить чуть позже. На мои вопросы ответил только:

– Потом.

Вернулся он довольно быстро, и я видела, что он ушел на фрегат, видимо с проверкой. Уже вечером в мою дверь постучали: «Андрей Макаров, Анастасия Гавриловна». В руках он держал корзинку со свежими фруктами, сладостями, шоколадом и две бутылки французского вина. Оказалось, что пришел помянуть Жанну, мы же были знакомы, но на похороны и поминки меня пригласить не могли. Ее убил марлин, выскочивший из воды и пробивший ей сердце.

– Как же так, Андрей?

– Я был в море на учениях. Она была на третьем месяце, и мне в голову не могло прийти, что она потащится на рыбалку. Наш коч был закрыт, и ключ был только у меня. Так она наняла другой. В общем, вы же знаете, что она жутко заводная была. Хозяин коча говорит, что она уже дала команду выключить двигатель, потому что рыба сдалась, но когда стала вставать с кресла, то чуть поддержнула рыбу, и марлин испугался и выпрыгнул из воды. И прямо в сердце.

– Когда?

– Еще в августе.

Мы разлили вино в три бокала без ножек. Один отставили в сторону. Выпили до дна, а оставшиеся капли капнули в «ее» бокал.

– У меня еще один вопрос, Анастасия Гавриловна.

– Слушаю.

– Выходите за меня замуж.

– Беда в том, Андрей, что мой брак зарегистрирован в Выборге, а по закону разводов у нас нет. Да и знакомы мы мало. Я не могу сказать, что вы мне не нравитесь, но я вас практически не знаю. Как и вы меня. Вы еще встретите себе хорошую молодую девушку и осчастливите ее.

– Это не совсем так, Анастасия Гавриловна, я вас помню, еще когда вы у отца моего работали, в Пайлаа. Да и позднее, когда острова осваивали, вы все время находились неподалеку, вот только вы замужем были, поэтому и не мог я ухаживать за вами. Мне как-то с женщинами не везет, всё они меня выбирают. То княгиня Анна – у нее ребенок от меня, но все считают, что это сын князя. То Жанетт с сестрой меня на себе женили, а сегодня мне предложили убить мужа Клодин и забрать ее с собой вместе с дочерью, которая, как она утверждает, моя. Я не хочу искать больше никого, тем более что есть вы, которую я уважаю и люблю. И у которой такая же задача, как и у меня: построить Новый Выборг – от Нововыборгских островов до Бразилии. Я – военный моряк, вы – инженер, мы с вами почти точная копия князя и княгини. А вы княгиню очень напоминаете – те же движения, одни привычки. Вы ее дочь, не по крови, а по сути.

Он продолжал говорить, и я поняла, что он говорит совершенно серьезно и искренне. У него из-за фуражки, которую он снял, чуть задрался вихор на челке, и мне захотелось его поправить. Он не отклонился, но потом взял мою руку в свои огромные ладони, очень нежно, и поцеловал мне кончики пальцев.

– Настя, – сказал он, как на острове, – выходи за меня замуж, я тебя очень люблю. И все сделаю, чтобы ты была счастлива.

– Но я же замужем! И мой муж – каторжник.

– Ничего подобного, я же был председателем трибунала. С момента вступления в силу приговора ваш брак с Пройдой аннулирован. Там есть запись о том, что все договора, купчие, соглашения и другие акты, заключенные осужденным, обращены в ноль. Брак – это зарегистрированный акт в отделе записи актов гражданского состояния.

Я смотрела на него круглыми от удивления глазами. Оказывается, я, считавшая себя неплохим юристом, невнимательно прочла приговор.

Впрочем, тогда мне было не до юридических тонкостей.

– Все равно, об этом необходимо спросить разрешения у князя.

– То есть ты не говоришь мне «нет»?

– Да. Я не говорю этого. Но решать это будет Святослав. Разрешит – значит, брак состоится. Нет...

– Значит, я увезу тебя к себе без его согласия.

Я встала, собираясь его выгнать, но он обнял меня, приподнял, как пушинку, и положил на свои руки без малейшего усилия. Вот это силища! Я склонила ему голову на плечо. А он повернул ко мне лицо и целовал меня. И я ему ответила. Через некоторое время мы, задохнувшиеся от этого поцелуя, сели за стол, только он меня не отпустил, а держал на коленях, на все лады повторяя мое имя мне на ухо. Целовал мне мочки ушей, лицо и руки и был нежен, как никто не был нежен со мной за всю мою жизнь. Кроме Сашки и Машки. Я поняла, что он больше меня никуда не отпустит. Да и у самой все внизу сжалось в тугой комок, как после тех снов.

– Пойдем, я покажу тебе, где находится ванная.

Днем мы отправили шифрограмму князю с просьбой разрешить наш брак. Через три часа получили ответ без шифра: «Совет да любовь». И мы объявили о своей помолвке.

Святослав I

Успех первых поселений за океаном, где закладывался фундамент грядущего выбивания из-под будущих «великих держав» основы, на которой строилось их благополучие – морского разбоя – был жизненно необходим. Было бы наивно полагать, что мои «европейские партнеры» уж слишком долго позволят мне почивать на лаврах. За Порккала-Удд появился претендент на шведскую корону – Карл-Густав Пфальцский. Кристина, отношения с которой складывались очень хорошо, не была похожа на Грету Гарбо. Она была страшна, как смертный грех, и после безуспешных попыток найти себе хоть кого-нибудь в мужья – а кто возьмет в жены полностью заросшую женщину, у которой от волос свободны только лицо, ладони и ступни! – решила остаться девственной и назначила себе преемника, весьма воинственного герцога из Пфальца – это на самой границе с Францией. Герцогство обладало личной унией со Швецией, так же, как сейчас Нововыборг имел личную унию с Выборгом. А занятие мною Багам, брошенных Испанией в связи с бедностью почв и вымиранием местного населения от болезней, позволило полностью легализовать заморские области Выборга. Закрепившись там, можно было поглощать испанские колонии, вовлекая их в экономический оборот Выборга. Как мы и поступили с будущей Ямайкой, которая уже никогда ею не станет.

Мне были нужны бокситы, чтобы раскислять металл, и поставлять их из Сантьяго было выгоднее, чем осваивать единственное месторождение в Водьской пятине. Народа у меня там сильно не доставало. Дети стали рождаться хорошо, мужиков здорово поприбавилось, за счет развития заводов и фабрик. Демографическую яму удалось перепрыгнуть, так как сюда потянулись беглые крестьяне со всей России. Теперь они шли не в казаки, а в рабочие. Так надежнее.

Заметно возрос поток переселенцев из финского удела Швеции. В верхней северной части граница шведами не охранялась, и водных путей было много. Крестьяне уходили из-под крепей, в которую их засунули Кристина и ее отец. Оба баловались тем, что с легкостью раздавали землю дворянству, разбрасывались титулами, особенно Кристина. Так она боролась за свою популярность в народе. Однако год назад риксдаг потребовал вернуть в казну розданные земли. Провозглашенная генералом Флеммингом «шпионская война» против Выборга привела к тому, что

лучшие умы Европы перебрались в Выборг. Тот же Декарт теперь работал в Главном картографическом управлении флота и преподавал навигационную астрономию и картографию в Татъянином университете.

Известие о том, что при попытке продать англичанам схему полевой гидроэлектростанции арестован Пройда, принес Томас Усселинкс. Мои опасения, что главным для Федора является власть и деньги, оказались верными. Это первый серьезный звоночек, что кадровый вопрос требует более тщательного контроля. Особенно для людей, находящихся за границей. Самое смешное, что реально Пройда продавал воздух. Учился он, как я уже говорил, плохо и электрику практически не знал. Он же пехотинец. Но привыкшая к комфорту Настена свой дом в Гвардейском постаралась приблизить по уровню к тому, в каком проживала у нас. Руки у нее были вставлены в правильные места, а голова работала замечательно. На младших курсах она проходила практику в электроцехах завода. Поэтому и Пройда привык, что нажал на кнопку – и свет загорался. Включил электробритву – и побрился. А тут дикость, и это не выход на единение с природой на несколько дней, а постоянные условия проживания. Психологически действительно очень трудно.

Ледокол к тому времени проходил швартовые испытания, и по их окончании мы вышли на ходовые и ледовые. Судно уверенно их прошло, к тому же позволило на два месяца раньше начать навигацию на Балтике, а это существенный финансовый выигрыш. Поэтому и родилась идея самим сходить в Америку. Ну, и хоть немного отдохнуть от всего и всех. Достали все, особенно Госсовет России. Татьяне идея пришлась по душе, она обожала отдыхать на море, и его отсутствие уже в течение десяти лет воспринимала очень остро.

Учитывая, что она была ныряльщицей и заядлой подводной охотницей, подготовку провела серьезную, кстати и меня припахала для создания как транспортных шестиметровых (20-футовых) контейнеров, так и целого арсенала малых контейнеров от тонны до десяти. Двенадцатиметровые мы делать не стали. Надобности в них никакой не было. Теми средствами, которые были в необорудованных портах, и тонных контейнеров более чем достаточно. Размеры все совместили, поэтому одни вкладывались в другие, как кубики. Разработаны они были давно, но изготовлены как раз к отпуску. Кстати, ледокол был приспособлен для перевозки и самовыгрузки контейнеров на кормовой палубе. На корме у него стоял мостовой кран для этого, который в походе крепился к надстройке в собранном положении. Выгрузку можно осуществлять на оба борта. Были некоторые конструкционные сложности

из-за работы на плаву, но их решили за счет рельсов: их было два, верхний и нижний. По нижнему кормовая кран-балка передвигалась в корму, а верхний служил предохранителем от опрокидывания. В результате через час на корме собирался мостовой кран, позволяющий забирать контейнеры с плашкоутов или причалов. Укладывать и снимать их при волнении до двух баллов и кренах до десяти градусов. Предпочтительнее, конечно, работать в закрытом порту. Но таких было мало, и на первых порах приходилось рисковать.

Вместо умершего в прошлом году короля Кристиана, в Копенгагене сидит Фредерик III, и он уже ввязался в смертельную схватку с бывшим первым министром Дании Ульфельдтом, женатым на дочери короля от морганатического брака Леоноре. Ульфельдт богат и влиятелен, Леонора красива, умна и пишет мемуары. А Фредерик толст, у него кажущаяся неповоротливость и малоподвижность. Женат он на вечно беременной Софии-Амалии, которая уже родила ему наследника и беременна четвертым ребенком. Она была страшенькой, и при дворе ее очень не любили из-за мстительного и злобного характера. В размере личного состояния король сильно проигрывал Ульфельдту, поэтому схватка была серьезной.

С ним мы лично не знакомы, приглашения не получали, поэтому ночью форсировали Большой Бельт, или как он здесь называется – Лангебельт. Лед довольно тяжелый, и пару раз нарывались на гряды торосов, которые приходилось пробивать в несколько приемов. У меня за кормой идет танкер, переделанный из проекта «Веди» и имеющий ледовый класс. Он начнет создавать запасы топлива для ледокола. Ведь этот эфир в Нововыборге не производится. Танкеров заложено целых шесть штук, два из них уже готовы.

Зимняя Атлантика встретила неплохим штормом, поэтому опоздали мы на randevu. Дисциплинированный Макаров уже находился там, а нам оставалось еще двадцать часов хода. Корабли встретились ночью, построились клином и пошли к проливу Кабота. Однолетний лед в нем мягкий, весь пропитан соленой водой, и потому страшно липкий. Много пришлось работать компрессору, которым шуга отбрасывается от борта судна. Вооружен ледокол был всего двумя артиллерийскими 76-миллиметровыми башнями, но пушки на башнях спарены, и на орудиях вместо дульного тормоза стоит эжектор, который удаляет пороховые газы из башни. Такое вооружение даже избыточно для него, тем более что для его охраны и обороны был построен фрегат с корпусом УЛА и одной машиной, такой же, как на ледоколе. Но он еще не прошел испытаний и

стоит на достройке в Выборге, а там лед, поэтому придет позже.

Сам Пройда и его поступок меня больше не интересовал, поэтому я собрал военный трибунал под председательством гвардии капитана 2-го ранга Макарова. Он гвардеец, из первых, его отец – директор механического и судостроительного завода в Князево. Пусть Пройду судят сами гвардейцы, тем более что утечки не произошло. Ла Марк, бутлегер и английский шпион, уже повешен по приговору местного трибунала.

Меня интересовал завод, рудники и люди. Особенно местные акадцы, но и хотелось узнать, что думают о новом месте те люди, которые согласились переехать из Води в Нововыборг. У Настены оказался талант руководителя и строителя. Город стоял чистенький, завод построен так, что весь дым и чад от его печей уходит сразу в океан. Аккуратные домики с палисадниками, почти обязательный причал с лодкой. Много людей занимаются ловлей лобстеров и рыбы, хотя флота явно не хватает. Развить собственное производство хороших лодок она не смогла. Говорит, что не хватало людей для этого. И сильно сдерживала слабо работающая приливная лесопилка. Леса постоянно не хватает. Пришлось ей объяснить, что судостроительный завод уже построен в Кронштадте, и в этом году там же откроется механический завод по производству двигателей для этих корабликов. Кроншлот – остров маленький, и оборонять его легче, чем таежный Нововыборгский архипелаг. Там проще сохранить секреты производства таких двигателей. Станочный парк для этого завода уже готов, и этим летом все будет установлено там.

Осмотрев укрепления крепости и проведя несколько тревог и КШУ, убедился, что система оповещения на острове работает неплохо, крепость Пройда построил правильно, провалов в обороне я не выявил. Дал команду выделить для постройки два укрепрайона, которые будут охранять места строительства электростанций на острове. Места для строительства выбраны толково, вскрышные материалы с рудника туда перебросить будет не так сложно. Теперь дело только за тяжелой техникой.

Сходили на место бывшего Луисдэла, потому что Анастасия говорит, что есть необходимость заложить в этом месте еще один город-крепость, расширить «цивилизованный» ареал проживания. Просмотрел дела местного суда, побывал на заседании совета племени Унама'Кик, которое вернулось в эти края, но пока мало принимает участия в жизни колонии, предпочитая заниматься охотой и рыболовством. Но рыбу сдают исправно, конфликтов пока не возникает, так как наши интересы на этой земле сильно различаются. Несколько конфликтов возникало лишь с акадским населением и пришлыми рыбаками и охотниками с других островов. Эти

дела составляли примерно девяносто процентов судебных дел. Еще одна проблема – малое количество рабочих мест для женщин. Практически все они заняты в пищевой промышленности и в обслуге. Но с этим придется немного подождать, пока не заработает электростанция.

Слегка запаниковавшую и очень расстроенную Настю уговорили взять отпуск и подлечить нервишки. Дела здесь мы закончили и перешли в Кронштадт. Там, конечно, чуточку поскромнее, все еще только-только начато, хотя порядок у инженер-лейтенанта Беринга присутствует. Планы строительства соблюдаются.

Проверили расходы и доходы колонии, документация ведется точно и скрупулезно, сказывается флотский характер и стремление все сделать так, как положено. Склады боеприпасов обсыпаны, наблюдение и патрулирование строго по графику. Строительство идет круглосуточно в три смены.

Получив от Насти, которая возглавила комиссию, доклад о том, что проверка произведена, злоупотреблений не выявлено, решил пригласить с собой Андрея Макарова, дабы присмотреться к нему, потому что должность он стал занимать немаленькую, и хоть я его и знаю много лет, но люди меняются в зависимости от должности. Вон, Пройда – испытаний так и не прошел. Жизнь всегда подкидывает человеку сложности. Плюс требовалось разобраться, что за жену Андрей себе выбрал. В личном деле о ней практически ничего нет, брак с ней не регистрировал, правда Настя сказала, что еще глубокой осенью прошлого года они не были мужем и женой, хотя проживали в одном доме. Сейчас они восстанавливают дом бывшего испанского губернатора, но делают это на свои деньги. Не за счет города или крепости. Дом большой, и работы там ведутся довольно интенсивно. Татьяна согласилась с этим вопросом, да и помощник мне требовался на катер, иначе так и проведу весь отпуск за штурвалом и в машине. Санька еще маловат для того, чтобы доверить ему полностью управление довольно большим и вооруженным катером. Он этот проект и не знает. Такие больше не строятся, поэтому их отдельно не изучают. А Андрей когда-то таким командовал. Этот проект был первым нашим броненосцем. На них англичан поколотили в шхерах.

Остров я выбирал сам. Несмотря на огромное количество таких же, требовался остров с подходом больших глубин неподалеку, тогда рыбалка будет обеспечена. Плюс на многих проблему представляют москиты. На других водятся аллигаторы.

Этот остров болот не имел, крокодилы здесь не водились, никогда не

был заселен белыми, здесь жили только лукаяны, которых однажды согнали на берег бухты, погрузили на суда и увезли в Мексику добывать серебряную руду. Их домики давно снесло ураганами, и следов пребывания индейцев на этой земле не осталось. Полезных ископаемых – нет, плодородной почвы – нет, а делать конуко, какие с успехом делали индейцы, испанцы не стали. А зачем? Если рядом полно плодородных земель. Ах, они заняты? Кем? Дикарями! Да мы им кровавую реку устроим, но земля будет наша.

На переходе посмотрел, как Санька управляется с ходовой вахтой. Нормуль, оморачился. Придерживаться кильватерной струи впередиидущего катера уже научился. Глазенками хлопает, но не спит.

Катер переваливается на небольшой волне, море спокойное, и крупные-крупные звезды вокруг. Красота! Океан подсвечивается изнутри. Он живой и дышит.

В шесть утра подошли к берегу и начали выгрузку. Шесть тонных и три пятитонных контейнера набралось. Но они все имеют положительную плавучесть и герметичны, поэтому переброска на остров много времени не отняла.

Как только матросы их вытащили на берег и закатили подальше от воды по бревнышкам, мы все высадились, и большие катера ушли на места якорных стоянок. Матросов «Вуоксы» я отправил всех с ними. Оттуда их высадят на оконечные мысы, чтобы организовали посты наблюдения. Утром будут снимать оттуда до вечера.

У нас закипела работа по устройству лагеря. Группа пальм дала тень, палатки разнесли друг от друга, чтобы ничто не мешало заниматься чем угодно в своих «угодьях». Общая кают-компания из складных столиков и кресел, газовая плита на камбузе, биотуалеты, контейнеры под мусор – святой принцип, что после меня остров должен остаться таким же чистым, как и был. Предусмотрены даже пакеты под продукты жизнедеятельности собак.

Первая хохма на острове – это попытка переодеть француженку в одежду XXI века. Хорошо, что у запасливой Татьяны нашелся дополнительный дочкин купальник. Глаза у Жанны были величиной с блюдце, когда ее Настена вывела на всеобщее обозрение. Хотя из достоверных источников было известно, что она в курсе, что у нас женской и мужской наготы не стесняются, но это в бане, а тут пляж... А фигурка у нее очень даже ничего, только маленькая совсем. Ножки точеные, кожа смугловатая – она с юга Франции. На руках, правда, мышц совсем нет, вместо них какая-то вата. Ничего никогда тяжелее ложки не поднимала.

Оне ж – дворянки, что-либо делать – грех: прикажу – и сделают. Но чтобы окончательно не смущать девчонку, сделал ей комплимент.

Сам же не столько отдыхал, сколько старался как можно больше побыть с Сашкой. Дома времени на это постоянно не хватает, а требуется, требуется, требуется. Вот и занялись борьбой, плаванием, спаррингом, бегом на длинные дистанции, маскировкой и стрельбой. Обучили его управлять катером, и теперь он вывозит девочек на рыбалку, правда, в сопровождении меня или Андрея. По отношению к последнему веду прощупывающие разговоры, чтобы выяснить истинные взгляды и намерения, а Таня основное внимание уделила Насте, помогает ей покончить с депрессией и ощущением позора, ведь предал член ее семьи, и с этим клеймом придется жить.

Андрей и внешне, и внутренне напоминает Матвея Захаровича, человека обстоятельного и верного. Уже десять лет он командует всем в Князево, и никогда никаких претензий к нему не возникало. Так и его сын не вызвал у меня никаких отрицательных эмоций. Открытый и честный характер, ну, а с бабами ему просто не везет: красивый и видный, он притягивает их своей мощью. И так получилось, что первыми на него клюют те, кому именно мужик в постели нужен. А девчонок французских он просто пожалел, не понимая, что спасает не самую лучшую часть населения Земли. Они имеют иное воспитание, чем мы, и именно во Франции того времени были распространены скрытые браки. Именно там было больше всего различных адюльтеров. Вспомнилась белошвейка из «Трех мушкетеров» и великолепный галантерейщик со своей Констанцией. В недрах верхушки Франции уже существовало мнение, что для женщины главное в нужный момент и нужному человеку предоставить определенные услуги и стать наложницей – и будут и деньги, и уважение общества, и другие блага. Браки заключались только с целью сохранить и приумножить состояние, а любовь можно быстро и без особых осложнений найти на стороне. Жанна в чистом виде дитя своего времени и точно представляла, что ей нужно, чтобы стать счастливой. Она носит одежду, конфискованную у пиратов, может быть снятую с трупа ограбленной женщины, и абсолютно не стесняется этого. Она расплатилась собой за это с Андреем и теперь ищет пути обогатиться еще больше. Но Андрей не позволяет ей слишком многого, ему просто везет, что в этом мире еще нет игорных домов и игровых автоматов. Иначе такая азартная супруга быстренько бы оставила его без штанов. За такими обычно тянется шлейф подобных поступков. Но Макаров сказал, что в курсе событий и не собирается делать из нее официальную жену. Посмотрим, что из этого получится. Пойдут дети, а

душа у него добрая.

Но через несколько месяцев он, в ответ на передачу приветов Жанне, ответил, что недавно ее похоронил – на рыбалке случайно убил марлин. Эта мощная рыба имеет на носу меч и может развивать скорость свыше 110 километров в час. При вываживании очень важно аккуратно подводить уставшую рыбу к борту. Напуганный марлин может выскочить из воды и натворить такого... Что и произошло с Жанетт. Она же опыта подобной рыбалки не имела, ну, поймала несколько штук под моим чутким руководством или Настасьи. Косвенно и я был виноват в ее смерти, не стоило ей дарить спиннинг. В этом мире таких снастей еще нет и марлинов на удочку не ловят. Их ловят на живца, и затем они буксируют за собой лодку, пока не устанут, а потом их убивают гарпунами. Не стоило мне этого делать, но хотелось сделать приятное человеку, который не испортил отпуск, не выпадал из компании, пел с нами общие песни и делил с нами стол. Вот и подарил.

Татьяна Выборгская

Наконец-то отпуск!

Впервые за одиннадцать лет нашего княжения!

Если бы я не была участницей всего процесса, никогда бы не поверила, что такое возможно. Да, это сделали люди! Мои первые мысли, когда Слава сказал о переходе: «Зачем это надо? Мне и здесь хорошо!» Но как оказалось, это так затягивает! Мне как физику-ядерщику предстояло заново все сделать. Только в других условиях... А это же так интересно! Тут тебе и Ньютон в университет в студенты просится, и прочие «ученые мужи»... А ты понимаешь, что им до своих же открытий пахать и пахать...

Но речь не об этом, а об отдыхе.

Славик – молодец, что наконец-то нашел возможность организовать нам две недельки нормального отдыха: пляж, солнце, рыбалка, никаких посторонних, ну, кроме Жанны, Андрея Макарова, Настёны (да она уже и не посторонняя). Да и с Сашкой нормально пообщаться. Ему уже десять лет... Стоял вахту как взрослый, в XXI веке в какие-нибудь игрушки играл бы и с нянькой в школу бы ходил. А тут: провинился – отработывай, и никто никаких поблажек княжонку не делает. И правильно! Жаль только, что Руся дома осталась, но у нее первый класс. Должна быть дисциплина. Ну, и хотя бы относительная самостоятельность. Маша, дочка Настёны, с Русей осталась. Во-первых, они стали подружками, во-вторых, она еще никогда не была в море... Да и маленькая еще. А мы на ледоколе шли.

Пришли на остров. Пальмы, белый песок... Это, конечно, не Вуокса. Но какое счастье, что можно снять с себя шубы, кокошники и прочее, прыгнуть в купальник и наслаждаться морем! И быть собой. Когда Славик мне сказал, чтобы готовила списки и контейнеры к отпуску, я, со свойственным мне педантизмом, подготовилась: медицинский контейнер (сыворотки от укусов разных насекомых и рептилий, перевязочные материалы, операционная и прочее), контейнер с продуктами, контейнер с палатками и прочими причиндалами, сколько времени пришлось искать океанические спиннинги и леску! Лежали где-то в углу и пылились... Воблеры разных мастей, акваланги, гидрокостюмы... Часть костюмов пришлось шить заново, так как мы не молодеем и объемы только увеличиваются, я больше не Настёна с ее девяносто – шестьдесят – девяносто... Да и Славик «комоч нервов» приобрел.

И если Настёна стала Афродитой, вышедшей из пены морской, то

Андрюша Макаров – просто Нептун: громадный утёс с кулачищами. Это про таких говорят: за ним как за каменной стеной. Понятно, что девки на него вешаются. А некоторые не только вешаются...

Контейнер с моими топливными элементами и светодиодными трубками... А Андрюша не глуп! Сразу столько вопросов посыпалось от него, что пришлось отшучиваться дрессированными светлячками... Но в каждой шутке есть доля правды: светодиоды произошли от хемофор светлячков.

Славкины какие-то приборы...

Хорошо, что вся доставка бесплатно и килограммы на доллары никто не умножает.

На остров пришли в шесть утра. Спать хотелось – спасу нет! Все распаковали, разложили, переоделись... Жанночка – это что-то!

И я пошла давить шезлонг под пальмой. Славик сказал, что он делает шашлык, девочкам дала задание чистить лук, а сама – в море и под пальму! Какое наслаждение! Отпуск! В кои-то веки!.. Славик всем сказал, чтобы все к нам на «ты» и по имени обращались, а то эти «ваша светлость» уже достали!

Вечером мужикам на вахты Славик с Настёной и Андреем отвезли шашлык с вином. Мужики же не виноваты, что князю отдохнуть захотелось, а им из-за этого вахту стоять на пустых островах...

Ой, Жанночка, или Жанетт... девочка-дурочка, необразованная, ничего не умеет, не знает, куча религиозных комплексов, но как охомутать мужика – у нее в крови сидит. По сути девочка еще, шестнадцать-семнадцать лет, азартная – слов нет. Андрюше повезло, что игорных домов нет, а то банкротом бы его сделала! Купальник еле на нее нашли. Хорошо, что у меня все упаковано пачками и был в контейнере купальник ее размера... А такой смех поднялся, когда оказалось, что она плавать не умеет! Нашли ей гидрокостюм, ласты... Пара часов – и она водоплавающая. Вода ей понравилась!

А Настя была просто зелено-серой, когда я ее увидела. Стало ясно, что отпуск ей нужен как воздух. Очень переживала за ситуацию с Пройдой и винила себя, что проглядела его предательство. А это по нервам бьет сильно. Слава ей еще перед отъездом сказал, что от Пройды можно всякого ожидать, но ей как-то не верилось. Здесь, на атолле Полночной Луны, она наконец-то увидела привычные спиннинги, лодки, надувные матрасы и прочая... То, к чему ее приходилось поначалу приучать, и что сейчас вызывало ностальгию по Выборгу и «малому дому»... Славик показал Настёне фотографии Машеньки и пообещал, что привезем ее в следующем

году.

Настёна и Андрей выглядели прекрасной парой сразу, но памятуя об ошибке с Пройдой, решили не испытывать судьбу и предоставить ребятам решать самим.

В последние дни отпуска Настёна крепко задумалась о чем-то, а на мой вопрос ответила, что неплохо было бы детей из туманного Нововыборга сюда на каникулы отправлять. Это же идея! Как мы об этом забыли! В последнее время люди начали обращаться за покупкой дач: работяги стали получать очень хорошо, и денег стало много, а куда их реализовывать? И тут Настёна подкидывает идею пионерлагеря типа «Артека»: дети могут и учиться, и досуг им организовать, и питание... Да и родители от них отдохнут. Я принесла проект Славику – курорт «Атолл Полуночной Луны». Славик поднял глаза на нас с Настёной и сказал: «Девочки, вы – умницы! Пускай люди спустят жирок и лишние деньги, так как вот-вот, и инфляция начнется. А так деньги из оборота выпадают не будут».

В проекте турагентства – семейный отдых на Нововыборгских Багамских островах.

Переход на шхуне шесть дней (с организацией досуга), четырнадцать дней отпуска на островах, и шесть дней обратного перехода.

Семейным – бунгало, семейным с детьми – бунгало, а детей старше четырех лет – в пионерлагерь с досугом, несемейным передовикам производства – пансионат. Возможность питаться в кафе, готовить самим на кухне в бунгало, продукты покупать в магазине или на рынке. Из интересного – рыбалка в океане, ничегонеделание на пляже, прогулки и физические упражнения там же, лекции о местной природе. Вечерами – кино (впервые в мире!), творческие вечера с пением и различными конкурсами. Из экстра-услуг – фотографирование на фоне пляжа и пальм. Решили, что первые путевки распределим за счет фабричных профсоюзов. Рекламу я взяла на себя и сделала красивые проспекты с нашего отдыха.

Было решено, что кадеты будут проходить здесь морскую практику, врачи – сестринскую, учителя – воспитательную. В случае если практика пройдена неудовлетворительно, повторная – бесплатно, но с оплатой дороги, а третья – за свой счет.

Такой принцип был выбран неслучайно – мне надо было отсеять неуспевающих и лентяев. Прохождение практики на месте постепенно начало вызывать старый рефлекс «рука руку моет», что-то вроде «да мы тебе любую справочку напишем». А здесь конкретная обстановка, не

прошел – профнепригоден. Морская практика у кадетов обязательна, и ее подписывает не только капитан судна. Еще и перепроверить могут. Особенно мы это практиковали с детьми членов Госсовета и Совета Выборга. «Детишек» пасли... Медперсонал проходил усиленную практику – корабль плюс берег, педагоги – то же: психологами на корабле и воспитателями в лагере.

Дети до третьего-четвертого класса могли отдыхать без отрыва от учебы, дальше – только в каникулярное время. Те из студентов, кто не прошел повторную практику, вынуждены были устраиваться на заводы или наемными рабочими, чтобы иметь возможность оплатить третью практику. Но таких кадров у нас было мало – по пальцам одной руки перечесть, даже повторную практику проходить было очень позорно. Хотя некоторые хотели попасть на острова снова...

Андрюше было несладко – ему поручили строить зоны отдыха на островах, но Настена очень помогла ему в планировании инфраструктуры курортов. И это все – с учетом секретности, в том числе условий добычи необходимых материалов. Так как почвы там бедные и площади мало, а народа запланировали множество, то решено было воспользоваться известным с незапамятных времен способом, который позже был использован в СССР в районах Крайнего Севера, то есть конуко и гидропоника.

Взяли короба-плетенки с землей, посадили в них культуры, расположили этажно, ухаживали-удобряли, и при таких температуре и влажности все росло само – успевай только урожай снимать. И расход воды маленький. Это было удачным решением, сначала мы просто использовали данный вид посева, а потом, когда выяснилась стабильность урожаев, стали гонять в Кронштадт рефрижераторы за свежими фруктами и овощами. Европа и «богатые Буратинки» с удовольствием удивляли своих гостей свежими фруктами посреди зимы... за соответствующую плату.

Из первой турпоездки люди вернулись с массой впечатлений. При посадке на корабль и в каютах была реклама работы на островах, как постоянной, так и сезонной. И люди начали подтягиваться на работу: кто на сезон, а кто и с целью дальнейшего переезда в «райские» условия. Томасу работы прибавилось, а Андрюше – разгрузка, так как народа вечно не хватает. Частично разгрузили и Настиних дамочек, так как в Нововыборге дамы заняты были в основном в сфере обслуживания. Именно ее не хватало в Кронштадте и на атоллах. Конечно, невозможно было сделать все и сразу, но я и Слава предупредили и Настю, и Андрея, что сферу питания надо оставить частной, чтобы мелкие дельцы соревновались друг с другом

в качестве производимых конечных продуктов и цене. Очень не хотелось повторять опыт Союза со столовками: слишком много отрицательных моментов – и ухудшение вкуса конечного продукта, воровство продуктов питания, подлог и прочие неприятности. Пусть борются за клиента! Такой же принцип был и у нас на заводах в Выборге и в Князево. Если еда невкусная, то «столовка» разорялась довольно быстро, так как работники носили обеды с собой или ходили домой обедать, если жили недалеко от завода. То же было и с ценами: высокая цена и низкое качество – быстрое разорение.

Похожая ситуация была с индивидуальным пошивом. Особенно это помогало тем, у кого габариты не вписывались в фабричную линейку размеров, или тем, кому надо было подогнать по фигуре. Особо этим злоупотребляли... офицеры. Сначала подгоняли мундир по фигуре, а девяносто процентов шили с первой зарплаты новый мундир на заказ.

С появлением новых территорий пришлось вводить новый тип формы для островов – тропическую.

Как только стало понятно, что турагентству быть, в Выборге закипела жизнь.

Поднимаюсь в кабинет Славы в Замке, смотрю, оттуда выходит капитан Мур. Ну, думаю, началось. Слава потом рассказал, что капитан переоборудовал корабль и теперь может перевозить до пятисот пассажиров за рейс! Вот хитрый старый лис!

Сам атолл Полуночной Луны Слава из проекта вычеркнул: «Такая корова нужна самому!» Выделил деньги, оформил все на свое имя, передал деньги в Кронштадт с указанием Андрею построить там причал и хороший дом с бассейном.

– Вот увидишь, через пару лет там ни одного свободного острова не останется.

Как в воду глядел! У всех членов Госсовета там появились загородные домики. Маленькие такие... чтобы все население Нового Света поместилось. Что было особенно интересно, многие начали строить такие же курорты, но с расчетом на супербогатеньких делали особый акцент на роскоши. И даже оставались на плаву. Отдых за океаном стал популярен. Я получила большое количество заказов на различные купальники, плавки. Резко возросло производство ласт, масок, трубок, подводных ружей. Реклама – двигатель торговли. Оказалось, что туризм приносит денег гораздо больше, чем морской разбой, хотя первоначальные вложения довольно велики.

Святослав I

В начале апреля утром принесли шифрограмму из Нововыборга, зашифрованную личным кодом Насти, в ней они с Андреем просили разрешить им сочетаться браком. Я показал расшифровку Тане, и она вздохнула:

– Вот это здорово! Гора с плеч! Кстати, придется опять идти туда. Все это надо обставить так, чтобы свадьбы и медовый месяц на островах стали популярны. Без красивого фоторепортажа не обойтись. Так что, дорогой, будь готов исполнять роль отца невесты. Этим мы и статут островов поднимем.

В вопросах рекламы и серьезного отношения к любым мелочам с Татьяной проще не спорить. Она списалась с молодыми и начала сооружать костюмы для нас и молодоженов, продумывать сам праздник и чем удивить гостей. Было решено разослать приглашения королям Испании, Португалии, Дании и Франции. Требовалось оформить самозахват островов и добиться юридического признания их заморскими территориями Выборга и России. Члены Госсоветов Выборга и России тоже получили соответствующие приглашения.

Ранее мы не выделяли особо Настену как нашу приемную дочь, пришла пора использовать и этот потенциал, тем более что задание она выполнила: город, карьер и завод построены, нашла хорошего мужа себе, и в их руках Нововыборг засверкает самыми яркими красками. Так сказать, тропическое ожерелье России.

Татьяна размахнулась с праздником – почти полтора миллиона талеров, но тут же показала, что через полгода все окупится за счет членов Госсовета и увеличения потока туристов.

– Так что, дорогой, это инвестиции. Кстати, подумай о подарке девочке, ей будет особенно приятно получить его из твоих рук. Она ж вздыхала о тебе столько лет!

Озадачила! Терпеть не могу выдумывать подарки.

Мероприятие, которое придумала Татьяна, длилось целых полтора месяца, так как их величества отказались воспользоваться быстроходными выборгскими судами, а прибывали самостоятельно. Правда, вместо Людовика XIV прибыла его мамаша с кардиналом Мазарини, а инфанту заморские территории они решили не показывать. Короли собираются долго.

Но, наконец, все собрались. Настя успела к тому времени благополучно залететь, чему радовалась, как ребенок. Похоже, что она втрескалась в своего муженька надолго и всерьез. Глаз с него не сводит. Даже мне похвасталась, что они ждут маленького. Платье, сшитое в Выборге, пришлось малость переставлять, но все выглядело очень пристойно, и вторую беременность она переносила хорошо.

Пышная процедура, множество подарков и ордена Полночной Луны от меня. Больше я ничего не смог придумать. Правда, Настя всего меня обслуживала и залила слезами после подарка. Я и сам растрогался. Украшенный «дрессированными светлячками» губернаторский дом в Кронштадте, бал до утра, несколько дуэлей в парке пришлось прекратить гвардейцам. Затем их величеств пересадили на быстроходные катера и показали свежестроенные отели и дома отдыха.

Мазарини запричитал что-то о блуде и вертепе, но конечным пунктом путешествия стал «ма-а-аленький домик» на атолле Полночной Луны, отделанный розовым ракушечником и каррарским розовым мрамором и старинными скульптурами. Его весь год ускоренными темпами строили. Переливающаяся голубая вода бассейна под нестерпимым тропическим солнцем приманивала к себе так, что купальные принадлежности были быстренько разобраны. Их несравненные величества разоблачились и полезли в воду, затем испробовали и морские ванны. Ну, а когда две Дианы на стрелах вынесли из пены морской приличного размера каменных окуней и рыб-бабочек, то восторгам королей не было предела.

Татьяна хоть и ругается на себя, что потолстела и расплылась, но по сравнению с окружающими у нее великолепная фигура для сорокапятилетней женщины. Здесь они уже все разваливаются к этим годам. И практически незаметно, что у нее трое детей. Ну, а с Насти вообще можно Афродиту рисовать. Кстати, все придворные художники оставили им приглашения.

Еще одна пьянка на острове, и, наконец, королям и присутствующим первым министрам и регентшам подсунут договор, признающий право Выборга и России на эти земли. Само собой, что отказать в такой мелочи хозяевам невозможно. Нововыборгские Багамские острова без единого выстрела перешли от Испании к России. Если не считать немного пощипанную Англию, но борьба с пиратством – вот что вынудило нас занять это разбойничье гнездо! Флот Выборга и России разметал пиратов, и в Карибском бассейне за два года не было ни одного страхового случая, связанного с морским разбоем.

Много говорили о необходимости создания международного права,

целостности европейского дома и других «общечеловеческих ценностях», намекая на то, чтобы им отдали разработки, сделанные у нас. Фиг вам, это не индейская хижина! При свечах посидите. Но необходимо соблюдать внешнее приличие и видимость того, что ты уважаешь их интересы.

По возвращении в Выборг получил обиженное письмо из Стокгольма, почему не пригласили. Пришлось выкручиваться и говорить о том, что посчитал, что приглашение на свадьбу для королевы-девственницы будет не слишком приятным делом, а вот просто на острова – всегда пожалуйста, могу немедленно предоставить быстроходный корабль для этого. Кристина ответила, что была бы рада посетить Новый Свет в следующем году, но с тем условием, что я и Татьяна будем там – есть необходимость провести двухсторонние переговоры по торговым отношениям. Конечно есть! Мы же им всю малину вытоптали! Они жили за счет того, что производили железо, а кому оно теперь нужно, если у нас и дешевле, и лучше? Если первое время из-за серы наша сталь была менее устойчива к ржавлению, чем шведская, то после того как мы добрались до нововыборгской руды, последнее, чем могла бы гордиться Швеция, ушло в небытие. Тем более что мы начали выпускать большое количество безопасных бритв, вытесняя всех и с этого рынка. К тому же наши лезвия изготавливались из нержавеющей стали, которую никто не выпускал в те годы. Мелочь, казалось бы, но этой мелочью половина населения Земли пользуется. Бороды, с нашей легкой руки, начали стабильно брить все, кроме беднейших слоев населения. А с легализацией купания еще и многим дамам придется покупать эти устройства. А у Швеции очень серьезные проблемы с финансами. Во-первых, королева – жуткая мотовка, упадок во внешней торговле и очень серьезный отток населения из Финского удела. Похоже, что риксрод решил избавиться от Финляндии как таковой и теперь думает, что можно получить с этого.

Фредерик III сумел усидеть на троне и победить своего врага, тот сбежал в Швецию, а его жена сидит в монастыре под арестом. Капиталы им полностью вывезти не удалось. Внешне малоподвижный Фредерик оказался ловким политиком и отличным фехтовальщиком. В Кронштадте и на островах мы с ним отлично пообщались. Он готовит новую войну со Швецией и зовет в союзники, но мне это не выгодно. Я не буду воевать с Кристиной. Наоборот, поддерживаю ее усилия против Польши. Мои люди полностью восстановили и уложили камнем и бетоном каналы, ведущие на Днепр, и мне теперь мешает Смоленск и поднепровские магнаты и шляхтичи. Госсовет не возражает, что пора возвращать потерянное во

время смут. У многих там уделы были. Швеция и Польша живут как кошка с собакой, постоянно мелкие стычки. На нас поляки не задираются, попритихли после Полтавы. Финский удел и будет той ценой, которую я попрошу у Кристины за помощь ей в войне с поляками.

Татьяна закончила работы над топливными элементами. Получилось очень удачно! В этом мире еще никто не знает о том, какую ценность имеют платина и металлы платиновой группы. Она носит презрительное название «серебришко», и мы с легкостью скупили ее в Мексике и в Перу. Метанол мы производим давно и научились получать его с высокой степенью очистки. У нас никто метанол не пьет, все знают, что топливо – ядовито. Поэтому заправка топливных элементов не вызывает ни у кого желания отхлебнуть маненько для храбрости. За счет этого получили устойчивую связь на железной дороге, в армии и в представительствах судоходной компании за рубежом, без раскрытия секрета механической генерации электрического тока. А скопировать протонообменную мембрану ученым семнадцатого века не по зубам. Плюс каждый топливный элемент снабжен уникальным номером и выдается с соблюдением правил работы с секретным оборудованием. Если, по каким-то причинам, катализатор отравился, то приезжает или приходит специалист, изымает элемент из прибора или орудия и заменяет новым. Старый возвращается на фабрику и там восстанавливается или ремонтируется. Перевели все электрические «Элероны» на них, получили трехкратное увеличение дальности при том же весе и двукратное увеличение полезной нагрузки при неизменной дальности полета. Большое распространение в армии и на флоте получили и светодиоды. С лампочками накаливания их просто не сравнить. Хотя производим и то и то. У каждого своя ниша.

В России ударными темпами строится железная дорога в Крым и в Сибирь. В Сибирь, к Магнитной горе, уехал Винниус. Мужичок он в металлах разбирающийся. Он, единственный из всех, побывал на железной дороге еще в период ее строительства, поездил на дрезинах, приехал в Выборг, записался на прием ко мне. Вошел, перекрестился по-православному, показал подписанный Морозовым-старшим и скрепленный печатью Госсовета документ о принятии российского подданства.

– Государь, я и моя семья – твои подданные. Свободных Провинций более не существует, и мы навсегда остаемся здесь, в России. Прими на службу и поручи мне дело. Ты же знаешь, что я – рудознавец и понимаю в горном деле. Клянусь верой и правдой служить тебе и России. И за сына прошу в приеме в университет не отказать, на горный факультет. Ему через

три года можно будет поступать.

– Ну, хорошо, Андрей Денисович, в Сибирь поедешь. Вот сюда. Подготовишь там площадку под новый завод, который будет больше моего завода в несколько раз. Мне уже доложили, что ты был на дороге, поэтому понимаешь, что металла нужно много, очень много. Вот и начнешь. И дорогу оттуда начнешь, а я, через два месяца, подключу остальных к этому и начну ее от Москвы. Тульский завод я у тебя выкуплю, потому как гирей на ногах у тебя висит.

– Есть такое, доходов никаких не приносит. Сплошной убыток.

– Там завод будешь строить тоже государственный. Будешь его управляющим, а построишь – станешь директором. И с людьми аккуратнее, чай, не скоты.

– Как скажешь, государь. А что по сыну решил?

– Сдаст экзамены – пусть поступает. Проблем не вижу, только...

– Домишко в Выборге я прикупил, и его, и супругу свою сюда отправлю. А службу тебе отслужу, государь, не сомневайся.

Усселинкс уже докладывал мне, что Винниус прекратил какие-либо контакты с голландской Немецкой слободой, которую хотели возродить в Москве. Денег он им не дал, а бывшего посла палками прогнал со своего двора. Видимо, дошло, что я с него не слезу, пока не разорю. Завод он мне продал всего за двадцать тысяч, вместе с половиной работяг. Вторую половину забрал с собой на Урал-реку.

Я перебрал в Тулу Алексева, моего заместителя на заводе, который начал работы по реконструкции металлургического и оружейного завода там. Со специалистами стало немного проще, так как университет делает неплохие выпуски. Затем выпускники отрабатывают у меня и Татьяны на фабриках, заводах, верфях и в лабораториях, их знания и умения проверяются на практике, и они получают задание.

Заданий множество, и дефицит кадров только растет. Каждое новое производство тянет за собой целый ворох проблем. Одни только железные дороги поглотили сто пятьдесят инженеров, и это капля в море. А впереди мосты через Волгу, Каму и великие сибирские реки, тоннели и горные местности. Требуется тяжелая строительная техника. В Новгороде заложил такой завод.

С Польшей тянули до последнего, так как московская казна была пуста, а мои средства массово уходили на строительство дороги и двух, а потом и трех поселений в Америке. Но работы по восстановлению каналов и судоходства по Великой, Ловати и Каспле продолжаются уже четыре года.

Многое, очень многое сделано, остался небольшой отрезок, который ведет непосредственно к Катыни. Но это место принадлежало Польше. Ни на какие переговоры Владислав IV и сменивший его Ян II, кстати, Ваза, не шли, наоборот, начал кампанию по легализации лже-Шуйского. Но страх перед гвардейцами был велик, поэтому лже-Шуйский даже в Смоленске не появлялся, отирался в районе Варшавы и Кракова.

Через полгода после свадьбы Андрея и Анастасии «ЛК-2» подошел к замерзшему фьорду у Нюнесхамна. Там на «Татьяну Выборгскую» высадился целый десант шведов во главе с королевой Кристиной. Она потащила с собой всех своих любимцев и одну любимицу – Эббу Спарре. Присутствовал и посол Испании в Швеции, ненавидимый всеми, Пиментель. Из «нужных людей» присутствовал губернатор Лифляндии Клас Тотт и «губернатор Великой Польши и Мазурии» Бенгт Габриельсон Оксеншерна, младший сын нашего старого врага.

Год назад Кристина была официально коронована, но недовольство ею ширилось, упадок ощущался во всем, а шикарнейший двор поглощал все больше и больше финансов. А тут еще и «официальный визит» придумали. Риксрод был в бешенстве, но сделать ничего со своевольной королевой не мог. На совещании в нем королева заявила, что благодаря действиям риксрода ее даже на свадьбу не пригласили, видимо, посчитали неплатежеспособной, потому что кроме призывов к экономии она от риксрода ничего не слышит. А позиции на южных пределах постоянно подвергаются нападениям, поэтому требуется помощь могущественного Выборга, у которого есть и свои собственные интересы по разделу Польши. В итоге визит был одобрен, и, несмотря на странное по времени приглашение, двор выехал в Нюнесхамн, где был поражен гигантским ледоколом. Посольство прошло через кормовую палубу на борт флагмана. Там состоялся небольшой парад. Затем обед, и корабли двинулись к проливам.

И без того большие глаза Кристины широко раскрылись, когда она лично увидела канал за ледоколом. Не поднимая парусов, за ним двигался крейсер. Вышли на чистую воду через час, и лишь после этого были подняты паруса.

Переход на атолл Полуночной Луны занял шесть дней, в течение которых обсуждались в основном торговые вопросы. Швеция желала сближения экономических отношений и говорила о поставках своей руды на комбинат в Выборге, дескать, это будет дешевле, чем таскать руду через океан, но они слабо представляли объемы, которые перерабатывал Выборг. А поднимать еще один карьер, да еще и в замерзающей Ботнике, мне было

совсем не интересно. Тем более что этим я начну помогать конкуренту. Мне было проще полностью умертвить металлургию у шведов и занять их другими делами. Но вся их экономика крутилась вокруг железа и оружия. Когда у меня была надобность в руде, они ее продавать отказались. Теперь, когда все проблемы сняты, у них вдруг нашлась руда. Даже не смешно.

Сама Кристина в этих разговорах участия не принимала. Она почти безвылазно сидела в своей каюте вместе Эббой Спарре или доктором Бурдело. Поговаривали, что у нее роман с обоими. Не знаю, все может быть, свечку не держал. Переговоры начали заходить в откровенный тупик, выхода из которого вообще-то не было. До тех пор, пока в дело не вмешался Оксеншерна. Он переключил внимание всех на то обстоятельство, что общие интересы России, Выборга и Швеции находятся не в Ботническом заливе, а на той земле, которую ему подарила королева. Своя рубашка всегда ближе к телу. Польша! Давайте ее разделим, и всем будет хорошо! Особенно ему. Ему уже «подарили» всю Польшу и Мазурию. Вот это размах! Вот это – по-королевски! А он готов поделиться некоторыми уделами, особенно теми, которые ему не взять. Поляки еще не знают о подарке, поэтому что-то не горят платить товарищу Бенгту налоги. Они просто не понимают неизбежности этого акта!

Фактически Швеция сейчас правит в Польше, но почему-то они не желают унии со шведами. Происходящие из одного королевского рода и считающие друг друга узурпаторами, короли и королевы никак не могли поделить этот кусочек, и дрались родственнички между собой с завидной регулярностью, но почти безуспешно. А тут появилась возможность договориться с соседкой и на пару отоварить родственничков. Так что, Святослав свет Игоревич, диктуйте условия, я записываю.

И я начал диктовать. Оксеншерна понял, что губа у меня не дура, и начал торговаться. Препирались мы с ним две недели, и лишь на обратном пути ударили по рукам. Первый раздел Польши, пока еще на бумаге, произошел. Наверно, в нашей истории его бы назвали каким-нибудь пактом Молотова – Риббентропа, но нам было все равно. Победителей не судят. Оксеншерна получал больше. Мне сама Польша была не нужна. Пусть он с ними бодается. Они его быстренько отравят.

Королева оживилась лишь на острове, а потом долго выговаривала Пиментелю, что Испания могла бы ей тоже подарить такой островок, или продать. Не понимает, умная женщина, что без некоторых технологий на этой земле только индейцы могли выжить. И мы от них в конечном итоге получили здесь приличные урожаи той же земляники или ананасов. Испанцы, которые не захотели использовать эти технологии, потеряли эти

земли, и те стояли брошенными целый век. А теперь законно перешли к более рачительным хозяевам.

Татьяна была не в восторге от необходимости общаться с этими двумя девицами (вторая тоже еще не замужем), так как они довольно сильно повернутые на религии, но выдержала. Отпуска, к сожалению, не получилось, все время съели гости. Мы вернулись в Выборг и продолжили заниматься подготовкой к освобождению Украины, Смоленской и Виленской областей. По договору со Швецией граница между нами будет проходить по Бугу и Западной Двине.

Первыми удар нанесли переяславские казаки, собравшиеся по команде на долгожданный сход и провозгласившие: «На вечные времена с Россией и Рюриком!» Они тут же осадили Полтаву, дождались подхода подмоги из Белгорода и Курска, пришедшей вместе с двумя ротами гвардейцев и несколькими батареями новеньких скорострельных 76-миллиметровых пушек. Левобережная «Польша» и недели не устояла. Ян Второй двинул войска на юг и получил осаду Смоленска и прорыв из-под Невеля на Вильну. А королевская морская пехота, по договоренности с Пруссией, на судах Выборга была высажена у Альтштадта, быстро продвинулась вперед и осадила Познань и Вроцлав. Одновременные и согласованные действия трех держав поставили в тупик короля Яна, или Джона Второго, который еще несколько месяцев назад требовал себе престол шведский. Не много не мало. На юге подвижные казачьи сотни брали город за городом, и гарнизоны практически не сопротивлялись. Войска России взяли Смоленск за семь дней, а предательство гетмана Януша II Радзивилла, который перешел на сторону Хмельницкого, поставило Польшу на колени. Магнаты польские признали власть королевы Кристины, и король Ян был вынужден бежать в Силезию. Ликвидация Польши всего за пять месяцев не входила ни в какие ворота для остальных государств Европы, но со всех сторон действовало девять гвардейских батальонов с 18-ю батареями, которые выкашивали упрямившихся защитников городов и крепостей.

В историю эта война вошла как «русско-шведский потоп». Король Испании и Священной Римской империи выступил в роли посредника, и за Польшей закрепили две небольшие провинции неподалеку от него. Ее столицей стал город Стрый. Особенно удачно действовали казачьи дивизии регулярного Великого Войска Донского и переформированные и прошедшие обучение на Дону и на Белгородчине казаки Запорожского войска. Мобильные и целеустремленные, они выполнили львиную часть работы, особенно на юге, проявили высокую мобильность и, как ни

странно, дисциплинированность! Вот что удалось сделать гвардейцам с бывшей бандой. А насчет Швеции я особо не волновался! У нас есть в запасе Фредерик... А риксрод очень опасается войны на два фронта. Думаю, что на следующий год мы с Кристиной поделим оставшееся – шведскую часть Польши. Делить будем поровну: ей Швецию, а мне все остальное.

К сожалению, из-за этой войны очень обострились отношения с Испанией и Римской империей. Король Испании Филипп IV сильно испугался союза между нами и Швецией, которую он считал весьма сильной державой. Он отказался встречаться со мной перед началом переговоров в Бреслау и настаивал на сохранении Польши, пусть и в урезанном виде. Сказалось то обстоятельство, что Польша была католической страной, даже и с тремя церквями, свободно действовавшими на ее территории. Он посчитал ее разгром опасным прецедентом и уперся.

На переговорах у меня был задействован не слишком сильный дипломат, но отличившийся в боях граф Василий Петрович Шереметев, племянник заболевшего князя Якова Черкасского, который командовал взятием Смоленска и Вильны и который стал первым после освобождения губернатором Смоленска. Борис Иванович Морозов, которого я послал на переговоры, на них не успел. Василий Шереметев, почему-то оставшийся без связи, сплеховал, и по настоянию четырех сторон переговоров против одной договор был подписан. Борис Иванович сгоряча даже плеткой отходил Шереметева, но было поздно. Кстати, ни один из королей лично на этих переговорах не присутствовал. Все очень торопились, и было ясно видно, что предстоит большая работа в Вене и Испании, чтобы окончательно не испортить отношения. Между Испанией и Францией было подписано мирное соглашение и прекращена Тридцатилетняя война. Почти гарантированно готовился союз против России и Выборга. Так что затягивать с решением вопроса по Швеции не стоило.

Позже стало известно, что до Филиппа дошли слухи о золоте в Перу, и он понял, что с ним просто играли, как с котенком, но изменить уже ничего не мог. Стрешнев в Перу сидит прочно, и в случае чего они с Андреем могли покончить с заморскими колониями Испании так же быстро, как с Польшей. Поэтому я не стал уклоняться от празднования победы в Стокгольме, и мы с Татьяной, Александром и Русей посетили все мероприятия, посвященные победам «шведского оружия». Было немного смешно это слушать, так как я четыре года готовил этот «блицкриг». Победу обеспечили двенадцать бронекатеров и более шестисот парусно-моторных ладей и громадное количество барж, с помощью которых войска

Швеции, России и Выборга быстро доставляли к местам будущих боев. Пешая армия Яна просто не успевала подтянуться, была разбита на маршах и на неправильно организованных бивуаках. Конница попыталась что-то предпринять, но что она может сделать против картечи и шрапнели? Артиллерия выбивала ее задолго до того, как та могла дотянуться до пехоты. Гвардейцы перемещались еще быстрее, и их доля в победе была решающей. Но больше всего наград и премий получили впервые примененные казачьи дивизии. Немного аванс, конечно, но требовалось отметить людей, которые четыре года терпеливо готовили вместе со мной этот поход.

Зато через дипломатические каналы уже знакомого Пиментеля удалось переправить письма во Францию Мазарини и Людовику и в Испанию первому министру герцогу Альба, где я подробно описал, что притеснений для католиков не будет, во всяком случае на моей территории. Общие для всех правила. Не знаю, подействовало или нет, но послов ни Франция, ни Испания не отозвали. И приняли приглашение на открытие пути из варяг в греки на будущий год. С поездкой по рекам и каналам до Крыма. Правда, кто приедет, еще не решено.

Если бы я один схарчил Польшу, то союз против меня абсолютно точно состоялся бы, а так: один Ваза поколотил другого Вазу. Семейные разборки. Ну, а территориальные уступки в пользу России – это обычная практика союзников. Бесплатно никто не воюет.

В общем, скандал в благородном собрании удалось зажать и перевести в нужное продуктивное русло, однако необходимо проверить боеготовность у Стрешнева, хотя он – калач тертый, и его на мякине не проведешь, а воевать в пустыне пока никто не умеет, а у Стрешнева большое преимущество в маневренности и в вооружениях. Черт возьми, хоть воздушные авиалинии открывай! Хотя, может быть, это и имеет смысл? Самолеты не потянуть, а вот дирижабли с мягкой оболочкой получиться могут. Но по-моему, несколько рановато все-таки. Поговорил с Татьяной, она тоже против.

– Не потому, Слава, что рано, а потому, что тебя вечно заносит в своих мечтаниях. Улетишь куда-нибудь, а тут такое начнется, что мама не горюй. Не забывай, что у тебя на плечах не полковничьи погоны, а два государства.

Жаль, а я уже в мечтах начал конструить эдакий «Zeppelin». Но пришлось вернуться на землю грешную и городить бульдозер. Да-да, обыкновенный бульдозер. Несмотря на паровой двигатель, с редуктором и мощным скрепером. Без них уже не обойтись. Требуется увеличить

скорость прокладки трасс для дорог. Их будут выпускать в Новгороде.

Вторая важная задача сейчас решается во вновь приобретенных землях. Как шведы в Новгороде, мы дали всем «шведам», то есть дворянам-полякам и литовцам, принявшим подданство от Кристины, четырнадцать суток на то, чтобы покинуть территорию России. Крестьянам объявили, что все они находятся в государственной крепости, а земли переходят в собственность государства. Перераспределить наделы есть совершеннейшая необходимость. Земли здесь богатейшие, сплошной чернозем, и ссылок на то, что это кому-то даровано еще королем Кристианом, Владиславом или Яном, проходить не должны. Проще колхозы образовать, чем повторять ошибки царей Николая и двух Александров, которые натащили к себе всяких «ских», а они им потом бунты и революции устраивали, стоя во главе всего безобразия, происходившего в России в девятнадцатом – двадцатом веках. Пусть катятся к Кристине и там шумят. Пока не далеко. А желающих получить здесь наделы будет немало и среди наших подданных.

Томас направил туда большой отряд своих подчиненных – проследить за исполнением указа. Обратное подданство тех, кто переметнулся при смуте, приказано не принимать. Плодить предателей мне ни к чему. И так штат «господ» раздут до предела. Кстати, местные показали большие пальцы, когда узнали о содержании указов. Им конкуренты тоже за безнадобностью.

Еще до холодов первый караван судов прошел возрожденным путем. И оттуда потянулись кораблики с различными грузами. Посол турецкий Азамат-шах заговорил об увеличении поставок муки на следующий год. В ответ будет поставлять кофе, хлопок и мрамор по новому пути. Годится. В устье Южного Буга заложили город, долго думали, как назвать, стал Малороссийском.

А передо мной замаячила еще одна проблема: топливо для новых земель. С одной стороны, я в курсе, что есть Донбасский угольный бассейн, а с другой стороны – куча проблем, которые потянет за собой этот самый уголек. В том числе и в Англии, чье развитие мы уже несколько подзадержали, если не остановили. Их активность в этом году была совсем маленькая. Одна небольшая попытка немного повоевать с Францией, и все. Правда, район Нововыборга мы довольно сильно укрепили, а ставка на пиратство лопнула, после того как Андрей частым гребешком прошелся по пиратским гнездышкам.

В этом году в Новом Амстердаме голод: корабли снабжения не пришли. Форт Чарльз вымер полностью. Акадцы помогать старым врагам

не стали. Пришли уже ближе к лету и добились оставшихся в живых, так что более английских поселений на Акадийском полуострове нет. По всей видимости, мы ударили именно по тем кораблям, которые были выделены для снабжения этих колоний.

Мазарини же еще во время визита на Багамы подписал договор со мной о взаимопомощи и воспользовался нашим тоннажем для доставки как прямых, так и обратных грузов, и из Луизианы, и из Квебека. Нам это было на руку, поэтому возражать не стали. Тем более что таким образом все французы в Новом Свете стали воспринимать наше присутствие там гораздо лучше. Тем более что мы не мешали им заниматься своими делами: нас интересовала руда, а не меха. Никакой конкуренции не возникало, и всех все устраивало. Пока. Два раза за два года ледокол зимой перебрасывал в Квебек муку и свежие фрукты. Здесь, на Севере, цинга была довольно частым гостем.

Будучи крупнейшими покупателями как сахара, так и хлопка, и к тому же их перевозчиками, корабли Выборга-России часто заходили в Новый Орлеан, и там тоже их радостно встречали. В Новый Амстердам, уже переименованный в Нью-Йорк, но остававшийся на всех картах Новым Амстердамом, мы не ходили. По сведениям разведки, там велось строительство трех фортов, чтобы усилить его оборону, но из-за отсутствия снабжения все встало.

Английский посол отирался в Москве и верительных грамот мне еще не вручал. Все его внимание было направлено на Выборгский вокзал. Там он надеялся узнать все наши секреты. Мы же фактически блокировали остров, в основном экономическими методами: не хотите пускать наши кораблики в порты? Так это ж сказка! Мы ввели ответные меры, и ни один из портов не принимает их кораблики, науськали испанцев и португальцев. Берите товар где хотите, но дороже. Плюс фрахт. А финансы поют романсы, и ткани у вас никто не покупает... И металл дорогой, и сахар, а Франция лобстеров свеженьких лопают, а наглы – пролетают мимо, как фанера над Парижем, и свежие овощи-фрукты в Англию приходят после тройной перевалки на неспециализированные суда. Травись, народ Англии, и слушай товарища Кромвеля!

– Танюша, тут у меня дилемма возникает с этой Малороссией. Наши технологии там работать не будут. Они для северных широт, где воды много. А там болот нет почти. Понятно, что северные правобережные области можно запитать из района Мозыря, там торфа хоть отбавляй, а что делать с левым берегом? При условии того, что там есть уголь и его много.

Но вот его добычу не спрятать. Плюс Криворожский железнорудный рядом. Может быть, все-таки забуриться и добыть газ? Не уголь, а именно газ?

– Ты там был? Не «тогда», тогда я и сама знаю, сейчас был? Много в Дикой степи народу?

– Почти никого.

– Вот и строй низконапорные станции, создавай запасы воды. Каналы, пруды. Водоросли сами появляются. Народ появится, тогда и думать будешь. А пока присмотришься к Мозырю. Скорее всего, там начинать придется, оттуда решение и придет.

– А Полтавщина?

– Хлеб. И успокойся. Рановато думать о будущем, когда еще до Москвы и Тулы газ не подвел. В Туле он гораздо нужнее и важнее. Косую Гору делать собрался?

– Ну, да.

– Деньги вкладываем, а топлива там еще нет. Так и будешь лес валить? В общем, разбрасываешься. И, я не слышала, чтобы ты давал указания на разработку торфа на месте. Торф там есть, а завод ты делать не хочешь или забыл об этом. Вот пять мест, где есть значительные запасы: в Венево, у Ясной горы, в Алексино, в Одоево и вот тут за Окой. Зачем тащить из-под Пскова, когда есть на месте? Плюс все то же самое можно сделать в Грызлово и Большой Михайловке, только там бурый уголь. А мне нужны смолы. Летать хотел? А как ты полетишь без углепластика?

«Вот зараза! Вечно как прицепится! Но говорит она верно: сухие торфяники, я о них совсем забыл!» – подумал я и сел сочинять ЦУ для Алексеева, который работает в Туле, и в Дедовичи, чтобы дали сводку, сколько газогенераторов незадействованных на складах. После этого позвонил в Князево Матвею Макарову и заказал у него еще два роторных экскаватора. Вечно так бывает, займешься одним, вроде даже и серьезным делом, и забываешь о других, не менее важных. Завод в Туле я зачем покупал? Для модернизации! Человек уехал туда, план первоначальный прислал, получил финансы и оборудование и уже полтора года делает электростанцию. Требуется съездить и проверить все на месте. Дал ЦУ погрузить машину на платформу. Едем в Тулу.

– Тань, ты со мной?

– Сам разберешься. Вечно у тебя так: то хвост застрял, то нос увяз. – Она сегодня явно не в духе. Но Мозырские болота и торфяники Тульской области – это еще два газогенераторных завода, или больше. Пока собирался, попросил адъютанта дать мне папочку «Алексеев, Тула», чтобы

обновить информацию. Еду ведь стружку снимать, надо подготовиться! В-первых, объединил в одну семь заявок на оборудование. Четыре подписаны мной, три – Морозовым, но по времени получалось, что я в отъездах находился. И судя по всему, все, что было необходимо для проведения работ, он получил, но только половину или чуть больше финансирования. Странно, но запросов больше не было. Два рапорта о сдаче объектов, тоже не подписанные. То есть я сам забыл об этой стройке, считая ее чем-то долгостроящимся и неинтересным. Ладно, посмотрим, что и как.

К курьерскому прицепили мой вагон и платформу и тронулись. Набежало довольно много народа на поговорить, любят у нас лично к ручке припасть и пожаловаться на соседа. В конце концов мне это надоело, и я приказал никого более не пускать. «Он отдыхает!»

Не доезжая Москвы, очень заинтересовался каким-то сооружением неподалеку от дороги. Проводник сказал, что это Полистский газовый завод построили в этом году. Тихон Лукич что-то соорудил, а я об этом ни слухом ни духом, нормально! Впрочем, его кооператив – совладелец газового завода, так что какие претензии? Но разобраться не помешало бы, что за сооружение. Судя по всему, экономика ожила и живет уже по своим законам. Деньги у людей есть, инженеры появились, теперь только успевай отслеживать. Газет маловато, но выпускать много бумаги мне не хочется. Уж больно грязное производство. Тут пришло решение, чем я шведов займу! Они ж, сволочи, два ЦБК на Ладого построили без очистных сооружений! Из-за них мы ловили «синих щук». Вернусь, дам команду на ВБМ (Выборгскую биржу металлов) играть на понижение и валить шведов окончательно. Пусть перестраивают экономику на производство бумаги. Заодно и воинственность потеряют: бумажным мечом много не навоюешь.

А газеты придется налаживать. Это уже стало потребностью. Далеко не все знаю о том, что вокруг творится. Отметил только, что вокруг дороги деревеньки появились, и все с новыми домами. И окна в них со стеклом, трубы кирпичные, резные ставни и рамы. И это – государственные крестьяне селятся, помещики своих не отпускают. Адъютант подтвердил, что освобожденные от монастырей крестьяне массово ходят в отход на сезон, а затем селятся возле разъездов и полустанков, чтобы оперативно перемещаться на новые работы. Это строители, в основном дорожные. Статистическую справку он показал. Права была Татьяна, выговаривая мне, что за делами международными потерял я интерес к делам внутренним.

Вагон и платформу отцепили от курьерского, и, как чертик из бутылки, появился Борис Морозов. Церемонно поздоровался и сказал, что брат ему в Москву сообщил о моем выезде в Тулу. Предыдущим поездом доставили

записку.

– А что в Москве?

– Два приказа на ревизию призвал. Бумаг много. А в Тулу дозволю вместе поехать, там мои уделы, так что не откажи.

– А что нас отцепили?

– А теперь до Тулы моей дорогой поедem, – гордо сказал Морозов. – Я тебе еще и Иваново покажу, государь. Я там фабричку соорудил.

Паровоз здесь не скоростной, а арендованный грузовой, скорость поменьше, но зато какие станции, стервец, отгрохал! Все путем: вокзал, колокол, ресторан и буфет. И огромные товарные склады с платформами для погрузки. Идея подхвачена, и толстосумы российские начали разворачиваться.

– Ваше величество, а как бы мне курьерский здесь запустить? Неудобно получается, с пересадкой ездить приходится из Тулы. А так бы прямой до столицы пустили. Да и этот локомотив арендован на заводе Выборгском. Один он у меня. А требуется много.

Поезд, было видно на повороте, тащил довольно длинный состав из разношерстных вагонов. На них был нарисован непонятный знак. Я спросил.

– Это мы с Глебом придумали. Герб Московско-Тульской железной дороги.

– Борис Иванович, очень толково станции сделаны, кто проектировал?

– Воротынский Шварцроде присоветовал, из Выборгского министерства железных дорог. Его просили, но он не мог, ему сторонние заказы принимать не с руки. Присоветовал к студентам обратиться. Вот мы и нашли человека. Сейчас начальствует над нашей дорогой. Позволь представить?

– Ну, показывай.

– Михайло! Кликни Иван Савельича, государь зовет.

Вошел молоденький совсем парнишка, но на рукаве красовались нашивки начальника участка. Лицо знакомое, но фамилию его не знаю.

– Чей будешь?

– Лопухина Савелия сын, ваша светлость. Из Лоймаа, князевские мы. Вот, дорожный факультет закончил три года назад, работал на Костомукшской ветке. В этом году три года кончились, и теперь работаю здесь. Но и раньше компании Московско-Тульской железной дороги помогал.

– Но ты же мой указ знаешь: государственным служащим запрещено выполнять сторонние заказы.

– Диплом у меня, княже, был по этому участку. Через него и вышли. А разрешила Татьяна Александровна, ректор.

«Так! Интересно девки пляшут! Не просто так Глеб Морозов к Татьяне ходит!» Глядя на меня, молодой человек пустился в объяснения:

– Товарищ министр меня сюда переместил, потому что требуется провести изыскания по Московской окружной дороге. И разрешил помочь наладить движение по этой ветке, которая станет восточной частью окружной дороги. Но у них пока налаживать особо нечего, единственный локомотив.

– Что ж так, Борис Иванович, почему заранее не заказали?

– Да, сплеховали, не думали мы, что так быстро будут строить. А когда сунулись на завод, то оказалось, что все локомотивы вперед на четыре года расписаны. Непривычна для нас такая работа – план. Думали, что деньги дадим, и все пойдет, а тут «план».

– Ну, да, требуется планировать работу, иначе все не успеть. Мощностей у нас пока маловато. Вот в Новгороде освоят бульдозеры, передадим туда часть заказов на локомотивы.

– Ты про нас, государь, не забудь, Христом богом прошу.

– Не так это делается! Не ко мне надо обращаться, а в плановый отдел завода заявку подавать и аванс.

– Это сделаем! Михайло, слышал? Почему не узнал? Выпорю!

Старое и новое соревновались между собой. Оказывается, Михайло носил взятку, чтобы ускорить процесс, но там сидят Танины ученицы, поэтому у него ничего не получилось. Сумел с кем-то договориться, чтобы в аренду дали грузовой паро-электровоз. Он предназначен для Тульского завода, вот и дали, пока там он еще не работает.

В обиходе вместо слов «паровоз» используем слово «локомотив». Пар эти машины практически не сбрасывают, только аварийно, если неверно настроен теплообменник, поэтому с паром на вид ничего не связано. Как я уже писал, двигатели у всех звездообразные, а у грузовых еще и на генератор работающие. Понять, на каком принципе работают, со стороны довольно сложно. Железнодорожникам отдельно объяснили, что длинный язык – скорейший способ попасть на каторгу, а так как получают они неплохо, то пока желающих продать государственные секреты не нашлось, но предпосылки уже есть. Московско-Тульская дорога – частная компания, и именно с нее начнется утечка информации. Но одного знания «как» недостаточно, чтобы создать подобные машины. У них выйдут только паровозы с открытым циклом и одинарного расширения. Хотя Уатт еще не родился.

В Туле работы шли полным ходом, вторую половину денег выделил Госсовет России. Небывалое бывает! Дошло наконец, что, забывая финансировать, они автоматически теряют права на доходы. Как глава Госсовета Борис Иванович отчитался, за прошлый год, после секуляризации, дополнительных доходов получено тридцать восемь миллионов рублей – в такую суммочку обходилось России такое удовольствие, и это еще не все, далеко не все. Он распорядился направить освободившихся крестьян на строительство дорог. И дополнительно направил сюда, в Тулу, двадцать тысяч работяг. Себя он, правда, тоже не забыл, не меньшее количество народа строило «его» ветку. Но эти работы вела негосударственная компания, так что не придерешься. До самой Тулы ветка еще не дошла, оставалось пятьдесят восемь километров. На станции 152-й километр пути кончились.

Татьяна оказалась права: правобережные высохшие болота Оки – прекрасное место для строительства газогенераторного завода. И пути уже есть. Так что придется кое-что перепланировать. Оттуда выехали в Тулу. Борис Морозов давно хотел проехаться на машине, но мы их не выпускаем. Только квадроциклы для гвардии.

– А пошто такие штучки не делаем? Хорошая машинка.

– Дорого получается, и есть другие, более срочные дела. Будем делать, но позже.

– Жаль, я бы хотел иметь такую в конюшне. Гляди, как быстро доехали.

Переехали уже по новому мосту через реку Упу на левый берег, где стояла крепость, а перед ней два завода – оружейный и чугунный. Река Воронка перегорожена, там довольно большой пруд и механическая кузница. На правом берегу Демидовской плотины еще нет, и рудное тело там не вскрыто. В пруду подозрительно мало воды, заводские домницы не дымят. Подъехали к Кремлю. Там сказали, что Алексеев сейчас на Косой горе. Дескать, щаз за ним пошлют. Сами доедем!

Планом предусматривалось два варианта реконструкции, и Василий Филиппович выбрал «нулевой» вариант. Старый завод был остановлен, и все силы переброшены на новый завод. Воронка перегорожена выше по течению и образует каскад из четырех небольших водохранилищ. На каждом каскаде по небольшой гидроэлектростанции. Не слишком удачное решение, но по-другому не сделать: Упу не перекрыть – берега низкие. Зальет слишком много места. А Воронок проходит между холмами, там его и зажали. Мощность каждого каскада невелика, но вместе дают почти

столько же, сколько Первая Выборгская ГЭС. У нее четыре таких же генератора. Так что выкрутился Василий и решение принял грамотное. Как и ожидалось, ждет подхода железной дороги и газа. Сам пока готовит к пуску две малые домны и конвертер. Мартен готов лишь на треть, но это третья очередь завода. Фундаменты под прокатные станы готовы, но сами станы начнут поставлять уже по дороге.

Все вместе возвращаемся на оружейный завод. Его будут расширять за счет цехов старого чугунного завода. Там будет расположено артиллерийское полевое бюро. На старом заводе готовятся выпускать винтовки Мосина – Маузера, производство которых с Выборгского оружейного будет переведено сюда полностью. Показал предсерийные образцы. Они не имеют хромированного ствола. Для этого требуется большой постоянный ток. Генераторы постоянного тока не доставлены. И нет газа, чтобы запустить их. Требуется еще проложить пятьдесят восемь километров пути и трубопроводов.

Алексеев и рассказал о том, что построено под Тверью. Это второй газогенераторный завод на озере Великом. В отличие от первого, этот работает не на электричестве, а на газе Первого завода. Вместо термоэлементов на газогенераторах стоят газовые теплообменники. Из-за этого повысилась мощность и производительность всей линии. Тихон Лукич, у которого после строительства двух ледоколов флот забирал почти полностью все жидкое топливо, вместе с правлением компании пришли к выводу, что синтез-газ, который иногда приходилось просто сбрасывать из-за недостатка емкостей, гораздо эффективнее будет использовать здесь. Так что помощники у меня хорошие и инициативные. И с секретностью они дружат.

На расположенный в довольно густонаселенном районе новый завод не стали ставить секретные генераторы, а обошлись попутным газом. Переделали газогенераторы и пустили их туда. Это позволило дополнительно получать и жидкое, и газообразное топливо. Но теперь будет задержка с пуском завода здесь, я считал, что у нас есть запас генераторов. Но его весь уже используют. Опять нехватка мощностей, потому что Князевский механический загружен до предела. Ехать на швейную фабрику отказался, к неудовольствию Морозова.

По возвращении собрали Госсовет, доложились о поездке и попытались определить: чего и сколько может выделить Москва для своего собственного развития. Выступал немного страдающий одышкой князь Ромодановский. Он казенным приказом ведал. Доходы возросли, причем

очень солидно, более чем сто шестьдесят процентов, правда по сравнению с плохим и смутным 1645 годом. Снизилась расходу на царский двор в двадцать раз. Организовано восемьдесят шесть компаний по различным отраслям промышленности и в торговле. Введена государственная монополия на внешнюю торговлю. Создано три приказа: Малороссийский, внешней торговли и заморских территорий, которых еще нет, но предвидятся. Вдаль смотрит боярин! Распущено четыре приказа, правда расходы на содержание остальных приказов возросли. Особо отличились Дорожный и Горный. Их расходы возросли больше чем на две трети. Но это и понятно, дороги начали строиться, а горное дело – вещь затратная и дающая нескорую отдачу. Встал вопрос о переписи населения и открытии Географического приказа, основу которого создаст Главное картографическое управление армии и флота. Карт как таковых нет, и сухопутные войска, кроме выборгских, ходят путем опроса местных жителей. В этом отношении дела совсем запущены. Не преминул боярин и попенять, дескать, чаще требуется собираться в полном составе, и сделал совершенно неожиданное предложение:

– Посоветовались мы меж собой, Академия нам нужна, и ввести в Госсовет ее главу, царицу нашу Татьяну.

Не знаю, как она к этому отнесется. Она московских не шибко жалует, и поделом. Уж больно долго раскачиваются. Впрочем, это нам кажется, что долго, для них развитие ситуации, наоборот, кажется чересчур стремительным. Не привыкли они к такому темпу жизни.

Думный дьяк Михаил Волошенинов, вернувшийся из Грузии и Персии, доложил о поездке. Его хитроватые глазенки почему-то бегали. Кахетинский царь Теймураз I был вассалом персидского шаха, завел у себя шахские порядки, но якобы мечтал, чтобы Москва «освободила» его царство. Неоднократно слал посольства в Москву еще при Михаиле. Опять решил напомнить о себе. А хитро улыбался посольский дьяк неспроста. Скорее всего, ему уже известно, что шах Аббас II готовит нападение на Сунженский острог. Острог принадлежал казакам, и его «вернули» в сорок шестом году в Россию. Это примерно в районе современной станицы Ильинская, что под Грозным. Там сливаются вместе три реки: Аргун, Сунжа и Терек. За переход по бродам со всех казаки брали дань, этим и жили. Но это в корне отличалось как от нашей политики, так и от политики шаха. У Персии и России был договор о беспошлинной торговле, а казаки его нарушали. Во всяком случае, о том, что кто-то чем-то недоволен, дьяк ни слова не сказал. Возьмем на заметку.

Далеко не все вокруг выражают удовольствие от происходящих

перемен. И далеко не всем эти перемены нравятся. Усиление роли членов Госсовета серьезно прищемило права и привилегии поднимающегося дворянства. Во времена Романовых кончилось это тем, что спустя некоторое время боярская дума прекратила свое существование и вся власть перешла к царю и дворянам. Мне же невыгодно увеличение количества «правлящего класса». Бояре потихоньку вымирают сами. Мне выгоднее, чтобы поднимались мои служилые люди, а не московские. Поэтому тихая подковерная борьба шла.

Сразу после сессии приказал вызвать Ивана Каторжного, атамана Донского казачьего войска. Тот добирался почти три недели. Поездом они не поехали, маршем до Выборга шли.

– Что так, Иван Платоныч, я зову и ждать должен!

– Как есть, махом шли, один день только и отдыхали.

– Почему поездом не поехали?

– Отец Онуфрий сказал, что дьявольская машина и кони в нее не пойдут. Так и было, запряжились коняги и не пошли, биться стали.

– Отца Онуфрия прикажи выпороть и со службы гнать. Лошадей всех приучать к посадке в вагоны. Глаза им прикрыли и завели, там повязку сняли. Крестьянские кони подвозят грузы к вагонам и в вагонах ездят, в малом вагоне – шесть лошадей и два или шесть казаков, в большом – шестнадцать, четыре или шестнадцать соответственно. Получить на войско вагоны и обучить лошадей. И людей. А то крестьяне ездят, и все в порядке, а казаки не могут. Позор!

Атаман покраснел. По сравнению с тем, как видел его в последний раз, приоделся атаман, пограбил.

– А почему не в форме? Шашку-то, вишь, мою прицепил, я такие для своих гвардейцев ковал, а форму, специально для казачьих войск разработанную, носить не желаете. Так, что ли? Али вы не в российском войске служите?

– Форма есть, государь, и мы ее все носим, земной поклон, удобная и красивая, так ведь на прием шел, хотелось выглядеть попредставительней. А шашку мне гвардии лейтенант Решетников подарил за бой под Львовом. Красава! И я ведаю, что ваша это работа, государь. – Он выхватил шашку, несколько раз крутнул в руке, перехватил и поцеловал оружие.

– Ступай, переоденься. Форму нужно носить с гордостью. Она должна вызывать уважение и почет носящему ее.

Вернулся через полчаса, уже одетый в форму майора, а я не помню, чтобы ему хотя бы лейтенанта присваивал.

– Грамоте-то обучен?

– Никак нет, вот и держу при себе Онуфрия, чтобы не оплошать.

– Вот и оплошал ты, Иван Платонович. Погоны сними, вот тебе бунчук отличительный, что ты есть атаман. Пока войны нет, приедут к вам учителя из Выборга, обучат тех людей, кого назначили на команды, и школы в станицах организуют. Будут открыты и сержантские школы, потому что командуют в моей армии я и сержанты, остальные помогают передавать команды. Ты мне вот что ответь: почему Сунженский острог дань собирает?

– А это не мои, это терские.

– А мы с тобой по рукам били, что я тебе те места верну, когда переговорю с султаном. Так что, обратно забрать? Или султану отдать? Или ты порядок наведешь?

– Наведу, государь! Ужо я их! – погрозил кому-то в окно нагайкой атаман.

– Учти: и с Персией, и с Турцией у нас мир и *беспошлинная* торговля. Ваше дело – охранять таможенный пост и границу, а не свои порядки устанавливать. Есть сведения о том, что недовольный шах Аббас готовится уничтожить банду, которая установила незаконный налог на торговлю. Все понял?

– Понял, встретим!

– Вот именно, встретить и доложить шаху, что банда уничтожена и препятствий в торговле более не будет! Вы теперь государевы люди, а не разбойники с большой дороги. Самозванца атамана терского в кандалы и ко мне. Я никакого войска терского не утверждал, а бандиты на границах мне не нужны. Выполнишь, возвращайся. Хотел сейчас за поход наградить, но узнал о безобразиях и погожу теперь. Можешь посмотреть, чем.

Мы прошли вниз в арсенал, там лежали новенькие шашки Князевского оружейного завода и шесть наградных, золотых, с орденом Красного Знамени на ножнах. Пять – командирам дивизий, и самому Каторжному. Раз это армия, то оружие должно быть однотипным. На некоторых клинках было мое личное клеймо, в том числе на всех золотых.

Назад до Тулы казаки уехали в вагонах. Вернулся атаман уже зимой и привез собственноручный отчет о проделанной работе. Мы его с Татьяной положили отдельно в личной коллекции, потому как прослезились от количества ошибок на странице и обилия интереснейших речевых оборотов. Но читать и писать атаман выучился.

В Азове решено открыть кавалерийское училище и там готовить офицеров для этих войск. В этих условиях казаки играют значительную роль. Разбойничий дух удалось переломить за четыре года. После пуска

тульских линий по производству карабинов Мосина – Маузера, в кавалерию пойдет «современное» оружие. Так что потихоньку начали и армию в порядок приводить. Доходы российской экономики уже позволяют это сделать.

Доставили письма и заявки из Магнитогорска: рудное тело вскрыто, плотина отсыпана, начат выпуск крицы и литых чугунных рельсов. К этому времени двенадцать турбин и столько же генераторов были транспортированы на Яик. Оттуда бурлаками их тянут вверх по Яику. Топлива в тех местах нет, поэтому только люди и кони. Зимой перевалили все на большие сани. Их еще в Пайлаа делали, когда Выборгский комбинат строить начинали. Теперь они уже на Урале. Только он носит название Яик. Это его Екатерина переименовала после восстания Пугачева. В тех местах покоя еще нет. Ногайцы с казаками пошаливают, а выше – никому не подчиняющиеся яицкие казаки. Они якобы подданные России, на самом деле – бандюганы обыкновенные. Но с одной особенностью: почти поголовно занимаются рыбной ловлей.

Они принимали участие в уничтожении Большой и Малой Ногайской орды. Поставленную задачу они выполнили и так и остались на берегах извилистой и мелководной реки. В 1586 году подписались под подданством российским, но были полностью автономны и налогов никому платить не собирались. Правили у них, как и на Дону, выборные атаманы. Казаков было немного, что-то около двух тысяч человек, так как их неписаные правила не разрешали им долгое время обзаводиться семьей. Наложницы из местных у них были, так ногайцы от них откупались. Но детей от них убивали, а самих девиц, как надоедали, ждала та же участь. Лишь совсем недавно этот «закон» был отменен, и началось реальное освоение этих земель. Тут следует учесть, что реального равноправия среди казаков не было: существовали «старые» и «голытьба», или «голутва». «Старые» имели собственные дома, склады, утварь, доходное место, например, солевые выпарки, а «новым» предлагалось боем это добыть, но не в родном селе, а в походе. Сбивалась ватага, которая шла грабить «корованы». В случае военной удачи им доставалась часть добычи, остальное они отдавали тем людям из «старых», которые дали вооружение, припасы и деньги на поход. Куда ходить, значения не имело, так, например, был поход на Тулу, грабили поволжские города, как по левому, так и по правому берегу. Ходили на турок и персов, занимались таким же разбоем, как и пираты Карибского моря.

Внимательно прочитав каракули Ивана Платоновича, понимаю, что

одной проблемой у нас стало больше: в Сунженском остроге атаманствовал Иван Разин. До Выборга его не довезли: чем-то оскорбил Юрия Алексеевича Долгорукова, одного из племянников Ивана Долгорукого, и тот приказал казнить разбойника. А у него брательник есть, ему где-то двадцать – двадцать два года и зовут его Степан Разин. В данный момент разбойничает на Яике. Так повелось издавна, крестьяне бежали на Дон. Дон всех прокормить не мог и отправлял «голытьбу» – кого на Днепр, кого на Волгу, а кого на Яик, служа таким генератором казачества. Так что выделять кого-то из этого общего разбойничьего гнезда не приходилось. Единственная разница: власть среди казачества в некоторых местах захватили мелкопоместные помещики-дворяне. Так произошло в Запорожье, то же самое случилось на Яике.

Груз был важным и секретным и, соответственно, охранялся. Но как упоминалось выше, топлива для транспорта не было, поэтому все были конными. Кроме гвардейцев присутствовал и эскадрон, три сотни донских казаков, недавно вернувшихся из похода на Польшу. До Яицкого городка груз дотянули еще до ледостава, там встали на отдых в ожидании того, как лед встанет и сможет держать довольно тяжелые повозки. А яицкие начали сначала подкалывать донских из-за их новой формы, а затем подбивать на бунт, чтобы захватить четыре орудия и вооружение роты гвардейцев. Ведь невдомек было, что количество выстрелов из этого оружия ограничено носимым и возимым боеприпасом и нигде, кроме Выборга, он не производится.

Часть наименее стойких казаков перешла на сторону яицких, и восстание началось. Прокол произошел сразу: караульную службу казаки не несли, караульного устава гвардии не знали и нарвались на очередь из автомата от часового у батареи.

Лейтенант Корсаков поднял по тревоге роту, не привлекая казаков. Но командир эскадрона все-таки объявил тревогу. Путаницу внесли те люди, которые перешли к яицким, но лейтенант не растерялся и всем прикрепил нарукавные повязки с тремя светоотражающими полосками. Мы их применяли во время учений, чтобы отличить своих от чужих. Ночной бой выиграли гвардейцы и начали зачистку Городка. Часть казаков ушли в степь в сторону моря.

Через полмесяца, потеряв во время восстания сто двадцать казаков, часть крестьян и лошадей двинулись по льду Яика дальше, разобрав несколько домов и реквизировав запас топлива, дров, для того чтобы не замерзнуть в этой степи. С огромными трудностями добрались до устья

Губерли, где был лес. Там построили погост, пережили весеннее половодье. До места оставалось всего триста сорок километров по карте или километров пятьсот по извилинам реки. Рыбы и сайги вокруг много, поэтому не голодали, но мука начала заканчиваться.

И тут подоспела помощь. Андрей Винниус заволновался: где находится обоз. Письмо от Святослава он получил быстрее и двинул своих людей сверху на ладьях. Это и выручило, потому что кони уже выбились из сил: овес давно кончился, и они сидели на подножном корму, поэтому тянули плохо. Почти годичное путешествие наконец закончилось, и отряд прибыл на место, но гвардейцам предстоял обратный путь, правда, уже не по реке Урал, а по тракту вдоль реки Самара.

По их возвращении, на реку Самара весной были посланы два земснаряда, которые пятикилометровым каналом соединили через два шлюза реки Самару и Камыш-Самапку, приток Урала. Проявился прямой водный путь, соединивший Уральский и Волжский бассейны. Урал в нижнем течении летом теряет много воды и практически несудоходен, а выше по течению – вполне судоходная река. Конечно, это требовалось сделать заранее, но получилось немного наперекосы.

Зато ликвидация Яицкого городка уменьшила количество нападений на суда в Каспии и на Волге. Плюс наблюдался перелов красной рыбы. Цена на нее значительно упала последнее время, и исчезновение с нерестов большой группы браконьеров пойдет на пользу осетровым рыбам. Вся красная рыба попала под новые правила ловли и разведения. Обязал все компании, получившие патент на вылов такой рыбы, строить рыбзаводы и разводить ее, выпуская мальков в реку. Проект рыбзаводов и подробную инструкцию по разведению каждой породы я давно взял на таких заводах в Астраханской области и в районе Кеми. Проект доработали до местных условий и попробовали на нескольких северных реках. Рыбу окольцевали, и мальки семги вернулись через семь лет. Несколько сложнее ситуация с белугой: рыба крупная, очень сильная, сложно выловить и еще сложнее разводить, так что с ней требуется просто быть осторожнее. Ее нерестилища находятся в районе Жигулевских гор, следовательно, ни одно из гидросооружений не должно строиться ниже этого места. Для создания в этих местах гидроэлектростанций применять отводные каналы, а само русло перегораживать запрещено.

Недовольные политикой Выборга, правда, по привычке это называлось Москвой, казаки ушли на Ишим, где устроили головомойку местным скотоводам и охотникам. Часть двинулась глубже в Сибирь, уходя от порядка и прогресса. Ну, да, они не всем нравятся.

Задал вопрос по Степану Разину, но внятного ответа не получил: уходил с ватагой на Яик, пока не возвращался, его судьба оставалась неизвестной.

Запуск нового завода был пышным праздником в Туле. Туда съехались члены госсчетов. Из Магнитогорска приехал Винниус, теперь – можно, пусть учится. Большие домны, высотой двадцать восемь метров по самой печи, оборудованы горячим дутьем с четырьмя последовательными рекуператорами, механизированной подачей всех компонентов наверх к колошнику. Объем – тысяча триста кубиков. Сами домны запустили две недели назад, но первая плавка – очень медленный процесс.

Как раз к концу плавки все и собрались. Еще есть полчаса, поэтому вокруг сплошной шум. Морозов привез шампанское по этому поводу. Много речей, затем мне предоставляется право пробить отверстие в летке. Укладываю бур в направляющие и ногой подаю его вперед. Он довольно медленно вгрызается в огнеупор, но ногой чувствую, что сверло идет, и с хорошей скоростью. Прошел, из небольшого отверстия начинает выливаться жидкий чугун, заполняя желоб до разделительной плиты – здесь расходится чугун и шлак. Рабочий следит за заполнением ковшей и чуть перекрывает спускной желоб для того, чтобы подали новый ковш после заполнения, затем струя горячего чугуна начинает литься в следующий ковш. И так до тех пор, пока не иссякнет поток чугуна из домны. Затем заделывающая машина забивает пробитое отверстие, и в домне начинает накапливаться следующая партия металла. И так безостановочно до регламентного ремонта. Мы же следуем за ковшами в сталеплавильный цех. Там стоят конвертеры, из ковшей в них переливается чугун. Конвертер по форме напоминает реторту, подвешенную на поворотные цапфы, выливается четыре ковша в каждый, конвертеры принимают вертикальное положение, и из их горла начинают вылетать какие-то отдельные искры, а иногда и целый каскад. Минут десять – двенадцать они стоят вертикально, за это время увозят «чугунные» ковши и подвозят «стальные» или подводят желоба, которые направят сталь непосредственно к литейным формам. Конвертер наклоняется, и из него начинает вытекать жидкий металл, еще более ослепительно белый, чем красноватый чугун. Мне в руку вцепился Винниус.

– Государь, да как же так? Десять минут не прошло, и уже сталь! Жидкая сталь! – Хороший металлург может по цвету определить, что перед ним.

– Обратил внимание, что ее не грели?

– Да, она сама нагрелась.

Во второй конвертер вместе с чугуном засыпали легирующие материалы, и эта плавка шла чуть дольше. Сталь имела немного другой оттенок.

– Что это?

– Жаропрочная сталь для катков твоих прессов. Ты их еще не заказывал, но они уже изготавливаются.

Я замахал руками, показывая всем гостям на выход. Здесь очень жарко, и мы мешаем людям работать. Теперь в три смены и без выходных этот гигант будет давать нам металл. Каждая из домен по четыреста тысяч тонн металла в год.

Вернулись в Москву, тут все члены Госсовета заупрямились и решили меня в тронный зал провести, дескать, вы с царицей Татьяной туточки еще не бывали, на троне не сиживали, а мы пир горой решили закатить, себя потешить и тебе показать, что жизнь бьет ключом. Мы ж понимаем!

Налоговый приказ справочку мне уже давно предоставил, что капиталы членов Госсовета возросли, некоторые из них и сами теперь хотят заводики иметь, не понимают, что время сверхприбылей закончилось, сейчас цены на металл и прокат быстренько покатятся вниз. Такое количество стали пока не переварить, и требуется укрупнять и развивать машиностроение, как тяжелое, так и остальное.

На пир мы пошли. Кремль еще охраняют, Большой Дворец тоже под охраной, но требуется стрельцов сменить на гвардейцев. Это же все теперь государственное. Губернатор Москвы князь Буйносов-Ростовский, под шумок и пьяные песни, начал о своих планах рассказывать. Ему землечерпалки нужны.

– Строй завод машиностроительный, под это землечерпалки дам. По-другому не получится. Зданий в Москве много, но основное количество их – деревянные строения. А ну как полыхнет? Вот этим займись, кирпичными заводами. Нашли же для Кремля кирпич? Еще и в Смоленск его возили. Обяжи все гильдии перестроить свои хибары в каменные. Да с умом строй, не просто так, а по плану.

– План есть, но государь, деньги...

– Но у тебя деньги собранные не все отнимают, кое-что ты имеешь, и не мало.

– Дык, государь, все как есть использую! Цены растут!

– А если Выборг проверит и комиссию пришлет?

Тут хитрющий боярин понял, что сейчас накличет беду на свою голову, и переключился на то, для чего ему землечерпалки нужны. Хочет канал имени Москвы делать, дескать, удобнее из глубинки таскать по реке

и на санях, чем все отдавать Выборгу на железную дорогу. Здесь я с ним согласился, что не все выгодно возить вагонами и на платформах, баржи и самоходные суда тоже имеют свой фрахт – несрочные грузы и урожай. То есть массовые и навалочные.

– Уговорил, боярин. Толику малую выделим, но не более трети. Или чуть больше, а ты объяви о стройке и выпусти акции на Выборгской бирже, глядишь, и деньги найдутся.

– Вот этого не хотелось бы, государь, тут вишь како дело, не все желают этого канала, не понимают выгоды своей. Те, которые на западе и северо-западе живут, так им канал нужен, а тем, которые юго-восточные, он и даром не нужен. У них Ока и Москва-река есть, и свою монополию оне терять не желают. Гадить начнут!

– Вот компания и решит этот вопрос, а за государственный счет я строить этот канал не стану. Чем могу, помогу. Проект в Выборге заказывай, там людей, кто это быстро сделает, достаточно. И машины дам. Даже роторные, чтобы быстро отстроить. Топливо теперь для них есть. И еще, Гаврила Григорич, что ж ты на газ деньги от города зажал? Или не нужен он тебе?

Боярин забежал глазами. Я же знаю, что газовый налог он ввел, но до Газовой компании деньги не дошли, видать на канальчик решил пустить. Требовалось не допустить сращивания государственного и частного капиталов, в противном случае получим РФ в самом худшем виде, где частный капитал вкладывается лишь для попила бюджета. Что и пытался проверить только что князь Буйносов.

Погуляли, и будет. Нас пытались оставить во Дворце на ночь, но проще домой курьерским добраться, чем ходить по этим сводчатым коридорам. Дворец еще никто не переделывал, поэтому через каждые пятнадцать шагов стояла в коридорах арка, напоминающая купол церкви, и везде сплошные иконы. Шагу не ступить, просто церковь большая.

Татьяна устала от шума, поэтому с удовольствием вытянулась на постели в вагоне и быстро уснула. Ночной поезд равномерно стучал колесами. Мимо пролетали редкие станции, освещенные газовыми фонарями. А так: лес, лес, лес и редкие деревушки. Я так и не уснул, что-то мысли тяжелые в голову лезли.

Госсовет заговорил об империи, впечатлило товарищей министров количество и качество проведенной «реконструкции», поняли, что это такая мощь, перед которой могут склониться все знамена. Как бы Чингизхан какой не вылез, тем более что народец здесь войнушку любит, да и соседи довольно буйные. Всё уговаривали меня Царьград «освободить» и «землю

обетованную». Выбить у них из головы этот мусор не получалось. Еще Усселинкс отметил активизацию православной церкви на Дону и в других местах скопления казаков. Есть предположение, что там готовится новый крестовый поход. Именно церковь подталкивала постоянно царей и императоров российских в том направлении. На чем их и поймали англичане с французами. Большое количество сухопутных сил уверенно защищало Россию с запада, а слабый флот и еще более слабая логистика не давали возможности защитить себя от ударов издали.

Часть проблемы мне удалось решить, но лишь малую толику того, что предстоит сделать Сашке. Он перешел в восьмой класс младшего класса корпуса. Этим летом у него большая практика. Один из крейсеров пойдет в южные моря вместе с шестью фрегатами. Задача: прибрать к рукам развалившиеся фактории голландцев в Юго-Восточной Азии. Свято место пусто не бывает! Затем большая часть эскадры пойдет на север, чтобы основать Владивосток, обследовать Сахалин, Японию и Камчатку, где уже существует русское поселение. Одновременно с этим в несостоявшейся Британской Колумбии и на островах Гавайи высадутся отряды, посланные Стрешневым. Империя – значит, империя, а она не может не развиваться. Самое сложное – это построить Транссибирскую магистраль. Остальное чуточку проще, но все равно при моей жизни этого не успеть. Главное не разбрасываться ресурсами и людьми. Если люди будут, то остальное они сами доделают.

Поезд убавил ход, бужу Татьяну, мы подъезжаем. Впереди новый рабочий день, а каким он будет, закладывается с утра.

Швеция первой ощутила последствия пуска нового завода. Цена на металл в Швеции опустилась ниже себестоимости, и радовались только потребители железа. Производители поняли, что что-то произошло, и победа над Польшей им показалась не такой уж и важной. Какой смысл в этой победе, если производить металл стало невыгодно? Овал с тремя буквами – «ВМК» – стоял практически на всех железных деталях отныне. Потребитель браковал все, что выпущено не по стандартам «ВМК». Пришлось всей стране вводить метры, километры и миллиметры. Старый, отградуированный в английских дюймах, надежный и привычный мерительный инструмент либо пылился в углах инструменталок, либо был переплавлен. Была надежда, что удастся за счет дешевой русской стали удержать хотя бы металлообработку, но и она лопнула из-за разницы в стандартах. А как соревноваться, если у русских детали выполнены точнее, лучше окрашены, покрыты различными покрытиями и красивые! Их

приятно взять в руку. Шведский товар выглядел как из-под молотка. Даже знаменитые мушкеты Оружейной фабрики Йончепинга, расположенной на естественных водопадах в местечке с труднопроизносимым названием Husqvarna, принесшие шведской армии самые громкие победы, уступали по красоте отделки и точности боя охотничьим ружьям из Выборга. Тяжелые и неудобные «сошковые» мушкеты, даже с укороченным стволом, заимствованные у немцев из Зуля, имели тяжелый комбинированный ствол из железа, вставленный в медную трубу. Приклад был откровенно неудобным и ни в какое сравнение не шел с выборгским оружием. Больше всего офицеров и капралов армии раздражало то обстоятельство, что они видели прекрасные и удобные скорострельные ружья у гвардейцев и морской пехоты Выборга. И видели, какую серьезную силу представляет даже отделение солдат этих войск. Войска в Швеции набирались по рекрутскому набору: один из десяти крестьян в каждой rota. Если rota была маленькой, то их объединяли с другими малыми семействами. В Финском уделе следовало три рекрута из десяти, а до Водьского восстания из води брали восемь из десяти мужчин. Сейчас в армии был сильный недобор: половина Финского удела, принадлежавшего еще полтора года назад Швеции, перешла под управление Выборга. Теперь в армию гребли крестьян из бывшей Польши, применяя такой же порядок, как и в Водьской пятине, чтобы в кратчайшие сроки ассимилировать население, к тому же – католическое. Но крестьяне предпочитали разбегаться по лесам или уходить в отход в Россию. Денег в казне становилось все меньше и меньше. Не хватало вооружения и снаряжения. Пришлось пойти на отмену набора в армию наемников из других стран. Стребованные репарации Польша выплачивать не спешила, и там приходилось держать основные силы армии.

Этим моментом воспользовался опытный и ловкий политик Фредерик III, он начал концентрировать войска в Норвегии, собираясь оторвать большой кусок Южной Швеции, чтобы обезопасить свою столицу, неоднократно подвергавшуюся нападениям за последние годы. Началась новая датско-шведская война, и войска из Польши потребовалось забрать. Последить за порядком на покидаемых территориях попросили недавнего союзника Святослава Первого. Мы помогли перебросить их в Стокгольм. Шведы ушли, оставив небольшие гарнизоны в двенадцати крепостях. Возле одной из них, в Ивангороде, что под Нарвой, произошло столкновение между русским и шведским патрулем. Не поделили стол в харчевне, бывает!

Извинений со стороны комендантов обеих крепостей не последовало.

Их хамский ответ немедленно стал известен Святославу, и «были сборы не долги»! К тому времени стало известно, что риксрод вынудил Кристину отречься от престола в пользу Густава Пфальцского. Происшествие в Ивангороде странным образом совпало с этим самым отречением. Для милой Кристины я собирался просто проследить за порядком, ее нет – значит, «нисчитово!». Это оскорбление! И в ход пошел последний довод королей. Мы объявили о поддержке уже Фредерика III и выбили шведов со всей Прибалтики и Польши.

Швеция проиграла войну и Дании, потому что мы отвезли их войска только в Стокгольм, а из-за смены короля и Ивангородского инцидента исполнять вторую половину контракта отказались. Я дружил с Кристиной. Давно! С момента признания нас ею в 1640 году, и между нами никогда не было войн. Наоборот, мы принимали участие в восстановлении власти Кристины в бывшей Польше.

Мирная конференция собралась в крепости Эзель на одноименном острове. Это была датская крепость, которую неоднократно Дания теряла. Некогда все побережье до города Нарва носило название Эстляндия и принадлежало Дании. Ее сдавали в аренду Ливонскому ордену, потом продали совсем. Затем, когда смута в Дании закончилась, датчане вернулись, и Ливонский орден продал обратно остров Дании. Но она проиграла очередную войну в 1645 году, и остров был передан Швеции по Брёмсебрускому миру. Пикантность ситуации заключалась в том, что Фредерик был владельцем Готланда и Эзеля в то время. Именно его больше всего укусил тот мир. Это были его вотчины. Но Эзель был взят десантом морской пехоты Выборга. В результате теперь Швеция вернула ему Готланд и провинцию Халланд. А Эзель остался за Россией и Выборгом. Вход в Финский залив теперь контролировался мной.

Участие в войне впервые приняли бронированные бульдозеры Новгородского завода транспортных машин. Эти чудовища занимались тем, что засыпали рвы и проламывали стены и ворота крепостей. В общем, выполняли роль танков и самоходных пушек. Это было заложено в саму конструкцию.

А в мирных целях был освоен выпуск бульдозеров, подборщиков на базе танка ПТ-76 и парозлектровозов, гусеничных вездеходов «МЛТБ» и 122-миллиметровой самоходной пушки для армии. Для двух последних в Князево налажен выпуск V-образных паровых двигателей. «Звезда» не влезала по габаритам, пришлось ставить рядный V-образный.

Кристина очень неплохо помогала на конференции, она была смертельно обижена на риксрод, и главные претензии выставляла она,

напрямую обвиняя в предательстве интересов Швеции род Оксеншерне. «Если бы..., то милый Святослав помог бы мне в этой войне, и мы бы захватили проливы». А оно мне надо? Она немного поотиралась в Выборге и в Москве, но отсутствие блестящего двора и интриг ей не понравилось, и она укатила в Рим, где еще долго портила кровь и новому королю, и риксроду. Да и остальным от нее доставалось.

По договору, не король, а риксрод Швеции получил четверть миллиона серебряных талеров отступных и отказался от претензий на Эстляндский удел на вечные времена. Туда же банк Выборга дал восьмиллионный кредит на развитие бумажной промышленности, в обмен на отказ от массового производства металлоизделий. Выборг обязался снабжать экономику Швеции необходимым количеством готовых изделий и предоставил им право вносить в Совет Выборга заявку на металл. То есть Швеция была включена в планирование наравне с остальными областями княжества. Король Швеции стал чисто номинальной фигурой, и через некоторое время его заставили подписать конституцию. Риксрод сократил армию с тридцати двух полков до десяти, при этом безопасность и территориальную целостность Швеции гарантировали Выборг и Россия. Швеция стала первой нейтральной страной. Она же первой заговорила о строительстве на ее территории железной дороги для ритмичного вывоза бумаги и для того, чтобы иметь возможность быстро пригласить войска Выборга в случае необходимости, особенно зимой. От Костомукшской ветки начали прокладку Транскандинавской линии.

А вот из польской шляхты сделали вторых евреев. Я свой указ не отменял, где им предложено в две недели покинуть пределы России. Швеции они контрибуции не выплатили, поэтому Швеция, потеряв эти территории, принимать их отказывалась. Им лишние рты голоштаные не нужны. «И пошли они, солнцем палимы...» Малая часть осела в Священной Римской империи, император Филипп IV принял только тех, у кого были деньги или уделы в его землях. Поляки двинулись на юг, в расчете осесть на земле обетованной. Кто-то по дороге, и я догадываюсь кто, подсунул им оружие и организовал новый крестовый поход на Иерусалим. Часть западного казачества и от нас рванула туда. С послом османским Азамат-шахом мы переговорили в Выборге, и я показал ему указ, где ушедшие в поход на Иерусалим назывались радикальными фанатиками, лишались подданства и сословности и осуждались на пожизненную каторгу в случае возвращения на территорию России. Воевать с султаном было несколько рановато, да и не на проливах надо затевать свалку. На фига мне эти проливы, практически утратившие свою

экономическую подоплеку ворот на восток и запад? Канал из варяг в греки мне нужен для внутреннего употребления, чтобы быстро перебрасывать урожаи с юга на север и войска с севера на юг по необходимости. Никакой надобности в проливах у меня не было. Султан это понимал не хуже меня, мы с его предшественником об этом говорили. А частая смена султанов ведет к упадку, так как смещают их незаконно, а дорываясь до власти, грабят еще больше, чем предшественники. «Польский» Крестовый поход был разбит еще до переправы через море в Греции. С Филиппом особых осложнений не возникло: его карманную Польшу мы не тронули, но он сам ее поглотил. Совместных мероприятий у нас хватало, а у него вечные перебои с хлебом на территории империи, поэтому торговля с ним процветала. Да и вообще, не любил он заниматься политикой. Он больше специалист по бабам. Правда, постарел и уже не тот, что давеча, но держится, и количество прижитых детей растет. Вот и наследника соорудил и возвращает. Он же не знает, что тот будет последним из испанских Габсбургов. Детей у него не будет.

Поход в Южные моря удался на славу: забрали под крылышко Капскую провинцию, Реюньон, Кокос и Маврикий. Пощипали пиратов вокруг Мадагаскара и ушли в Батавию. Привели к присяге тамошнюю администрацию. Им угрожало, что вырежут местные, поэтому они были рады тому обстоятельству, что впервые за семь лет к ним пришли корабли и передали какие-то припасы, в том числе черный порох к пушкам, за счет которых они здесь и держались. Установили дипломатические отношения с султаном Брунея. Затем Торресовым проливом прошли между Австралией и Новой Гвинеей и создали поселение на восточном берегу Австралии в хорошо укрытой бухте на 27° южной широты и 153° восточной долготы в устье довольно большой безымянной реки. Место привлекло к себе защищенностью и наличием нескольких обширных болот с торфом в нескольких километрах выше по течению. Это давало возможность эффективно использовать наработанные технологии. И местных «бушменов» этот полуостров мало интересовал. Аборигенов на этом берегу Австралии было много, где-то около миллиона человек. В основном они обитали на восточном берегу и в районе Торрессова пролива. Об их существовании было известно, как и о том, что они воинственны и довольно опасны. Первое посещение их белыми кончилось поражением португальцев. Потеряв десять человек, капитан Виллем Янсзон поспешил оставить враждебную землю, и эти места никогда никем не осваивались. Пустынный и неприветливый западный берег никого не привлекал. Земля

ван Димена была открыта, и ее южный берег был обозначен на некоторых картах, но к освоению так и не приступили из-за банкротства Нидерландской Ост-Индской компании. Не было даже известно, что Земля ван Димена не южная оконечность Новой Голландии, а остров Тасмания.

Оставив поселенцев и необходимый инвентарь и вооружение для них на полуострове Русский, экспедиция разделилась: большая часть ее пошла на север, а один из фрегатов двинулся на восток. На нем вернулись курсанты корпуса, совершившие кругосветный поход. Среди них и цесаревич Александр, который вернулся домой уже зимой, пройдя за ледоколом через льды Балтики. Впечатлений – море! Извел мать, рассказывая обо всем и показывая собственные, очень неплохие, рисунки. Главное, что он вынес из этого путешествия: Земля круглая и не слишком большая. И требуется знать ее всю.

Он пока не в курсе, где находится орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменный город-герой Санкт-Петербург Ленинградской области, в котором он родился. Ему еще рановато знать все подробности. Он – дитя собственного времени. Эту часть истории Земли он узнает чуть позже. А пока растет, учится, стоит ходовые вахты, постигает тяжелый труд матроса. Все остальное будет позже.

Место выбрано не случайно: именно здесь состоялась знаменитая австралийская золотая лихорадка, а так как банкнот пока никто не выпускает, то золото требуется во все возрастающем объеме. Поэтому и были предприняты попытки сразу захватить золотоносные места, как в Южной Африке, так и в Австралии. Пока этими землями никто не интересуется. После голландской войны и войны с пиратами остальные страны строят только каботажный флот, все трансконтинентальные перевозки взял на себя Выборг. Единственной страной, которая не остановила строительство флота, была Испания, но и здесь чувствовалось, что предпочтение отдается не океанским, а каботажным судам. Рост тоннажа резко замедлился. Этому способствовала и Фронда во Франции. Еще восемь лет она будет терроризировать короля и Мазарини и в конце концов победит. Последние несколько лет до своей смерти Мазарини станет «серым кардиналом» короля. А после смерти на него свалят всех собак за неудачи. Впрочем, население Луизианы стабильно растет, в основном за счет рабов. Белые не спешат переселяться сюда, хотя некоторые богатые фамилии и подумывают о возможной эмиграции в более спокойные места.

В Англии кризис, в первую очередь политический. После казни короля Карла I его двадцатилетний сын, тоже Карл, прибыл тайно в Шотландию и

был коронован, но на следующий год в Шотландию вторгся лорд-хранитель Оливер Кромвель, который разгромил спешно собранную армию короля, и тот – бежал. Скрывался вначале в самой Англии, и за его поимку была назначена огромная сумма. Затем пришлось бежать дальше, к родственникам во Францию. Роялисты делали ставку на сбежавшего из Голландии Фредерика-Генриха герцога Оранского-Нассау, но он умер, а вслед за ним умер и его сын Вильгельм. После его смерти родился наследник голландской и английской короны еще один Вильгельм, но ему пока только два года. Он с матерью, старшей дочерью казненного короля Карла Первого, преспокойнейшим образом проживал в своих родовых имениях. В отличие от Стюартов, отца которых казнили англиканы, католические родственники их спасли, поэтому верование вероятных королей больше склонялась к католицизму, а старшая дочь Карла Первого исповедовала кальвинизм. Именно поэтому лорд-хранитель сделал ставку на нее и ее мужа. Но муж неожиданно заболел и умер.

Кроме Карла в запасе у роялистов был более молодой Яков. Оба претендента жили во Франции и неплохо проводили время, занимаясь местными красотками. Правда, Карл все-таки уделял некоторое время и кое-какие финансы на «реставрацию». Младший брат, герцог Йоркский, слыл ловеласом и участия в заговорах не принимал. Он второй в очереди, за ним стояла их старшая сестра. Но в отличие от братьев, она жила в Англии. Кромвель же испытывал серьезнейшие трудности с финансами. Деньги, отнятые у роялистов, были вложены в строительство флота и в новую Ост-Индскую компанию. Благодаря проискам Испании и Выборга, эти деньги канули в Лету, или, как говорили роялисты, были выброшены в океан. Спрос на английские ткани упал до самой низкой отметки, все кругом завалено выборгскими, которые и дешевле, и качественнее сделаны. Испанцы перекрыли свои порты в ответ на Навигационный акт и перестали поставлять ртуть, столь необходимую для производства фетра. Колонии в Америке практически вымерли, и поставки шкурок оттуда упали практически до нуля. И последний штрих: весной 1652 года, войдя в Сент-Джонс-Харбор, сезонные рыбаки узнали, что вернулись французы и индейцы микмаки. Зимой, пока становища и городки пустовали – все поселения на острове были сезонными, – при поддержке ледокола «ЛК-1» русского военно-морского флота был высажен десант, состоящий из французов-академиков и индейцев племени Unama'kik, которое владело островом до прихода сюда европейцев. Так как существовал уже договор, где племя признавалось владельцем этих мест, то опираясь на стволы русских орудий, вождь племени – с рваным ухом и с огромным

варбоннетом из перьев белохвостого орлана, показывающего, что он находится в состоянии войны – заявил, что отныне ловить рыбу можно, не приближаясь ближе двухсот миль к берегу суверенного Ньюфаундленда. Если ловить ближе – плати за патент и отдавай треть улова. Условия такие же, как на Нововыборгских островах. А рядышком ненавязчиво покачивались катера береговой охраны под зеленым флагом Выборга в левом верхнем углу.

Кто-то развернулся и ушел к берегам Исландии, кто-то заплатил и начал промысел, но цена на рыбу в Англии тоже подскочила. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения народа. Кромвель был растерзан толпой, и вместо него во дворец на руках внесли Марию-Генриетту, но коронация не состоялась: короли Испании, Португалии и Франции заявили, что при живых принцах крови они никогда не признают Марию. Папа Иннокентий X заявил то же самое, а решительных людей в стенах Вестминстерского аббатства не нашлось. Из Франции прибыл Карл, король Шотландии, и был коронован как Карл II. Он же объявил, что протестантизм привел страну в упадок, поэтому объявил Билль о равенстве религий, пытаясь таким образом разрешить сложившуюся ситуацию.

Для меня же настали лихие денечки, так как начали организовывать компанию «Дикая степь». Реально южные и восточные пределы европейской части частенько посещал страшный зверь, носивший в наших сказках имя Змей Горыныч. На самом деле их было два: засуха и мокропогодица. Каждый из этих Змеев Горынычей мог унести сотни тысяч человек. По-научному это называется зоной рискованного земледелия. Мне пока везло, и голодухи, как принято называть это явление на Руси, еще не было. Но готовиться к нему нужно. Во-первых, необходимы надежные и охраняемые зернохранилища, какие были только в Выборгском княжестве, а во-вторых, требуются резервные источники воды в южных широтах. И еще очень важные вещи для тех же югов – лесополосы и снегозадерживающие мероприятия. Вот для того, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, и была учреждена эта компания. Называлась она Институт мелиорации и рыбного хозяйства, но в просторечье быстро переименовали по месту работы: «Дикая степь». У нее было два филиала: Донской и Волжский. Крым пока не трогали, не поднимать, пусть будет в резерве.

Начались изыскания и строительство малых каналов и системы прудов-накопителей. В них сразу поселяли рыбу, в основном сазана, немного окуня и щуки. В проходные пруды с достаточно быстрой сменой воды запускали сибирского осетра и стерлядь, в основном последнюю. С

осетром уж больно много возни.

Для решения проблемы водоснабжения левобережной приволжской степи было решено направить туда военных топографов для получения рельефных и обычных карт местности. Без них задача была нерешаемой.

Одновременно с этим начали производить железобетонные трубы большого диаметра, которые могли вставляться друг в друга и создавать закрытый водовод. Они требовались для создания отводных каналов будущих электростанций и водохранилищ, с тем чтобы не затрагивать основное русло Волги, Камы, Дона и Оки. Топографы искали места, где можно расположить такие каналы и водохранилища. Затем к ним проектировался водоканал, и начиналось его строительство с использованием роторных экскаваторов и бульдозеров. Из местных материалов насыпалась подушка, на которую укладывали трубу. Строили с расчетом на самотек. Там, где это было возможно, обходились без труб, проводя обычные каналы. Это, конечно, более дорогое решение, чем просто перегородить реку, затопить леса, поля – все это начнет гнить, заболачиваться, прерывать ход рыбы на нерестилища. Но нам спешить некуда, требуется убить двух зайцев, а для этого нужны терпение и точный расчет. Поэтому приходилось много времени уделять проекту преобразования природы. В результате мы должны были получить поливное земледелие в районах, подвергающихся засухам, и осушить, до известного предела, те места, где можно добывать столь необходимый для нас торф, из которого вырабатывается топливо для всей промышленности.

Излишки газа можно пустить на выработку электроэнергии на тепловых электростанциях, для создания которых уже есть все предпосылки. Но пока хватает того, что производят малые ГЭС и малые паровые электростанции, работающие на поршневых двигателях. Строительство энергетических гигантов пока не предусмотрено. Большой надобности в этом нет. Речи об электрификации всей страны не идет. Сейчас электрифицированы два города: Князево полностью и Выборг большей частью. В Москве электричество есть лишь в нескольких зданиях, в которых располагается управление железной дороги, гвардия и служба связи. Электростанции привязаны к промышленному производству. Все заводы, само собой, электрифицированы. Но подготовка страны к этой «революции» началась. Очень выручают топливные элементы, которые разработала Татьяна. Это электрохимические генераторы постоянного тока с очень высоким КПД, превышающим любой электромеханический генератор. А выглядит все просто: коробка с ребрами охлаждения и бачок для метилового спирта. В зависимости от мощности, большой или

маленький. К большому прилагается водяная система охлаждения. При работе генератор выдает еще и дистиллированную воду, необходимую для работы паровых двигателей замкнутого цикла. И дает постоянное напряжение двенадцать или двадцать четыре вольта, достаточное как для освещения, так и для работы большинства бытовых и специальных приборов. Собранные в большую станцию, могут давать токи большой величины. Эти генераторы мы используем для гальваники. У них нет биения напряжения, поэтому покрытие получается много лучше, чем при использовании выпрямленного тока. И главное, их не скопировать. Это принципиально невозможно при данном развитии науки и техники. Много их, правда, не наделаешь, но обеспечить армию, транспорт и некоторые производства вполне реально.

Буквально через год эта программа стала приносить плоды: люди начали перемещаться в ранее засушливые районы, а там посевных площадей – море. Степь, черноземы. Продовольственную базу мы создали, и первое время рыбой переберутся. А муку и семена подбросим для начала. С появлением людей в районах, подключали мелиораторов и агрономов, которые показывали, как и что сеять в этих местах, чтобы иметь высокие урожаи. Затем появлялись саперные части, которые устанавливали генераторы ГЭС и ставили подстанции, электронасосы, привлекали людей на строительство общего элеватора. Люди сюда потянулись в основном из государевых, которых было не слишком сложно объединить в кооперативы и коллективные хозяйства.

Постепенно Дикая степь была заселена, расцвели сады, появились большие поля, на которых смогла работать техника. Немалую роль в этом деле сыграло документальное кино Выборгской студии. Там снимались рекламные ролики, показывающие быт выборгских крестьян, жизненному уровню которых завидовала вся страна. Сейчас Выборгское княжество практически не производит товарной сельхозпродукции. Основное направление – семеноводство и элитное животноводство. Здесь закупают семена, будущих производителей, сельскохозяйственную технику, поливные агрегаты и все остальное, необходимое для всей страны. Вновь образованные колхозы и кооперативы имеют государственную скидку и двухгодичную отсрочку выплат налогов, так что заниматься освоением новых земель – выгодно. Единственное «но»: на развитие программы ушло больше пяти лет, и было вложено колоссальное количество денег в создание этой инфраструктуры. Но великая сушь 1655 года Россию практически не коснулась, и мы заработали на поставках муки в Европу и Малую Азию столько, что возместили все убытки.

Для экспорта муки на юге было построено четыре порта: Бердянск, Хорлы, Скадовск и Таганрог. Лишь после этого мною было вынесено предложение о строительстве Хортицкой ГЭС. Очень мешали пороги на Днепре, плюс там холмистая местность и высокие берега, водохранилище получалось узким и практически не затрагивающим посевные площади. Долго спорили, потому что там практически ничего нет, но я и не настаивал на немедленном сооружении именно ГЭС. Требовался нормальный водный путь, а не гонка наперегонки со смертью. Показал, сколько чего утопили в порогах и сколько товара испортили. Скрепя сердце, Госсовет России выделил финансирование на строительство плотины и шлюза.

Новые колонии осваивали уже совместно с Россией, но по той же схеме, что и до этого: в первую очередь подбирался руководитель проекта, затем рассматривался проект, причем не один, а несколько от разных претендентов, после этого выделялись финансы на подготовку. Начиналась вербовка первопоселенцев, исходя из их навыков и умений, и лишь после того, когда все было готово, начиналась сама экспедиция. Старались занимать места, где не было постоянных поселений европейцев. Таких мест было предостаточно, и лишь в исключительных случаях, таких, как, например, Маскаренские острова, откуда сбежало население, предварительно уничтожив большую часть природных ресурсов, приходилось принимать жесткое решение. Положение победителя Нидерландов давало такую возможность.

С островов было выселено двадцать семей колонизаторов вместе с рабами на Мадагаскар. В Капской провинции постоянных поселений не было, в Австралии – тоже. Особой надобности в колонизации Маскаренских островов не существовало, здесь сыграло чисто экологическое мышление: хотелось сохранить уникальный животный и растительный мир этого прекрасного уголка планеты. В конце концов, могу себе позволить! Острова объявили моей собственностью и заповедником. Наложен запрет на любую хозяйственную деятельность.

Год 1655-й был во многом ключевым: сильнейшие весенние морозы и последовавшая за ними засуха в Европе обострили и без того не слишком радужные отношения между Испанией и Францией. Недавние союзники поссорились из-за Англии: Франция продолжала пускать в свои порты английские суда и корабли, тогда как в Англии до сих пор не был отменен Навигационный акт. Попытка урегулировать этот вопрос закончилась потасовкой между Испанией, Англией и Францией. Причем готовилось все заранее! Каперские свидетельства, *letters of marque*, были выписаны

несколькими месяцами раньше. Вспышка пиратства произошла по всему побережью от Бразилии до Нововыборгских островов. Нашему флоту пришлось здорово помотаться, отлавливая вчерашних мирных и добрых соседей. Под шумок англичане решили высадиться в Массачусетсе и Род-Айленде – двух вымерших в конце сороковых годов колониях. Но на кораблях, доставивших их в Новый Свет, имелись каперские свидетельства, поэтому они пошли на дно после досмотра, а акадцы довольно жестоко расправились с вновь прибывшими: все мужское население было перебито, женщины и дети были взяты в плен и распределены между поселениями. Пускать кого бы то ни было на свою территорию они не собирались.

В том же году Большой совет Акадии прислал посольство в Кронштадт и попросил военного союза с Выборгом. Меня не устроила форма присоединения, поэтому Акадия ничего не получила, кроме встречных предложений. Их экономическое состояние не позволяло стать им самостоятельным государством. Они во многом зависели от поставок из Франции и Луизианы, но платить налоги Бурбонам не рвались. «Дайте нам оружие, и мы защитим свои земли!» Делайте сами. Но таких умельцев у них не оказалось. Максимум могли делать палаши для пехоты и кавалерии. Плюс через них шло вооружение довольно агрессивных племен Мохавков и остальных ирокезов. Не то чтобы специально отдавали, а безответственно подходили к хранению и караульной службе в условиях непрекращающихся вылазок индейцев. Плюс за сданные шкурки поставлялся порох и свинец, причем не выясняя, откуда у индейцев эти шкурки. Ирокезы сами не охотились, а жили разбоем, отбирая шкурки у других племен.

Мне подобное обострение отношений было на руку, тем более что меня эти войнушки поначалу не касались. Затем резко возрос расход боеприпасов и топлива в Нововыборге, и пришлось реагировать, к тому же направлять туда дополнительный флот, чтобы прикрыть все побережье. А сам я был занят как «Дикой степью», где началась настоящая засуха и пошла проверка всего проекта на прочность, так и проектированием нового тяжелого рейдера: корабля с большой автономностью, большой скоростью хода и тяжелым вооружением для разрушения береговых укреплений. «Нововыборгская компания» не прошла бесследно, и в первую очередь это отозвалось именно в фортификации. Все страны начали укреплять прибрежные крепости, даже толком не понимая, от чего. Ведь ни одну крепость с моря я не брал, все, что было захвачено, было взято с суши. Но такова жизнь и современная логистика. Подвоз строительных материалов проще осуществить по воде, чем по суше.

Но по-прежнему связующее – это известь, строительным материалом вместо кирпича стал вновь камень. Впрочем, суть от этого не изменилась, но приходилось увеличивать калибр орудий. Пошла попытка защититься от шрапнели, во всех крепостях начали изготавливать козырьки для укрытия личного состава. То есть сказать, что военная мысль застыла и ничего не происходило вокруг, было трудно. Все пытались защититься от моего огня. Ну, а получится или нет, там видно будет. Пока у них явно не хватает технологий для этого. Но они усилили попытки поступить в университет и пробиться на службу в нашу армию.

В маневрах и побоищах прошли вся весна и лето, а осенью выяснилось, что урожая в этом году у всех не предвидится. Голод суровой рукой взял за горло всех, кроме королей. Чередой пошли голодные бунты, в это время мы и выставили на продажу муку. У нас засуха зацепила только две области – Курск и Воронеж, губернаторы которых не слишком охотно вкладывались в развитие централизованных хранилищ и мелиорацию. А мне требовались козлы отпущения – люди, которые будут виноваты в том, что государственная программа преобразования природы выполняется не в полном объеме. Тем более что средства на нее выделялись из бюджетов всех уровней. Переброска муки и семенного зерна в эти области пошла полностью за счет этих «губеров», причем из личных карманов. Все, что незаконно присвоили, им пришлось вернуть, и с огромными процентами. А после этого Верховный суд приговорил их к ссылке в Сибирь. И другим неповадно будет денежки из бюджета распиливать. Но две губернии – это мелочь по сравнению с голодом, который настиг Европу. В более выигрышном положении оказались приморские страны, а в центре... в центре люди напоминали узников Освенцима. Мор начался. И больше всех досталось центральным районам Священной Римской империи, Германии и Австрии в нашем понимании, и Швейцарии.

В сторону сытой России двинулась целая армия беженцев, что сильно напомнило ситуацию двадцать первого века. Пришлось на границе устраивать кордоны и лагеря для беженцев. Но и сами мы времени не теряли: в лагерях развернули работу вербовщики, искали ремесленников и образованных людей, которых привлекали для работы в Дикой степи, где был большой дефицит кадров, и в заволжских степях. Там начали создавать национальные поселки – немецкие городки. По-другому было не поселить, сказывалось то обстоятельство, что русские иностранцев не любили и брезговали ими. В первую очередь из-за того, что мылись европейцы неохотно. Пришлось ввести банный налог и налог на мусор. Европа не привыкла жить так, как мы живем сейчас в России – безотходно. По

большей части применялись самые примитивные и очень грязные технологии. Приходилось переучивать. Занимался этим целый приказ, где были сосредоточены кадры по обучению русскому языку и новым технологиям. В принципе Новороссийский приказ для этого и создавался, чтобы решать проблемы новых территорий. Честно говоря, строить на пустом месте было значительно удобнее, чем на уже обжитой территории со своими тараканами. Там постоянно шли какие-то тяжбы, межевые войны, клевета и жалобы друг на друга. Все как обычно. Но у людей появилась альтернатива. Не нравится на старом месте? Сходи в отход, выкупайся, и вперед на новые места, хоть в Австралию. Сильно удивил старший из Долгоруких, который неожиданно раскрепостил своих крестьян.

– Что так, Иван Владимирович?

– Да некогда мне ими заниматься стало, и Антонина Петровна туда ездить перестала. Заглянула к вам в удел, поинтересовалась, что и как, вот и предложила создать колхоз и сдать им землю в аренду. А так, без глаза, хозяйство доходов не приносит, сплошной убыток. Я – человек государственный и основной прибыль имею с других дел, как-никак оборонным приказом ведаю.

В итоге крестьян в их уделе убавилось, многие захотели переселиться южнее, но имение стало приносить стабильный доход, чем не преминула похвастаться княгиня. Правда, случай был единичный, остальные предпочитали покупать управляющих и вести дело по-старому. Через это и разорялись понемногу. И все-таки среди членов госсоветов большая часть людей были очень состоятельны, что несколько настораживало. Но открыто бросить мне вызов никто из них не решался. Скорее всего, эти атаки придется отражать уже Александру. Собственно, буржуазная революция состоялась, все они получают свои доходы не с имений, а вложили деньги в предприятия, в банки и экспедиции и живут на немаленькие проценты с этих капиталов.

А их детишки предпочитают кутить, а не работать. Не все, правда, но большинство. Именно они и несут максимальную опасность для общества. Именно там агенты иностранных государств ищут возможность для организации каналов утечки информации. Поэтому к приему таких людей в университет мы не спешим. И внимательно отслеживаем контакты студентов с иностранцами. Замеченных в этом ставим на особый учет, и вначале следует предупреждение, а если КГБ ловит таких на продолжении контактов, то следует отчисление и отправка полуготового специалиста в места, где иностранцев нет. Ума набраться и любви к Родине. Так как

строек много и рабочих рук не хватает, то мест для поселения достаточно. С членами госсоветов не единожды был разговор на эту тему, что прикрыться должностью отца или матери не удастся. Вроде все понимают.

Кстати, малое количество членов госсоветов — это отличная профилактика подобных настроений, особенно при отсутствии ограничений во власти у самодержца. За место в Совете держатся, и цепко. Правда, там наметился раскол, появилось две партии: империалисты и социалисты. В принципе, так и должно было случиться, стремительное развитие всегда вызывает раскол. Пока преобладают империалисты, но как только добьются своего, так придумают что-нибудь новенькое. Осенью все члены госсоветов «встают на крыло»: отправляются на острова и две сессии проводят там, вдали от холодной России. В Кронштадте для этого построили специальное здание Госсвета.

Я себе позволить такого не могу. Нет, иногда и мы выбираемся на Полночную Луну, но не каждый год. Зимой тоже дел полно! А остальные, почти все, предпочитают проводить зиму там. При нынешней активности у наших границ отъезд совершенно неуместен. Мы с Татьяной решили, что отдохнем в этом году в Малом доме. Но и там отдыха не получилось. Выяснилось, что Российская Федерация передала «незаконно захваченные, в результате сговора с преступным режимом Гитлера, территории законному владельцу», члену НАТО и Евросоюза! Мы там давно не бывали, больше шести лет в этом не было никакой необходимости. В почтовом ящике нашли кучу штрафов за неуплаченные налоги и вызов в суд, причем просроченный. При нашем появлении в Суоярви местная полиция попыталась нас арестовать, тем более что удостоверений личности и налоговой карты ЕС у нас не было. Но безоружными мы не ходим, а финики для нас были и есть враги. Пришлось поработать из «Пернача», затем уходить в лес и по тропе возвращаться обратно. Возле дома, естественно, полиция. Хорошо, что он немного в стороне от шлюза. Когда стемнело, удалось проскочить под водопад. Там я перевооружился, надел боевую сбрую и положил на месте полицейский наряд. Сложил их трупы в дом и поджег его. Горело плохо, бетон сплошной. Пришлось расстрелять свое сооружение из «Шмеля». Обработал следы, сел в лодку ниже по течению, поднялся к водопаду и ушел. Новости плохие, Россия фактически прекратила свое существование: РВСН ликвидированы, территорию контролирует НАТО, на месте бывшей России шесть государств.

На месте перехода начал возводить сплошную стену — так, чтобы было не пройти ни туда, ни обратно. Постройку делал в новолуние, с появлением луны ее сильно покорежило. Татьяна с огромным интересом следила за

тем, что происходит на границе времен, ставила какие-то приборы, что-то замеряла. Вердикт был такой:

– Глупость ты придумал, стена будет разрушена, но судя по характеру разрушений, это произойдет точно по границе времен.

– Меня это устраивает, меня не устраивает то, что там произошло, и еще, что эти два мира не связаны между собой. А жаль. Или того, что мы сделали, еще недостаточно, чтобы изменить историю.

– Мне кажется, что это первый вариант, или можно объяснить так, что та история оборвалась на месте нашего перехода и существует отдельно от нашей реальности. Что называется, в одну и ту же воду в реке не войти.

– Возможно, что и так. В любом случае надо довести начатое до конца. Сейчас начнется цирк со свадьбой Карла II, в результате которой Танжер и Бомбей станут английскими. Так что весной надо будет посетить Лиссабон. Мне не нравится этот брак. Во-первых, Екатерина бесплодна, и это будет поводом для прихода на трон в Англии герцогов Оранских-Нассау. Они проведут «Славную революцию», в результате которой многое, что сейчас бесхозно, попадет в руки Англии. Требуется этого не допустить.

– А мне жаль, что ты закрыл дверь домой, не для нас, а для Сашки. Хотя очень хорошо, что мы ему не сказали, что существует тот мир.

– Дверь не закрыта, она заложена кирпичом изнутри. Когда понадобится, мы ее откроем.

– Позволь не поверить в это. Я же видела, что тебя, да и меня, тот мир практически перестал интересовать. Все, что необходимо, мы оттуда взяли, а пускать их сюда мы и не собирались!

– Правда? А как же Нобелевская премия?

– Вот змей, все он помнит!

Честно говоря, я не знал, что предложить Жуану IV, фактически он не в курсе того, какая судьба уготована его дочери. Он умрет за шесть лет до того, как ее выдадут замуж за Карла. Требовалось предупредить подобное развитие ситуации. А так как мы союзники и он умеет прислушиваться к хорошим советам, то требовалось с ним поговорить на эту тему. Екатерина на год старше Александра, еще совсем девчонка. Замуж ее будет выдавать мать и младший брат Афонсу, больной и неуравновешенный человек. Два года назад скончался старший сын короля Теодозιο, а следующий сын перенес заболевание, и у него парализована правая сторона тела – скорее всего, инсульт. Двор был небогат, золото в Бразилии еще не открыли, поэтому не слишком роскошествуют. Жить королю оставалось меньше года, поэтому стоило поторопиться. Необходимо было нарушить право

наследования и сразу передать титул самому младшему сыну, Педру.

Татьяна согласилась с тем, что навестить короля Португалии необходимо, а также вывезти его на острова и осмотреть, ведь он еще совсем молодой, чтобы умирать. Ему всего пятьдесят один год. Отправили ему письмо, пригласили на атолл Полуночной Луны. Место модное, многократно описанное во всех источниках, да и сам Жуан там бывал, поэтому вряд ли откажется.

Так оно и случилось, Жуан ответил согласием, и они решили, что прибудут вместе с женой. Она у него испанка, из рода герцогов де Гусман, что из Медины. По некоторым источникам, именно оттуда в королевский род было привнесено серьезное генетическое заболевание, связанное с деятельностью головного мозга. Этот недуг преследовал весь род на протяжении трех веков.

Мы прибыли в Лиссабон в начале апреля на новом крейсере «Ярослава Выборгская». Нам для стоянки выделили королевский док Doca do Bom Sucesso недалеко от Торо де Белем, знаменитой башни в устье реки Тежу. В док мы, правда, не поместились, но неделю жили в этой башне, превращенной королем в роскошные апартаменты. Крейсер стоял на двух якорях в устье Тежу и служил местом для паломничества. Правда, на борт никого не пускали.

Первую неделю шли переговоры по торговым соглашениям между Португалией и Россией (Выборгом). Дело было в том, что требовалось расширить договор, так как заключен он был еще в те времена, когда мы с Татьяной были князьями Выборгскими. С Россией Португалия не имела дипотношений и не была связана никакими договорами. Положение изменилось, и приходилось адаптировать все заключенные договоры к современным условиям.

Вместе с крейсером на рейде стояла яхта «Татьяна», первый наш военно-морской корабль, который был переделан в царскую яхту. Крейсер имел четыре трехорудийные башни калибром 180 миллиметров в качестве главного калибра и шесть двухорудийных, универсального 100-миллиметрового калибра башенных щитов, расположенных по бортам. Всего двадцать четыре орудия. Он имел две паровые турбины, работающие на генераторы, и электроход. Для него были впервые изготовлены винты изменяемого шага, которые имели возможность флюгироваться под парусом. Три мачты несли почти четыре с половиной тысячи квадратных метров парусов. Это меньше, чем несли все остальные корабли, но башни не давали возможности установить большее количество мачт. Ради вооружения пришлось немного пожертвовать ходом. Тем не менее, из-за

более удачной конструкции винто-рулевого комплекса, крейсер не уступал в скорости крейсерам типа «Т». Этот поход был для крейсера первым. После похода будет принято решение о строительстве серии таких.

Татьяна и королевская чета Браганса следовали на «Татьяне», она гораздо лучше оборудована для увеселительных прогулок, нежели полностью стальной крейсер с его скромным обаянием профессионального бойца. Я же с Александром на крейсере сопровождал яхту на переходе.

Мы прибыли на атолл и разместились во дворце, а крейсер убыл в поход до Нововыборга и Сент-Джонса. Там на островах и удалось завязать беседу с Жуаном. У него достаточно плохо с митральным клапаном и сильно опухают ноги из-за слабого сердца. Помочь мы ему не можем, и тогда я заговорил о том, что было бы непростительной ошибкой передавать королевство, и без того ослабленное постоянными войнами, в условиях того что Испания еще не вернула Бразилию полностью, сыну, который не желает заниматься государственными делами. Я пообещал поговорить с Филиппом Четвертым о судьбе Бразилии, с тем чтобы ускорить передачу колонии обратно Португалии. Королева-консорт Луиза – властная, но немного взбалмошная женщина, она не сможет самостоятельно управлять страной. Ей требуется мощная поддержка, чтобы удержать в руках власть. Такой поддержки у нее нет, и она сильно рискует, ведь большая часть дворянства – испанцы, и они будут решать за нее. Кортесы в Португалии достаточно сильны.

– Мы действуем вместе как союзники с тобой, Святослав, со дня моей коронации, и ты никогда не давал пустых или ненужных советов. Конечно, поручать страну больному ребенку нежелательно, но есть принцип наследования...

– Обратись к папе и получи разрешение на передачу трона младшему. А от всяческих напастей, которые, вероятно, последуют после твоей смерти, возьми у меня гвардейцев, которые будут охранять королеву, пока Педру не вырастет. Наш договор позволяет тебе пригласить мои войска для охраны и обеспечения безопасности в стране. Имея на рейде вот такие крейсеры, как мои, она будет в полнейшей безопасности.

Португалия подписала договор об экономическом и оборонительном союзе с Россией. Нам было выделено место для строительства военно-морской базы и узла связи флота в Сетубале, который находится неподалеку от столицы в устье реки Садо. Место довольно примечательное, потому что на него претендовал сам Филипп IV, дескать, его вотчина. А узел связи был построен на неприступных болотах устья реки Фаро. Там много торфа, который требуется для мощных генераторов.

Очень обиделась рота гвардейцев, которую направили служить в Лиссабон: ее разоружили, и, кроме бронежилетов из СВМ и касок из этого материала, все остальное вооружение у них было португальским. Все нарезное оружие находилось на складе в Фаро, до которого еще надо добраться. Но южная часть Португалии неоднократно переходила из рук в руки от Испании к Португалии, поэтому расположить базу там было необходимо. Главной базой стал порт Фаро, где можно было скрыть черта в оригинальной упаковке, а очень удобная гавань в Сетубале довольно долго была вспомогательным пунктом дислокации. Слишком близко к столице, отсюда повышенное внимание со стороны иностранных разведок.

В ноябре король умер от сердечного приступа – обширный инфаркт. После него остались пятеро детей и несколько истеричная Луиза, королева-консорт. Консорт – это «ненастоящая», не имеющая права на престол. Послом туда я направил князя Василия Ивановича Долгорукого, одного из сыновей министра обороны. Он шепутной и страшный бабник, ни одной юбки не пропустит. Один из первых в России закончил корпус, командовал несколькими «Татьянами», принимал участие во всех военно-морских операциях. Эдакий гусар, жуир и свой человек в одном флаконе. Можно было поручать серьезные дела, а потом со смехом слушать то, что он докладывал. Умудрялся находить смешное практически в любом эпизоде. Через некоторое время он стал ближайшим другом королевы-матери и Екатерины. Еще через некоторое время женился на забеременевшей Кате, через этот брак принес в Россию три крупных порта: Танжер, Луанду и Бомбей. Екатерина умудрилась выносить сына Долгорукого, которого папа – Василий Иванович, а не Иннокентий XI – посадил на престол в Португалии вместо полусумасшедших Браганса. Кстати, Екатерина и Василий очень любили друг друга и вообще служили образцом семейной пары, несмотря на шепутной характер Василия. А Екатерина полностью обрусела. Больше детей выносить она не смогла и всю свою любовь отдавала сыну и мужу. Она была крупная, фигуристая, а Василий был худощав и маленького роста. Смотрелись они уникально, особенно на пляже Полуночной Луны, когда Екатерина подняла уснувшего после обильного возлияния мужа и понесла его на руках по пляжу в «домик», где они остановились.

Вместе с голодом в Англию пришло, наконец, понимание, что быть изгоем не слишком удобно. Вначале, естественно, они делали вид, что у них все пучком, надеясь закупить все во Франции, и французские торговцы их решили не подвести и попытались заказать хлеба больше. На себя и на

того парня. Однако меня этот вариант не устраивал, и я пригрозил остановить поставки во французские порты в Атлантике. Своя рубашка оказалась ближе к телу, поэтому муку перестали перепродавать на остров. Те сунулись к датчанам, у которых давно был налажен канал снабжения – почти вся Скандинавия питалась за счет поставок из России и Выборга. Но англичане не учли, что количество закупаемого ежегодно хлеба мне известно, и при попытке закупить больше, посредникам было отказано. Хлеб требовался всем, даже в Новом Свете. Швеция и разговаривать с англичанами не стала, так как незаметно поставить такое большое количество не могла.

Вышли напрямую, давно отсутствовавший английский посол явился в ноябре в Выборг. Граф Карлейль прибыл на двух кораблях с огромным количеством слуг, дьячков и секретарей. Было видно, что англичане решили забить собой все вокруг и всерьез рассчитывают обосноваться в Выборге. Маленький домик бывшего посла Кромвеля им не подошел, они, через Артамона Матвеева из Посольского приказа, обратились с просьбой построить большое посольство. Усселинкс им отказал в этом удовольствии и выселил посольство в Москву. Там у них был большой дом, который было приказано перестроить в каменный. Здесь, в Выборге, использовать только то здание, которое есть. Плюс до вручения верительных грамот разговор вообще беспочвенный. Мы свое посольство давно из Лондона отозвали, еще во времена Кромвеля.

Первые неудачи не смутили посла, и он записался на прием, временно распахав свою свиту по гостиницам. Уезжать в Москву он, было отчетливо видно, не собирался. На прием прибыл не один, а в сопровождении шестнадцати человек. Заметно влияние французского двора, и граф даже по-английски говорит с французским акцентом. Очень много украшений, рюшек, камзол голубого цвета расшит золотом. Этикет ему известен, довольно опытный дипломат. Русского, правда, не знает или скрывает это. Вся беседа шла через двух переводчиков. Томас не нашел на графа никакой информации кроме того, что он давно в свите Карла и жил с ним в Париже. Кстати, в посольстве вообще не оказалось женщин, что подозрительно. Последовала попытка вручить верительную грамоту, которую я остановил:

– Господин граф, мы вот уже шесть лет не поддерживаем дипломатических отношений с королевством Англии и Шотландии из-за принятия ими совершенно незаконного и недружественного Навигационного акта. Торговых отношений между нашими странами нет, и для меня не совсем понятна цель вашего появления здесь, да еще и с таким обозом. Мне докладывали, что вы привезли с собой более ста человек. Что

означает сие посольство?

– Ваше величество, все происходившее после смерти отца нашего монарха является незаконным, враждебным и обращено в ноль указами нашего короля, его королевского величества Карла Второго. Мне же поставлена задача не только основать настоящее посольство, но и пригласить вас создать такое же в Лондоне. Их королевское величество дал указания не препятствовать более установлению новых отношений с Россией. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, ради которого и была затеяна эта экспедиция. Их величество поражен красотой и умом царевны Ярославы, поэтому и был послан такой большой состав, который будет еще увеличен, если будет ваше дозволение построить в Выборге наше посольство. Дабы показать ее высочеству всю прелесть и обаяние британского двора.

Угу, а оно мне надо? И Руське! Ей только рогов от этого козла и не хватает! Но этикет не позволял выпроводить свата немедленно. В действительности, по докладу Усселинка, в составе посольства множество людей из двух университетов и полным-полно механиков. Приехали секреты воровать. А пышный хвост, который распустил этот павлин, всего лишь маскировка.

– Дорогой граф, разрыв отношений был вызван принятием Навигационного акта, и до тех пор, пока этот закон не отменен, ни о каких отношениях и речи быть не может. Тем более, разговоров о браке.

– Его величество король Карл Второй готов предоставить исключительное право русским судам входить в порты Англии и Шотландии, но желает восстановить существовавшее со времен Ивана Ужасного привилегии для английского купечества в виде права беспощинной торговли и разрешения торговли внутри России нашими товарами.

– А что вы можете предложить в качестве товара?

Этот вопрос поставил в тупик графа. К такому повороту событий он не был готов. Фактически предложить Англии было нечего. Не выпускает она ничего такого, чтобы было интересно нам. Шерсть? У нас качество шерсти выше, мериносов из Испании Англия еще не получила, поэтому их короткошерстные овечки нам не нужны. Сталь? Сталь они делать еще не научились. Механические хронометры? Наш Бреге делает их значительно лучше. Да и со стандартами у них совсем беда. Видя замешательство графа, я перешел в атаку:

– К сожалению, я не вижу вас как преимущественных торговых партнеров: нищая небольшая страна, практически без товарного

производства. Но тщетно пытающаяся занять какую-нибудь нишу на европейском рынке, не брезгующая работорговлей, неоднократно была схвачена за руку на пиратстве, попытке шпионажа, незаконном лове рыбы у наших берегов, к тому же закрывшая от всех свой рынок и крайне отсталая из-за этого. Поэтому ни о каком послаблении для английских товаров на нашем рынке и речи быть не может до тех пор, пока ваш рынок будет закрыт для нас и пока не начнете, как все, использовать мой тоннаж для перевозки океанских грузов. Не урегулировав эти вопросы, нет никакого смысла разговаривать о сверхпосольствах и тем более о династических браках. Решайте эти вопросы, а после и поговорим.

– Но, ваше величество, есть еще одна проблема, которая требует немедленного решения. Вы блокировали продажу нам вашей муки, а положение Британии таково, что без этих поставок на кону будет стоять жизнь нашего монарха, да и всего народа.

– Без отмены Навигационного акта разговор не имеет смысла. Ни одной тонны не будет продано на английские корабли. Есть отличная пословица на эту тему: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Для Англии этот гром прозвучал. Креститесь! Вы свободны, если не имеете полномочий от вашего короля аннулировать этот документ.

– Мне требуется две-три недели, ваше величество.

– Отправляйте в Англию ваших шпионов, дозвоительно оставить пять – десять человек, остальных – чтоб и духу не было завтра. Так и передайте королю, что без полной отмены незаконного акта никаких отношений не будет. И мне все равно, что произойдет в Англии.

Усселинкс проследил за отправкой посольских и доложил, что осталось всего шесть человек, в основном слуги графа. Всех «ученых» отправили назад, поскольку обходиться без слуг граф не привык. Так что половина дела сделана. Теперь будем ждать реакции короля. Если англичане успеют проскочить проливами. Ведь на носу зима. Лед встанет, и будет не доставить хлеб морем. Впрочем, можно «ЛК-2» задействовать. Или выполнить поставки из Нововыборга в шотландские порты. Так даже выгоднее, так как прищемим англичан в пользу шотландцев.

Конечно, самое тяжелое положение было не в Англии, а в Ирландии, там уже совсем плохо. Кромвель недавно оккупировал эту страну и издал указ, переселяющий всех ирландцев в провинцию Коннахт – каменистую полупустыню на западном побережье. За выход из резервации была положена смертная казнь. Солдатам платили за голову убитого ирландца сдельно. Совершенно естественно, что в планах короля эти головы и желудки отсутствовали. Но не в планах Усселинка, кстати на четверть

ирландца. Он подошел ко мне и предложил немного поддержать соплеменников его деда. В его планах не было ничего национального, вовсе нет, но хорошенькая шпилька в задницу Карла Второго обеспечена!

И одна из «Букашек» с грузом муки, картофеля и пороха со свинцом отошла из Нововыборга. К сожалению, ни один из портов Ирландии в графстве Коннахт не был способен принять такой корабль. Места там мелководные, и дока в Галуэйе еще не было. Поэтому предстояла достаточно сложная операция по доставке груза с выгрузкой на рейде, да еще и в чужих водах. Поэтому на судно высадились морская пехота из Нововыборга, а прикрывал всю операцию крейсер «Т-103».

Подошли к Аранским островам, здесь произвели первую высадку на берег, чтобы установить контакты с мирным населением. Встретили нас враждебно и очень настороженно. Здесь интересное место: все поля под картофель сделаны вручную и огорожены камнями, вытащенными из этого поля. Острова меньше других пострадали от засухи. Но поля вычищены, урожай собран. Ребята Усселинка пошли на какую-то встречу, а вокруг морских пехотинцев образовался круг людей с палками и вилами, что-то возбужденно обсуждавших. Выручил морской пехотинец, женатый на выходке из Фландрии, который вытащил кисет с вирджинским табаком и сладкой папиросной бумагой из сахарного тростника. Предложил закурить самому горластому, обратившись к нему на фламандском. Его поняли, протянули руки, и кисет пошел по кругу. Выяснилось, что мы не англичане и пришли не воевать, хоть и с оружием.

– Сколько у вас в деревне дворов? – спросил Иван Пантюшин, который начал этот диалог.

– Сорок хозяйств здесь и тридцать в Килронане.

– Что на большом острове творится?

– Не знаем, давно там не были, англичане лодки забрали.

Еще новость, это ведь тюрьма получается! На острове, и без лодок! Деревьев здесь практически нет, топят коровьими лепешками и мелким кустарником.

Вернулись кагэбэшники, они привели старого седого деда с тремя подводами. С катера на подводы перегрузили мешки с мукой, но только их. Десант снялся с берега, но на корабле появился немного странный, сильно заикающийся человек в черном клобуке. То ли монах, то ли беглый каторжник, так как на руках у него язвы от кандалов.

Ночью снялись с якорей и, не зажигая огней, проследовали в залив Галуэй, но пошли не в сам порт, а в небольшой залив Кинвара. Там, под стенами старинного замка, отдали якоря и начали выгрузку. Странный

незнакомец оказался ссыльным владельцем этого замка – замок назывался Дан, или Дун по-ирландски, – он из рода Гуайре Айдне, короля Коннахта. Давно низложенного, но старинного рода, которому некогда принадлежала вся эта провинция. Англичане его сослали на остров. Замок сильно разрушен, но есть солидные подземные сооружения, куда и перекочевало оружие, продовольствие и немного денег в английских фунтах. Через некоторое время к стенам старого замка стали подъезжать люди и, переговорив с хозяином, грузить продовольствие – для голодающих во внутренних селениях графства. Граф Артгал, так и не снимая своего клобука, распоряжался уже небольшим отрядом воинов. У тысяч ирландцев появился шанс выжить в эту зиму. Мы ушли, пообещав прислать еще два корабля с мукой и картофелем.

Король же дал ответ в то время, когда доставка в Англию стала проблематичной. Ла-Манш замерз, и через Швецию был доставлен ответ Карла Второго. Ему пришлось собирать парламент для отмены Навигационного акта. Под угрозой голода, парламент минимальным большинством билль об отмене поддержал. Муку мы доставили из Перу в Терсо на севере Шотландии. Остальные порты Англии были закрыты из-за ледовой обстановки. За доставку во внутренние районы Англии отвечала небольшая шотландская компания, буквально озолотившаяся в ту зиму. Общие потери населения в самой Англии за зиму составили полтора миллиона человек. Произошла целая серия голодных бунтов, и армия с трудом справлялась с ними. Армию Карл создал довольно большую, сорокатысячный корпус, но голод распространился не только на крестьян, но и заглянул в армейские казармы, поэтому к весне от корпуса остались рожки да ножки, а в Ирландии вовсю шла война. Обученные «инструкторами» Усселинка, ирландцы одерживали одну за другой победы.

Парусники из Нововыборга исправно доставляли и продовольствие, и боеприпасы для Ирландской Республиканской армии. Война шла необычайно жестоко. Пленных ирландцы не брали. «Как ты мне, так я тебе!» было лозунгом ИРА. Они поняли, что им места на этой земле король не предусмотрел. Ни одно судно из купленных королем зерновозов в порты Ирландии не зашло. Спасали своих, несмотря на провозглашенное равенство религий. Объявленные рабами ирландцы не входили в сферу интересов короля. И они отыгрывались на королевских солдатах, на колонизаторах, приехавших из Англии. Вспарывали животы, отрезали головы, вели себя как настоящие дикари, ибо выбора никакого не было. Либо они их, либо наоборот. Ничем человеческим там не пахло. И

альтернативы не было: продовольствие поставлялось ИРА и распределялось среди его бойцов. Нет желания сражаться за Родину? Умри голодной смертью. В таком режиме все восемь миллионов ирландцев встали под ружье. Четыре миллиона мужчин и четыре миллиона женщин. Сражались все. Это была драка за возможность существования на Земле.

И они победили. Устаревшим оружием, невероятной жестокостью, вырезанием всех, кто не с ними. Борьба шла отчаянная, с огромными потерями, без каких-либо правил. Граф Артгал был распят, как Христос, когда попал в руки роялистов, но весной пал Дублин, последний оплот англичан на острове, и была провозглашена Ирландская Республика. Россия и Выборг были первыми, кто признал это государство. Вслед за этим Ирландию признал папа Иннокентий, уже Одиннадцатый. А потом весь мир. Ирландия сразу заключила оборонительный союз с Россией и разместила у себя три военно-морские базы. Первый визит республиканские власти, впрочем, нанесли не в Россию, а в Кронштадт и Нововыборг. Оттуда шло вооружение и продовольствие для свободной Ирландии. По улицам Нововыборга прошли люди, танцующие сиит и до земли кланяющиеся тем, кто прислал оружие и порох. «Мы – свободны!»

Европа долго приходила в себя после очень тяжелой зимы и полностью находилась в жесткой зависимости от поставок нашего продовольствия до самой осени, поэтому резня в Ирландии мало кого впечатлила. Карла подвела несвоевременная отмена Навигационного акта, порты Ирландии оказались перекрыты, а тех крох, что пришли в Ольстер, просто не хватило для всей армии, расквартированной здесь. Голодный солдат воюет плохо. Плюс мы поставили в Ирландию много черного пороха и большое количество трехфунтовых пушек, снятых с пиратских кораблей и их фортиков, корм для лошадей и своих инструкторов, которые обучили ИРА новой тактике войскового артиллерийского боя. Ее впоследствии успешно применял Наполеон. Обилие артиллерии позволило быстро разгромить войска маршала Монка. Новое вооружение мы не поставляли. С папой Римским списались заранее, и он выступил сразу после нашего признания республики и взял под свою защиту католиков-ирландцев. А Карл не мог организовать экспедиционный корпус, так как у самого войска требовались на месте.

Голодные бунты продолжались до самого сбора урожая. Сильно пострадала численность овец и другого скота. Их пустили на мясо из-за отсутствия кормов. Экономика пришла в упадок, и это опять сильно отразилось на последней колонии в Новом Амстердаме. Губернатор Нью-

Йорка, понимая, что выхода у него нет, сложил с себя полномочия, когда члены городского муниципалитета поставили вопрос о присоединении к Акадии или Нововыборгу. Известие о том, что Навигационный акт будет отменен, не пришло, поэтому приходилось выкручиваться самим. Бермуды, островаommerса, запасами хлеба и продовольствия похвастаться не могли. Им еще весной подкинули ирландцев, а на островах практически нет источников воды – либо морская, либо солоноватая, поэтому все заготавливают и хранят дождевую воду. А кто будет рабам отдавать ее? Восемьдесят процентов продовольствия на острова ввозилось. После разгрома пиратов у островитян было всего четыре маленьких фрегата с суммарной грузоподъемностью двести сорок тонн. Зато пушек на них было по сорок штук. Но пушки были несъедобные. В порты Испании и Нововыборга их не пускали, оставался только Новый Орлеан. Но это специализированный порт: хлопок и сахар. А требовалось зерно, солонина и другие продукты. Тут и выяснилось, что Франция присоединилась к санкциям против Англии, ничего продавать не станет. Волей-неволей пришлось идти в Кронштадт под белым флагом на переговоры. Капитан 1-го ранга Макаров потребовал освободить всех оставшихся в живых белых рабов, которым было предложено на выбор: либо вернуться в Коннахт, либо поселиться в Акадии, естественно, вольными людьми. Выяснилось, что французов ирландцы тоже не слишком любят, хотя Новая Бретань заселена такими же кельтами, как и они сами. И языки достаточно похожи. Но ирландцы хотят жить самостоятельно.

– Тогда возвращайтесь в Коннахт, там сейчас война, и граф Артгал всех мужчин зовет присоединиться к его войску.

– А как же женщины? Что будет с ними?

– В Ирландии сейчас воюют все.

– Но война не женское дело! Почему вы не хотите предоставить нам отдельное место для проживания?

– Потому, что мы не должны никому и ничего. Вас освободили, вы больше не рабы и теперь имеете право выбрать место проживания, но подчиняясь тем законам, которые уже существуют на этой территории.

– Но акадцы – не белые, они полуиндейцы.

– Продовольствие и оружие в Ирландию официально поставляет Акадия и индейское племя Унама'кик, по нашей просьбе. Так что считайте, что это они освободили вас от рабства.

– Они ваши союзники?

– Да.

– А если мы оставим наших женщин и детей здесь в Нововыборге?

– Здесь нет ни одной церкви, и мы не разрешаем их строить. Если это их устроит, то пусть остаются.

– Как нет церквей? Вы не веруете в господа нашего Иисуса Христа?

– А он вам помог, когда вас поработили и отправили умирать на Бермуды?

– А в Акадии?

– Там встречаются католические церкви, так что с этой точки зрения вашим женщинам будет там удобнее, почему мы сразу этот вариант и предложили, чтобы не создавать лишних точек напряжения.

Люди, только что ускользнувшие из лап смерти, боялись оказаться в новой зависимости. Ведь у них, как у бывших рабов, кроме рук, ничего не было. А в Новой Бретани далеко не все индейцы были мирными, там требовалось оружие, а купить его было не на что. Следовательно, все понимали, что предстоит наниматься в работники к французам, и остающиеся на островах люди выбрали Нововыборгские острова, где была работа и жилье. Но не было церкви. Хотели заработать, чтобы купить инвентарь, оружие и уже потом осесть где-то в другом месте. Далеко не все верили в то, что восстание завершится быстро и полной победой. Враг был силен, и, познав горечь поражения, они не спешили возвращаться обратно в Ирландию. Более трех тысяч человек переселились на Багамы и в Нововыборг.

Первое время к ним присматривались, заводили на них карточки, но большинство мужчин уехали воевать на родину, здесь остались в основном нерешительные или больные мужчины и такие же женщины, поэтому ассимиляция особых проблем не вызывала, хотя, несомненно, проходила более тяжело, чем с акадцами. Отказаться от борьбы за веру было сложнее, чем понять, что новая власть печется о людях больше, чем старая, и порядок много лучше, чем хаос.

Ирландцев дополнительно раздражал «индейский фактор». Краснокожие коренные жители имели равные права с остальными жителями островов, правда, «краснокожими» их называли только ирландцы. И это раздражало бывших рабов. Пришлось специально собирать на лекции в клубе, который у них заслужил название «новой церкви». Там и решился этот вопрос: кто-то из племени выучил ирландский танец и встал в ряд, мастерски исполняя сложные коленца. После этого создавшееся напряжение в отношениях начало спадать, а потом кто-то из ирландских девушек нашел свою любовь на берегах Брас д'Ор, и появился первый союз между индейцем и ирландкой. Хотя большинство ирландок долго ждали возвращения своих мужей и сыновей из Ирландии и

постоянно готовились к отъезду на родину. Но кровавое противостояние на полях сражений собрало богатый урожай, лишь немногим из живших на Нововыборгских островах удалось вернуться на зеленый остров.

Большинство осталось жить тут. Более того, постепенно сюда усилился поток ирландских эмигрантов, потому что условия жизни здесь и в Ирландии существенно отличались в лучшую сторону. Послевоенная экономика Ирландии восстанавливалась с большим трудом. Кто хотел, оставался жить на Севере, кого это не устраивало, отправлялся на заработки на юг, некоторые, скопив денег для заведения собственной фермы, покупали землю в Канаде и переселялись на континент в Акадию. Мы не препятствовали этому, сохраняя для людей возможность выбора. Все равно большинство людей оставалось здесь, самостоятельно принимая такое решение. Что называется, рыба ищет где глубже, а человек – где лучше.

Происходящие события в Новом Свете отчетливо высветили падающее влияние Англии и Испании в мире. При этом у англичан наблюдалось быстрое падение, они буквально сгорали в воздухе, а огромная Испанская империя отступала медленно, но верно, с каждым годом все более теряя возможность управления колониями и глубже залезая в долги к Выборгу. Вице-короли предпочитали обращаться к губернаторам Макаровой и Стрешневу по любым вопросам, минуя муторное согласование с Мадридом. Сельскохозяйственная империя занималась в основном обслуживанием новых промышленных предприятий, возникавших как грибы в сырую теплую погоду. Стрешнев высадился на Гавайях и в Северной Калифорнии, создал форты Росс, Новгород-на-Гавайях и Новый Архангельск. Занимался добычей золота, строительством сталеплавильного завода в устье Новой Невы, которая в наше время носит название Фрезер. В планах обоих губернаторов строительство Трансканадской железнодорожной магистрали. Добро от меня получено, и в Нововыборге монтируется первый прокатный стан для выпуска стальных рельсов. Железная дорога соединит четыре новых города Новой России: Нововыборг, Новомосковск (бывший Новый Амстердам и Нью-Йорк), форт Росс и Новый Архангельск. Заодно, отдельными ветками, к ней присоединятся акадские города: Квебек и Монреаль. Договор об этом уже существует, чему сильно противится Париж.

Перенос активности в Новый Свет неплохо отразился на делах в Европе. Франция, хоть и продолжала грозную риторику по отношению к Испании и России, но воевала в основном с испанскими владениями в

северной Италии, так было безопаснее и приносило пусть небольшие, но доходы. Мазарини попытался создать коалицию для похода на Москву, но у него ничего не получилось, кооперироваться было не с кем. Плюс распоясавшаяся Фронда постоянно давила на него, и он все чаще подумывал об отъезде из Парижа. Финансовые дела у Франции были далеко не блестящи. Упали заработки от текстильных мануфактур, те не справлялись с конкуренцией со стороны российских фабрик, а плантаторы Луизианы предпочитали продавать хлопок, еще на корню, в Выборг. Тем более что фрахтовать все равно приходилось выборгские суда. Фронда же ничего революционного предложить сама по себе не могла, тем более что молодой Людовик достаточно активно общался с парижанами и сумел перенастроить их на поддержку самого себя. Мир с Фердинандом III, императором Священной Римской империи, которого Мазарини и Людовик хотели обратить против России, чтобы восстановить Польшу, некоронованный король которой болтался в Вене, созданию коалиции не помог. Фердинанд упорно не соглашался начинать новую войну из-за того, что у него на территории активно действовали многочисленные шайки бывших солдат, и империя стояла перед угрозой полного распада на мелкие княжества и королевства. Лишь год назад пятилетние усилия короля позволили установить порядок на собственной территории. Император больше занимался сочинительством опер, чем политикой, кстати, музыкант он был талантливый и писал очень неплохие оперы. Здоровьем не отличался, и подрастающий сын Леопольд уже спал и видел себя на троне. Временное затишье перед бурей войн за Испанское наследство продолжалось, что позволило мне продолжить строительство новых машиностроительных предприятий по всей европейской части страны.

И тем не менее я не упускал из виду события, происходившие в Америке и вокруг нее. Удобно расположенные колонии на островах плотно перекрывали подходы к материку, не давая остальным странам произвести массовую высадку. Отдельные корабли с переселенцами прорывались к заветной цели, но новые поселенцы очень быстро попадали под зависимость от наших товаров. Пару раз попадались особо резвые, в этом случае мы подключали Унама'кик, а они, в свою очередь, каких-нибудь соплеменников. Следовало нападение, после этого у резвых либо включались головы, либо они их теряли. В целом, два прошедших года с момента коронавания Карла II в Англии, в Новом Свете прошли спокойно. Ирландская революция отвлекла внимание всех от Нового Света. В Европе напряженно следили за тем, что происходит на равнинах и в скалах острова. Рождалась новая-старая страна, в муках и кровавых битвах. Ей

предстояло найти свое место в истории, тем более что старинные роды сильно пострадали от нашествия Кромвеля.

Губернаторы Нововыборга и Князево-в-Перу активно подгребали под себя все, что плохо лежало, в Америке. Стрешнев активно шел на Север по тихоокеанскому побережью. Заручившись вниманием и поддержкой королевы Португалии, русские корабли все дальше уходили на юг Атлантики, к таинственным берегам Антарктиды, Австралии и Новой Зеландии, не забывая прибирать к рукам индийские и восточноазиатские колонии лиссабонских властителей. Князь Долгорукий с супругой провозгласил себя вице-королем южных владений, откуда в метрополию вновь потекло золото, ценные породы деревьев, чай, хлопок, кокосовое масло, сизаль и капка. Супруга, перед которой открылась дорога к главному трону, во всем ему потакала.

В 1656 году Александру исполнилось шестнадцать лет, и пришла его пора попробовать на вкус управление государством. Стрешнев, из-за огромных расстояний, был не в состоянии уследить за всем: у него под началом оказались территории Австралии, Западной Акадии (так теперь называлась Канада), Приморья и Камчатки. Я решил разделить зоны ответственности и, несмотря на легкое сопротивление Татьяны, которая настаивала на университетском образовании сына, на два года отправил его во Владивосток – пусть сам поучится создавать города! – с задачей построить три крепости: Владивосток, Петропавловск-Камчатский и Новоархангельск. Тридцать шесть грузовых и военных кораблей Выборга и России ушли в экспедицию.

Предстояла первая русско-китайская война. Маньчжуры к тому времени основательно обескровили Минскую династию и безраздельно владели большей частью Китая. Как раз начался поход Циней на юг, и Москва получила угрожающее письмо из Пекина: от нее требовали уйти с освоенных территорий и прислать головы даурских и эвенских вождей, присягнувших московским царям.

Под руководством Ивана Долгорукого Александру предстояло поучаствовать в этом дальнем походе. Иван Данилович уважительно и почтительно отнесся к участию царевича в походе, несмотря на то обстоятельство, что тот только первый штатный курс корпуса закончил. Так как Александр учился в корпусе с детства, то всеми необходимыми навыками для морского и сухопутного похода владел. Неплохо управлялся с оружием, как со стрелковым, так и с технологически сложным. В походе на него легла именно эта часть службы: разведка, наведение, корректировка. На вооружении корпуса морской пехоты, отправившегося в

плавание, были и беспилотники, и артиллерия. В том числе и первые самоходные орудия. Их было необходимо испытать на поле боя в достаточно сложных условиях. Самому мне Госсовет отказал в участии в этой экспедиции и довольно долго решал вопрос о необходимости наследнику ехать к черту на рога. Войнушку для него можно было соорудить и где-нибудь поближе. Но несмотря на все препятствия, вопрос был решен в пользу Сашки, и он с удовольствием распрощался со всеми и помахал отцу с матерью ручкой с борта «Ярославы Выборгской».

В составе эскадры было три крейсера, четыре «тэшки», и в трюмах «букашек» везли речные бронекатера. Большая часть из них составит основу будущего Тихоокеанского флота, базу для которого заложили еще шесть лет назад. По суше в сторону Владивостока в прошлом году отправился конный казачий корпус и многочисленные обозы с переселенцами. Предстояло встать на Дальнем Востоке так же твердо, как в Нововыборге и Южной Америке.

Александр, которому предстояло стать Первым

Вкус к морским путешествиям отец и мать привили мне с детства. В далеком теперь уже, 1646 году на Северном Березовом острове я с такими же мальчишками под руководством старого боцмана Кириллыча впервые самостоятельно отдал носовой и оттолкнул шестивесельный ял от причала летнего лагеря корпуса.

– Весла! На воду! Два-а-а, раз!

Тяжеленное ясеновое весло под углом входит в воду, кисти рук разворачивают его вальком вертикально, ноги упираются в переделанные под рост упоры, спина разгибается и почти ложится на банку. Кисти проворачивают валец, задавая обратный угол лопасти весла, и течение воды выталкивает его на поверхность. Используя массу весла как опору, я помогаю себе согнуться и податься на максимальное расстояние вперед, еще раз проворачиваю валец, готовя весло для входа в воду. И так – бесчисленное количество раз, пока не раздастся команда: «Весла! Суши! Весла! Шабаш!» И любимая команда: «Рангоут ставить!» Значит, дальше пойдем под парусом! Будет журчать вода, изредка звучать команда: «К повороту!», можно будет отдохнуть, расслабить спину и горящие от весла ладони. Но и здесь требуется умение и сноровка! Как-то намотал себе шкаторину на кулак, чтобы не держать натертыми ладонями жесткий конец, так получил хороший подзатыльник от Кириллыча, чтобы не сачковал.

– А ну как шквал придет? Зажмет у планширя, и без рук останешься, дитя малое! Как показал, так и держи!

Нас он всех потчевал кого подзатыльником, а кого и линьком. Море скидок на возраст не делает, вот и боцман их не делал. Курсанты его побаивались, в том числе и я, хотя человек он был не злой, вечером мог рассказать у костра много чего интересного.

Учеба давалась мне легко, вот только отец и мать частенько нагружали дополнительными занятиями. Особенно мама, которая с четвертого курса вела у нас естествознание, физику и математику. С меня она спрашивала гораздо больше, чем с остальных, правда и дополнительно много со мной занималась. Помимо корпуса требовала приходить к ней в университет и там допоздна заниматься в химической и физической лабораториях. Мама

кроме корпуса преподавала и в университете. Отец тоже преподавал и там и там, но больше внимания уделял корпусу. И у меня было больше практики, чем у остальных, потому что приходилось частенько сопровождать родителей в их поездках в другие страны. Отец ставил меня на вахты наравне со всеми, учил тактике, маневрам, использованию оружия. В общем, когда решался вопрос о том, пойду ли я в экспедицию на север Тихого океана, я сразу сказал отцу, что очень хочу участвовать в ней, несмотря на протесты со стороны матери и Госсовета России. Я уже не маленький, чтобы прятаться за мамину юбку!

Отец взлохматил мне волосы, услышав мое мнение, слегка улыбнулся и сказал, что не возражает. И вот я уже на борту крейсера, названного по имени моей младшей сестры, стою на торжественном построении между офицерами корабля и матросами. Воинское звание у меня – курсант, и это моя практика. Из корпуса я один направлен на «Ярославу». Остальных раскидали по другим кораблям. Как сказал по отходе Иван Данилович Долгорукий, я буду проходить практику как его заместитель. Именно поэтому других курсантов на корабле нет.

Оркестр заиграл заходение, раздались выстрелы сигнального орудия – на борт поднялись отец с матерью, это их так встречают. Отгремели залпы салюта, прозвучал доклад генерал-адмирала Долгорукова, отец с матерью поприветствовали команду, все кричат «ура» под новые залпы «сигналки». Мама улыбнулась, проходя мимо меня, и чуть кивнула головой в короне. Под звуки оркестра они сошли на берег, а на палубе зазвучали свистки боцманов, загремели команды, все разбежались по боевым постам. Я рванул в ходовую рубку, где по штату должен был находиться. Удалось помахать родителям рукой.

Подан буксир, отданы концы, между корпусом и стенкой появилась полоса воды. Рев гудка, мы выходим из Высоцка, главной военно-морской базы Выборга и России.

Крейсером командовал молодой капитан-лейтенант Бахметьев. Но он из первых выпусков корпуса, бывалый и отчаянный офицер, участник многих походов. Опыта у него гораздо больше, чем у генерал-адмирала – морского, имеется в виду. С помощью УКВ-радиостанции он направляет остальные корабли по местам в ордере, он – флагман. Спустя полтора часа все корабли добавили парусов вслед за лидером, и эскадра набрала полный ход, направляясь на выход из Финского залива. А мне принесли телеграмму, подписанную мамой, где она желала мне семи футов под килем. Положил свернутый кусок бумаги в левый внутренний карман кителя. Я вахту не стою, поэтому вместе с князем отправился вниз в

адмиральский салон. Там Иван Данилович устроил небольшое совещание, где, коротко пока, ознакомил офицерский состав крейсера с ближайшими задачами и объявил конечный пункт перехода. Первая стоянка будет на острове Мадейра, который подарила королева Португалии своему мужу, племяннику генерал-адмирала.

Один за другим потянулись дни перехода, внешне похожие друг на друга. Изредка попадались встречные корабли, которые старались держаться подальше от эскадры. В основном машины не использовали, только при проходе датскими проливами. Скорость в эскадре выравнивали по скорости танкера «ТН-102», который в бакштаг давал не более пятнадцати узлов. Он шел в полном грузе, и от него многое зависело. Трое суток на Мадейре принимали свежую воду, продукты, отдыхали на берегу, наслаждаясь приятной погодой, эшпадой и почти бесплатным молодым вином.

Затем новый переход, теперь до русского порта Новокемск в колонии Капа, отец его иногда называл Кейптауном или Капстадом почему-то. Новокемск был построен в 1647 году на пустом берегу Столовой бухты у подножия Столовой горы капитан-лейтенантом Семеновым. Тот родом из Кеми, поэтому так и назвал свой форт. Сейчас это уже не только форт, но и небольшой город, образовавшийся вокруг форта за десять лет. Две довольно высокие горы, Сигнальная и Столовая, надежно закрывают порт и город от сильнейших ветров, круглый год дующих с юга и представляющих серьезную угрозу для парусных судов и кораблей в районе мыса Доброй Надежды.

Эскадра прошла под машинами опасный участок и вошла в Индийский океан. Теперь держим курс на Коломбо, бывшую португальскую, а теперь русскую колонию на острове Цейлон. Юго-западный муссон весело подгоняет корабли в направлении Индии. Колония довольно проблемная: во-первых, совсем недавно перешла под российское управление, во-вторых, фактически, кроме порта и небольшой крепости и нескольких кварталов, построенных португальцами, вся территория принадлежит местным сингалам, а в центральной части острова еще встречаются коренные жители – ведды. В северной части живут тамилы. На острове существуют три государства: Канди и Котте – сингальские, и Джафна – тамильское. Котте официально присягнула вначале Португалии, а теперь и России, а два других правителя делать этого не хотят, пытаются сохранить независимость. В наследство от португалов досталось несколько католических священников и церквей. Но основным вероисповеданием на острове является буддизм. Канди наиболее привержены ему, к тому же

владеют Зубом Будды – священным зубом, якобы найденным в костре, в котором кремировали Будду в 540 году до нашей эры. По местным поверьям, этот зуб дает неограниченную власть над людьми. И видеть его может только король. Упрятан в семи ларцах, последний из которых сделан из золота, в форме лотоса.

Долгорукий принял делегацию Котте, которая преподнесла подарки царю Святославу, генерал-адмиралу Ивану и мне. В основном это резные изделия из слоновой кости, золотые фигурки Будды, какие-то масла, некоторые из которых пахнут уж слишком резко. И довольно большое количество необработанных драгоценных камней. Здесь были хризобериллы – «кошачий глаз», аквамарины, аметисты, сапфиры. У мамы хорошая коллекция в университете, и там я уже видел такие. Их добывают неподалеку от Коломбо, и мама говорила, что поставки этих камней необходимы для Выборга. Еще одним заданием от нее было привезти чай из Китая, но это уже на обратном пути. Сейчас же речь шла только о том, что Россия будет поддерживать тех людей, которые начнут высаживать гевею, семена которой доставлены. Котте сразу же заговорили о том, что неплохо было бы немного надавать по шее королю Канди и отобрать у него Зуб Будды, но Иван Данилович заявил, что сейчас ему недосуг заниматься этим, тем более что он оставляет на острове губернатора, вот с ним пусть и договариваются. Если будет необходимо, тот имеет право применять силу.

Все эти визиты с завидным постоянством повторялись всю стоянку. Местное общество сильно раздроблено, и мелких правителей здесь выше крыши, так что капитану Уфимцеву, губернатору, будет совсем не скучно!

Наконец, Долгорукий решил, что запасы пополнены и можно отправляться далее. Корабли медленно вышли из гавани Форт-Коломбо и повернули на юг. Второй по величине город Махавамса, или Джаффну, решили не посещать, чтобы не терять времени. Местные очень гордятся древним происхождением, которое ведут от древнего Пали, считая, и не без оснований, его первоязыком на Земле. И из-за этого постоянно ссорятся между собой. На севере Цейлона живут тамилы, которые считают себя старше и важнее сингалов. Как это есть на самом деле, сам черт не разберет, так что поводов для многочисленных войн тут предостаточно. Но отец сказал, что этот остров ему нужен, а с ним не поспоришь.

Эскадра выстроилась в походный ордер и неспешно шла вдоль зеленых берегов гостеприимного острова. Обогнули мыс Дракона, ветер слегка усилился, появились небольшие барашки, и под форштевнем зашумела вода, огибая буи кораблей. Предстоял 1700-мильный переход к Зондскому проливу. Точных карт пролива у нас нет, поэтому экспедиция

там немного задержится, чтобы произвести топографические съемки. Этот пролив образовался не так давно – в шестом веке. В этом месте находится один из самых больших и активных вулканов на Земле – Кракатау. Отец говорит, что скоро здесь будет сильное извержение, поэтому важно сделать эту съемку. И поручил это мне лично. Так что готовлюсь вместе со штурманами остальных кораблей к этой большой работе. Решение идти именно Зондским проливом принималось в Выборге. Несмотря на то что Малаккский пролив контролируется дружественной нам Португалией, в районе Сингапура довольно много китайцев, связанных с династией Мин. Там же и шпионы их врагов. Поэтому было решено обойти густонаселенные районы знаменитого пролива.

Подгоняемые довольно сильным юго-западным муссоном, который в конце лета сменится на обратный, пересекли экватор и Северно-пассатное течение и вошли в полосу Экваториального противотечения, которое направлено прямо на Зондский пролив. Капитан-лейтенант Бахметьев передал на все корабли команду увеличить ход до максимального. Требовалось поторапливаться, чтобы не попасть на смену направления муссона. Корабли увеличили парусность и неслись по волнам, распушив стаксели. Командир с тревогой посматривал на юго-восток, где начинали собираться громадные тучи. В летние месяцы здесь, за экватором, зима с громадным количеством осадков. Так и случилось! Через сутки пришлось рубить стаксели и брать рифы у всех гафелей. Разразился очень сильный шторм. Но Бахметьев не давал команды лечь в дрейф и выпустить плавучий якорь. Корабли несколько разошлись, чтобы появилась свобода для маневра, и продолжали идти генеральным курсом сто сорок градусов. На третьи сутки шторм стал стихать, прекратился ливень, и из-за горизонта появились горы хребта Барисан острова Суматра. Затем «Ярославу» опять накрыл падающий водопад ливня, скрыв все вокруг. С широкополой шляпы у меня лились просто потоки воды. Но дождь был теплый. Вокруг сверкали молнии. Кто-то тронул меня за рукав. Это капитан Бахметьев. Слегка приподняв мне поля шляпы, он прокричал на ухо:

– Шли бы вы отдохнуть, Александр Святославович! Третьи сутки с мостика не уходите!

– Как и вы, Дмитрий Семенович!

– Вот и пойдемте вниз, теперь и вахтенный помощник справится.

Шквалов более не наблюдалось, и только бьющие вертикально молнии чуть в отдалении рокотали очень громким и продолжительным громом. Мы сошли с мостика и вошли в надстройку. Стоявший здесь вахтенный принял прорезиненные шляпы и плащи.

– Ели что-нибудь, Александр Святославович?
– Завтрак на мостик приносили, когда дождь прекратился.
– Вестовой! Накройте обед! Ну-с, рассказывайте! Приходилось такое видеть?

– Да, что вы, господин капитан-лейтенант. Такого светопреставления никогда не видел! На Балтике и в Атлантике такого не увидишь.

– Не совсем так, в Карибском море есть такое место, но дожди там не такие мощные, зато молний гораздо больше.

– У Маракайбо?

– Да.

– Мы там были, там это по-другому выглядит. Здесь волны очень большие, а там хоть и большое, но озеро. И вода совсем другого оттенка. Здесь очень глубоко!

Под разговоры обед затянулся, затем мы разошлись по своим каютам. Несмотря на ливень и шторм, по-прежнему в каюте душно, и постель слегка влажная. Чуть поворочавшись, я уснул. Это был самый сильный шторм, который мне доводилось видеть, но «Ярослава» прекрасно держит волну, и у нее достаточно плавная качка. Сильных ударов по корпусу не было. Впечатлений много, и мне снился сон, как будто я смотрю на корабль со стороны, от тучи.

Спал я долго, поднялся, когда было уже совсем светло. Судя по всему, проспал часов четырнадцать – пятнадцать. Иллюминаторы в каюте смотрели на северо-запад, и там было еще темно. Скорее всего, раннее утро.

Так и оказалось. Поднялся на мостик и остановился, глядя на открывшуюся красоту. Корабль вошел в пролив между Суматрой и Явой. Прямо по курсу над высокой горой поднимался столб дыма. Остров, на котором находился вулкан, был большим. И вулкан был не один! Сразу за ним, чуть левее, еще два, и четыре справа. Я сразу вспомнил, что отец говорил, что сам стратовулкан – так называются вулканы подобных размеров – находится прямо под нами.

Вершины всех вулканов были покрыты как будто снегом, но какой снег практически на экваторе! Это, конечно, что-то другое. И мне страшно захотелось немедленно высадиться на остров. По карте, которая имелаась у нас, островов в центре пролива должно быть четыре, но остров был один. Надо будет спросить у отца, кто рисовал эту карту! Первый из вулканов, обозначенный на карте как Кракатау, не был самым большим из всех, но дымился он сильнее. Вулкан на берегу Суматры и выше, и мощнее на вид, а по другую сторону пролива красовался гигант высотой не менее двух

километров.

Ближайший из вулканов имел в основании ширину более двадцати километров. Цепочка из четырех вулканов соединялась между собой. Лишь в одном месте неглубокий пролив отделял остров Кракатау от горы Райябаса. И в этом проливе тоже существовал вулкан.

Мы высадили десять групп штурманов, вооруженных теодолитами и оптическими дальномерами. У всех были с собой секстаны. Удивление вызвало только наличие деревень на берегах пролива. Берега не были пустынными. В этом ужасном месте жили люди и совершенно не боялись этих огнедышащих гор. На первом вулкане существовали шесть источников пресной воды и обнаружено восемь деревушек. На Яванском берегу крупнейшим поселением была деревня Себеси, можно сказать город, в ней около пяти тысяч жителей. (Сейчас один из вулканов в проливе называется в память о той деревне – вулкан Себеси. Ну, а деревни нет. – Прим. автора.)

Люди появились в этих местах очень давно, больше миллиона лет назад. Здесь найден яванский человек. Позже появился человек разумный. Наблюдалось несколько волн переселений. Вначале здесь прошли австралоиды, или ведды, те самые, которые еще встречаются на Цейлоне. Раньше их считали неграми из-за цвета кожи, но оказалось, что у них почти нет схожих признаков. Это отдельная раса. Они распространились по всем островам Тихого океана. За ними пришли монголоиды: вначале протомалайцы, затем дейтеромалайцы. В первых двух волнах были только собиратели, рыболовы и охотники, последняя волна переселения принесла с собой земледелие. В детстве мне очень нравилось бывать в Историческом музее Выборгского университета, куда наши моряки свозили диковины со всех стран мира. И я много читал об этих землях. Практику проходил, правда, южнее, в районе Австралии. Так что знаком с веддами и австралийцами. Малайцы вытеснили их с этих земель.

Огромным недоразумением выглядела почти полная исламизация этих островов. Они используют арабскую письменность и читают Коран, хотя до Аравийского полуострова отсюда больше пяти тысяч миль. И на дороге у арабов стояла Индия. На том же Цейлоне мусульман практически не было. Я сфотографировал, по просьбе мамы, манускрипты в местных мечетях. В джунглях не единожды, во время проведения топографической съемки, работавшие группы наталкивались на заброшенные индуистские «ступы» и храмы. То есть еще совсем недавно основной религией здесь были индуизм и буддизм. Но теперь всем заправляют мусульманские священники, большая часть которых, как ни странно, китайцы.

Впоследствии мама разобрала тексты, и оказалось, что чингизиды, Циньское царство, управляемое ими, в тринадцатом веке готовили захват этих земель. Готовились планомерно и на века. Они прислали сюда чужеродную религию, чтобы заранее подорвать истоки сопротивления. В общем, поступили как умная обезьяна, наблюдающая с ветки дерева за схваткой льва и тигра. Но затянувшаяся война с Минским царством такой возможности не предоставила. Хотя как сказать. Ближайшее крупное поселение китайцев находится в Сингапуре.

Две недели работы на берегах Зондского пролива принесли огромное количество впечатлений, схем, расчетов, рисунков и фотографий, которые было необходимо систематизировать и объединить в три темы. Чем я и занялся. А экспедиция продолжила свой путь, дождавшись смены муссона на пассат. Ветра теперь восточные-северо-восточные, ближе к восточным. Чуть «вмордотык», и килевая качка значительная. Оставляя Калимантан справа, корабли шли из Яванского в Южно-Китайское море. А я практически не вылезал из каюты. Уж больно много странностей оказалось связано с этим Зондским проливом! Точнее всего его описывала голландская лоция 1629 года, но и там наблюдалась путаница с глубинами и высотами. Пару раз ко мне заглядывали Иван Данилович и Дмитрий Семенович поинтересоваться, не заболел ли я.

— Да, у меня лихорадка, но исследовательская.

— Ну, это дело нужное, — ответили оба, видя, что делиться с ними информацией я не собираюсь. Просто мне вспомнились наставления отца: когда замечаешь что-то странное, очень странное, в первую очередь задаешь вопросы мне или маме, а уж потом вываливаешь это на окружающих. Что существует целый ряд вопросов, обсуждать которые с посторонними не следует. Тогда я задал вопрос: кто такие «посторонние»? «Все, кроме тебя, меня, мамы и Роськи». Я задал провокационный вопрос о Насте. «Настасью Гавриловну тоже беспокоить своими вопросами не стоит. Если тебе требуется ответ и знания по этому вопросу, то только ко мне или маме. Остальных это не касается». Вот и сейчас я не собирал мнения окружающих. На вопросы отвечал, что в этом районе наши корабли ранее не ходили и карта составлена на основании неизвестного источника. Поэтому и было приказано картографировать пролив.

Корабли довольно медленно поднимались на север, приходилось лавировать из-за заходящего все больше на север пассата. На вторую неделю плавания обнаружили группу парусов справа по ходу. Паруса были «наши». Шло несколько гафельных шхун, такое вооружение несли только

наши корабли. Так и оказалось: губернатор Князево-в-Перу прислал усиление для нашего отряда. Еще пять «букашек», один из которых был танкером, присоединились к ордеру на траверзе Лузонского пролива. Впереди была Формоза. Пришлось отложить не законченные вычисления и описания и принять участие в маневрах, которые устроил генерал-адмирал Долгорукий. «Букашкам» требовалось сплавывание с новыми «Ярославами». Маневрировали днем и ночью три дня, высаживали десант на необитаемый остров в Лузонском проливе. Лишь после этого тронулись к Формозе. Там на острове должны быть две голландские крепости или форты под названиями Зеландия и Провинция. И было неизвестно, кому они подчиняются: Испании или Республике Свободных Провинций. У короля Испании и без этих удаленных мест забот хватало!

Мы подошли к устью реки Хеди ночью. Карта опять не соответствует! Берега густо поросли камышом. Никаких молдов нет. Где-то в глубине несколько огоньков, и больше ничего. Спустили катер с десантом и боцманской командой промерить глубины. Разведка высадилась на острове на мысе Кунни. С раннего утра я выстрелил из катапульты и поднял в небо «визгуна». Пошли какие-то данные, хотя их перенос на карту был сложным, с большими пересчетами. Требовалось развернуть навигационную систему, а возможности для этого не было. Итак, опять полное несоответствие карты исходнику! Нет никакого острова Анпинь! Есть мелководная река Хеди, и в полутора километрах от ее устья находится кирпичная крепость. Она совсем маленькая: сто пятьдесят на сто тридцать метров. Вокруг нее деревянный забор, за которым располагается вполне европейский квартал. Флаг над крепостью – голландский. Второй флаг – Голландской Ост-Индской компании. Это существенно облегчает правовую сторону вопроса! С республикой у нас война неоконченная, а Ост-Индская компания реквизирована за долги в бюджет Выборга. Соответствующий документ имеется. Так что забираем свое!

Ловим сеткой между мачтами «визгуна» и направляем к форту переговорщиков. Нас, естественно, уже обнаружили, и в крепости идет приготовление к осаде. Из европейского квартала потянулись люди в цитадель. Парламентеров в крепость не пустили, от переговоров отказываются. Севернее форта сплошные рисовые поля, чистое болото, туда не сунуться. Южнее – китайские кварталы. Впрочем, здесь я ошибался: проживающее на острове племя называется сирайя. Они не считают себя китайцами. И правда не сильно похожи, и одежда совсем другая. Насчет языка – пока не знаю. Больше всего напоминают индейцев из Америки.

С вернувшейся разведкой на борт привезли вождя племени и его жену. В плен их не брали, сами вызвались на переговоры. Громадные корабли, галсирующие туда-сюда вдоль берегов, вызывали законное опасение. Появившихся в странных одеждах гвардейцев встретили настороженно, но не агрессивно.

Язык оказался не китайским, но повезло, что женщина и мужчина говорили на ломаном голландском, поэтому переводчики нашлись. Главой племени оказалась женщина, у них все признаки матриархата. Звали ее Аргунь. Деревня называлась Тайоан. В племени шесть родов, все возглавляют женщины. Некоторое время назад существовало седьмой род, Моатау, но его больше нет, голландцы в 1635 году его полностью уничтожили. С этого времени войны между племенами и деревнями австронезийцев прекратились, так как разгромить сильного, укрепившегося противника примитивным оружием они не могли. Впрочем, добившись смирения от аборигенов, голландцы не стали изводить их под корень и открыли миссионерские школы. Сейчас строят колледж для них. У сирайя есть даже письменность.

Любопытная, как многие женщины, Аргунь задавала множество вопросов, но добиться от нее ответов было очень сложно: мешал и языковой барьер, голландский она знала плохо, и куча незнакомых терминов, образных выражений, которыми изобиловала ее речь. Из слов ее мужа стало известно, что голландцев на острове около пяти тысяч. Двенадцать сухопутных орудий и по шестнадцать пушек на одиннадцати кораблях. Корабли все старые. Они пытаются возродить Голландию, надеясь, что дома свергнут короля Испании и флаг Голландии еще будет реять над океанами. Так как переговоры с голландцами сорвались, то Иван Данилович спустил на воду бронекатер – его осадка позволяла войти в реку, и тот шестью выстрелами разворотил стену в цитадели. После этого на реке крепости на треть приспустили флаг и подняли до его уровня белый флаг с флагом «Кило» под ним. Начались переговоры.

От форта отошла шлюпка с поднятым голландским флагом. На носу стоял некто, одетый в вычурную голландскую одежду с широким белым отложным воротником и панцирем поверх камзола. На ногах высокие чулки, ботинки с бантиками, поверх панциря широкая лента с подвеской и орденом. На голове старинный испанский шлем. Он представился губернатором Формозы господином Фредериком Койетом. Я уже принимал участие в различных переговорах, но всегда рядом был отец, тут же Иван Данилович сразу представил меня как наследника русского царя и передал бразды переговоров мне. Дескать, как я скажу, так он и будет действовать.

Скажу все снести, так и будет.

Переговоры начались на палубе. У гостей под нашим бортом находилась шлюпка с белым флагом, рядом с губернатором стояли знаменосец, барабанщик и трубач. Голландцы еще на что-то надеялись. Я же знал из письма отца, которое недавно вскрыл, что китайский военачальник Чжэн Чэнгун, известный на Западе как Коксинга, готовит захват острова Тайвань, чтобы укрепить пошатнувшуюся власть династии Мин. Это я приберегу на потом. А пока к нашей компании присоединилась чета Аргунь, и у губернатора просто челюсть упала. Он еще надеялся, что сирайя встанут на защиту крепости. Из всей кучи вопросов, которые задала Аргунь, самым важным для нее был о том, что произойдет с ее деревней и родом. Она получила полный и развернутый ответ. Впрочем, русских уже знали в этих местах, и они ни разу не были замечены в грабежах и насилии. Но на Формозе их еще не видели. Сравнив размеры кораблей русских и голландцев, мудрая Аргунь решила встать на сторону сильного.

Справившись с удивлением, губернатор задал изысканный вопрос:

– Что привело вас, государь, в эти края и чем мы обязаны такому высокому гостю?

– Десять лет назад, в 1647 году, коалиция, созданная королями Испании, Португалии, Дании и княжеством Выборг, разгромила на море и суше так называемую Республику Свободных Провинций. А справа от вас я вижу флаг не признанного никем государства, которого десять лет как уже не существует.

Голландцы посовещались и передали на борт шлюпки это знамя, оттуда получили флаг ГОИК.

– Вот, замечательно, мы пришли по адресу! – я переглянулся с Иваном Даниловичем. Тот кивнул в ответ. – По условиям Валенсийского и Выборгского договоров, за возвращение испанской, португальской и датской коронам территорий их бывших владений, незаконно отторгнутых у них в результате нидерландской революции и последующей шестидесятилетней войны на море и суше, и в связи с односторонним расторжением Выборгского договора по строительству Волго-Балтийского судоходного пути в царстве Московском Голландской Ост-Индской компанией, компания признана банкротом, и все имущество ее передано во владение великого князя Выборгского на покрытие расходов на экспедицию и войну. Вот соответствующий документ, подписанный и скрепленный печатями королей Испании, Португалии, Дании и великого князя Святослава Выборгского. А это – заверенная Министерством имущества Выборга дарственная на эту компанию на мое имя. А меня не пускают в

собственные владения! Как это понимать? Очередная революция? Бунт? Так что мы сюда на законных основаниях прибыли, с ревизионной комиссией. Это – мой судебный исполнитель! – я показал на Ивана Даниловича. – А это – мои коллекторы.

Рука описала полукруг, указывая на корабли, солдат и матросов, стоящих по другому борту. Такого поворота событий голландская сторона не ожидала. Десять лет их никто не трогал, и они считали, что все долги списаны! Но русские всегда приходят за своими деньгами!

Губернатор хлопал глазами и не знал, как ему поступить. Шел на переговоры с врагом, считая себя на стороне правды и международного права, а оказался злостным неплательщиком и банкротом. Минут через пять он пришел в себя, краснота со щек исчезла, и он снова принял соответствующую позу.

– Ваше высочество великий князь Александр! Нас не поставили в известность о произошедших изменениях. Несомненно, законность будет соблюдена, и я прошу считать этот случай печальным недоразумением. Мы бы хотели отправить послание на берег и дать отбой военным приготовлениям. А пока шлюпка ходит, наша делегация хотела бы знать: какая судьба нам уготована и как быть с личным имуществом членов колонии и компании. – Он неоднократно отбил положенные по статусу поклоны, каждый раз выполняя сложные движения по протоколу.

И тогда я выложил очередной козырь:

– Мы постараемся защитить собственность и территорию колонии, действуя уже под русским и выборгским флагом. Нам известно о готовящемся вторжении войск императора Мин на остров. В настоящее время Россия находится в состоянии необъявленной войны с императором Цинь, и перед экспедицией стоит задача разгромить обе империи Поднебесной и обезопасить наши владения на севере и здесь. Остров Формоза станет главным форпостом нашей экспедиции, так как в районе крепости Владивосток скопления противника не наблюдается, все основные силы обеих империй сосредоточены южнее.

Голландцы, которые находятся здесь не первый год, португальцы из колонии Макао, были нашими естественными союзниками. Здешний мир малогостеприимен, закрыт и не желает никаких изменений. Оба императора Китая поддерживают стратегию самоизоляции, запрещают строить флот, натерпевшись от пиратов Южных морей. Судоходство здесь обеспечивает Япония, но и ее сёгуны не склонны общаться с представителями иных миров, как они величают всех, кто не находится в их подчинении.

Переговоры с голландцем продолжились уже в кают-компании «Ярославы». Ост-Индская компания зарабатывала как посредник почти во всех сделках между Китаем и Японией и между Европой и восточными гигантами. Да, после ликвидации Свободных Провинций доходы несколько уменьшились, так как приходилось делиться с англичанами, датчанами и остальными посредниками. Компания стремилась к развитию, но неопределенность юридического статуса и невозможность носить собственный флаг существенно ограничивала возможности. Теперь я понял замысел отца, почему он только провел разведку Зондского пролива, которым постоянно пользуется компания, но не послал эскадру громить Батавию. Голландцы сами ищут выход из положения: склады полны, а флота и флага нет. Так что с легкой руки господина Койета, при условии сохранения определенных прав ее акционеров, компания готова «стать под длань». А это – фосфориты, олово, золото, серебро, ценные породы дерева, медь, пряности и остальные прелести плюс обученный и заточенный под определенные нужды, выдрессированный и грамотный персонал, а также их знание района, правил и уровня бесправия на всех многочисленных островах Индокитая. А у нас есть флот, который требуется загрузить тоннажем. Его нужно обслуживать в этих отдаленных районах, обеспечивать топливом, провизией и водой. Так что взаимодействие и взаимовыгода будет приносить свои плоды.

Койет понял, что его пришли не грабить, а использовать. Он пока не понял и не ощутил на себе огневой мощи главного калибра новых крейсеров. По крепости работал довольно старый бронекатер с единственным орудием. Поэтому у Койета оставались сомнения, достаточно ли у экспедиции сил, чтобы поставить на колени две великие империи, в одной из которых проживает четыреста миллионов человек. Пришлось немного познакомить его с нашим видением будущего.

– Мы считаем, что уже в ближайшее время основным товаром, который будет требовать Китай, станет продовольствие. Экономику восточного побережья острова придется заточивать под производство риса. Для обеспечения оборота им понадобится серебро, а оно есть у нас и у японцев. Монополия на шелк уже ушла в прошлое: он производится почти во всех странах Индокитая и Азии до Средиземного моря. Большое количество выпускается в Венеции, Папской области, на севере Средиземноморья. И важнейшим потребителем шелковой нити являются фабрики Выборга, которые производят до сорока процентов всех шелковых тканей в мире. Фарфор? Да, некоторое количество изделий для высшего света, вероятно, понадобится, но основная масса товара производится

неподалеку от Выборга в среднем течении Невы. Тамошняя фабрика выпускает фарфор, не уступающий по качеству китайскому. Так что соревноваться Китаю придется с ними. И здесь на стороне китайцев привычный вид и восточные мотивы в оформлении. Русский фарфор имеет иной тип рисунка. Так что необходимо нацеливаться не только на вывоз в Европу, чем вы тут и занимались, но и держать руку на пульсе по ввозу товаров в Поднебесную. Четыреста миллионов человек могут поглотить огромное количество товара. У нас есть дешевая и качественная сталь, конструкционные материалы, сахар, ткани, лес, пенька, деготь, продукция химических предприятий, соль. Тоннажем и товаром мы вас обеспечим, требуется отказаться от того образа «носителей западных и христианских ценностей», к которому вы привыкли, изучать язык, создавать фабрики внутри Китая, чтобы не кормить массу посредников. Тем более что все китайцы, начиная с императоров, просят мзду за возможность что-либо продать. Для борьбы с этим явлением мы и пригласили сюда наш флот. Обеспечить беспошлинную торговлю и преференции может только наша артиллерия.

Вы не заметили ничего странного, когда наш бронекатер обстрелял вашу крепость?

– Дым был белый и синеватый, и его было мало. И ядра проникали в кирпич, а потом взрывались.

– Когда-нибудь такое видели?

– Видел. Двенадцать лет назад мы пытались остановить корабль Выборга у побережья Суринама. Мне тогда повезло, потому что капитан «Татиана-секст», так называлось это судно, не стал нас топить, а заставил подобрать экипажи трех утопленных им кораблей нашей эскадры.

– Татьяна – это имя моей матери. Все корабли и суда Выборга той серии носили это имя. Так это вы заставили отца заняться пиратами Карибского моря?

– Видимо, так, – скромненько потупил глазки бывший губернатор.

Пока шли переговоры в кают-компании, голландские морячки налегли на весла так, что те дугой выгибались. Шлюпка ткнулась носом в берег, из нее выскочил офицер и побежал в крепость. Спустя некоторое время триколор на центральной башне пополз вниз, и вместо него был поднят «Браво», максимально напоминающий государственный флаг России и Выборга. Понятно, что в этой глуши наших флагов еще нет. Бедным матросикам опять пришлось налегать на вальки. Но они успели к тому моменту, когда участники переговоров вышли вновь на палубу. Офицерик

буквально взлетел по трапу на борт и передал с поклоном бумагу губернатору.

– Ваше высочество! Инцидент исчерпан! Над фортом Зеландия поднят русский флаг, такое же указание передано в форт Провинция. Гарнизоны фортов полностью в вашем распоряжении.

– Иван Данилович! Начинайте высадку. Возьмите под охрану крюйт-камеры и ворота.

Как ни старались гребцы, но обогнать идущие под двигателем малые десантные корабли они не могли. Через два часа командир десанта доложил, что ключевые точки обороны взяты под контроль, сопротивления никто не оказывал. После этого Иван Данилович предложил посетить взятую крепость. Они перешли на бронекатер, и через пятнадцать минут их встречал оркестр и пальба из пушек на главной пристани Зеландии. Сама крепость не представляла собой ничего интересного: устаревшая конструкция, образец голландской фортификации начала века. Кирпича потратили немало, но толку от него! Гораздо более интересной была экскурсия по «европейскому кварталу». И там до меня дошло, что карта у нас отображает еще незаконченный канал. Под деревянной стеной были вбиты колышки, и к ним привязана бечевка. Работы начались от самого восточного угла стены, поэтому я их не видел с воздуха. Не хотелось потерять «визгуна», отпуская его на такое расстояние от корабля. Я взял пеленг вдоль канала с наручного компаса и вычел склонение. Все точно!

– Что вас так заинтересовало, ваше высочество?

– Смотрю на незаконченный обводной канал. Рационально придумано, господин Фредерик.

– Жаль, что закончить никак не получается. Мадам Аргунь всячески препятствует строительству и присылает мало народа на работы. Подумывали даже кули из Китая завезти.

– Пожалуй, что в этом нет надобности. У нас с собой землечерпалка, и ее можно поставить на эти работы, только придется начинать с другого места.

Разобранная на части черпалка лежала в трюмах одной из «букашек». Еще две придут чуть позже, во втором конвое, который доставит боеприпасы и тяжелое снаряжение для экспедиции. Команда на его отход из Выборга последует после того, как мы сообщим о создании базы на Формозе. Судя по всему, вечером можно будет связаться с Главным штабом.

Губернатора сопровождала целая толпа шушукающихся местных жителей. Рядом с ним постоянно находилась объемная фигура в дорогом

платье, скорее всего жена, и две девицы, до смерти утянутые в корсеты, с выпирающими наружу большими грудями. Мода у них такая. Обязательный накрахмаленный белый фартучек и такой же чепчик – знак того, что незамужняя. Замужние дамы все были в шляпах. Губернатор постоянно что-то нашептывал своей половине, и та с интересом рассматривала меня.

Дома в квартале построены исключительно из кирпича и камня, это сильно отличало квартал от домов на сваях, которые мы видели на побережье. Там основным строительным материалом был бамбук.

По окончании обхода новых владений руководство экспедиции было приглашено на ужин в ратушу. К удивлению голландцев, русские офицеры и солдаты оказались поголовно непьющими. Эта мода еще не дошла до России, понадобились титанические усилия Петра Первого, чтобы внедрить пьянство на Руси. Но и без горячительного матросы и солдаты пели и танцевали на улицах города. Обошлось без боя и потерь, и первая задача была решена. Опорный пункт экспедиции находился в их руках. Вокруг меня постоянно крутилась пара-тройка почти одинаковых накрашенных девиц с подносами, демонстрировавших совсем не маленькие груди. Скорее всего, губернатор и его жена решили, что я совсем молоденький, нецелованный, и легче всего будет подойти с этой стороны. Мне это на ухо сказал Иван Данилович, который тоже обратил на это внимание.

Да, личный опыт в этих делах у меня совсем небогатый. В этом голландцы правы. Но поддаваться на примитивные уловки я не собирался. Требовалось держать марку, поэтому мы отклонили предложение продолжить праздник до утра, с танцами и весельем, а убыли на «Ярославу», чтобы передать в Выборг сообщение о том, что Формоза – наша. Расшифровали сообщение для Ивана Даниловича. Отдельно пришла шифрограмма для меня. Я её прочел у себя в каюте, переписав в блок управления «визгуном». Включил программу. Сообщение было коротким: поздравления и ключ к очередному письму. Они у меня здесь и лежали.

Открылось письмо отца. Требовалось отправить «Т-106» на север для оказания помощи казакам Онуфрия Степанова на Амуре. Отец пишет, что «Т-106» специально подготовлена к этому походу. Я перешел в штурманскую рубку и уставился на имеющуюся португальскую и голландскую карты. Точка, которую обозначил отец в качестве конечного пункта для «сто шестой» «Татьяны» находилась глубоко на берегу. Недоуменно пожав плечами, отправился спать, решив с утра перейти на «шестнадцатую» и разобраться со всем на месте.

Утром на берегу начались работы по переоборудованию причала, была спущена на воду для сборки землечерпалка. Требовалось углубить фарватер, чтобы боевые корабли и транспорты могли подходить к причалу крепости. Доложился Ивану Даниловичу и спросил разрешения отбыть на «Т-106».

Это – «Буки», снятая с вооружения, но сохранившая все признаки боевого корабля. Этаким гибрид транспорта и эсминца. В трюмах два бронекатера, небольшой плоскодонный буксир и две баржи. Куча припасов и небольшой плавучий газогенераторный плашкоут для получения жидкого топлива.

Командир «Т-106» отдал рапорт и передал ключи от сейфа. На борту у него экипажи всех кораблей, два механика и полурота морской пехоты. Добровольцы, или как их называют – охотники. Некоторые с женами. В носовом трюме – скотина. Значит, уходят навсегда. Вооружение у полуроты устаревшее: казнозарядные винтовки под дымный порох. Экипажи кораблей имеют современные «СКС», но они возвращаются до ледостава на корабль, который будет их ожидать в точке высадки.

В сейфе я обнаружил карты, которые абсолютно не совпадали с тем, что я рассматривал ночью в штурманской рубке. Для себя решил возглавить эту экспедицию, чтобы не допустить утечки информации. Еще мне очень не понравилась приписка, которую сделал отец. В ней он описывал вчерашнюю ситуацию с девушками, крутившимися возле меня. Говорилось, что это стандартное поведение голландцев, и это попытка заслать своего агента в командование экспедиции. Дескать, не отказывайся, но соблюдай осторожность, в нижнем ящике твоего стола в каюте мама положила все, что необходимо. Я открыл этот ящик, и его содержимое заставило меня густо покраснеть. Ну, мама! Даже с инструкцией, как использовать. Поэтому я решил уйти с этим отрядом, к тому же опять повторялась история с Зондским проливом и недостроенным каналом в Анпинь. Делиться этим секретом не стоило.

Я вернулся на борт «Ярославы» и сообщил Ивану Даниловичу, что собираюсь уйти с отрядом на «Т-106».

– Нет, один не пойдешь. Это планом экспедиции не предусмотрено. «Т-106» уходит до начала ледостава. Вот что, штаб переезжает на берег, там много работы по фортификации, поэтому два месяца «Ярослава» будет свободна. И радиостанция у нее новее, чем на «Т». А капитан-лейтенант Бахметьев малость поопытнее тебя, княже, будет, так что проконтролирует твои действия. С богом, завтра можете отходить.

Еще раз побывал на берегу и рассмотрел здание штаба, расписался под планом переоборудования крепости Александровск – Зеландии больше нет. Осмотрел и более новый форт Провинция – это в пяти километрах от цитадели, в центре поселения сирайя. Специально там построен, чтобы контролировать племя.

На ужине опять отирались рядом девушки из местных. Раздражают своей навязчивостью. Такое уже было в Выборге, когда на последнем курсе учился. Там тоже девушки были совсем не прочь со мной потанцевать и поцеловаться. Игры всякие придумывали для этого. Но они были свои и замуж за великого князя желали. А эти вызывали внутреннее раздражение и беспокойство.

Я подал знак капитану Бахметьеву, и мы вышли из ратуши. Бахметьев раскурил трубку, усмехнулся чему-то и пошел за мной в направлении причала. С «Ярославы» передали на борт «Т-106» время снятия с якорей и разошлись по каютам. Не спалось, полукруглые шары грудей мелькали перед глазами. Черт.

Утром стуком в дверь меня разбудил дядька Сашка. Его приставили ко мне очень давно, мне было лет десять. Он охранник, адъютант и старший товарищ в одном лице. Всегда рядом, без него мне и шагу ступить не дают: «Не положено!»

Быстрый завтрак, и вылетаю на мостик. Там уже вовсю готовятся к отходу, и только командира еще не видно. И на завтраке я его не видел, спит, что ли? Нет! Сыграли захождение, к борту подваливает катер с командиром, который вернулся с берега. Поднялся, окинул все взглядом и сказал:

– Командуйте, ваше высочество. Я только вам помогаю.

На время экспедиции меня произвели в командиры крейсера. Эх, не опростоволоситься бы!

С якоря снялись, развернулись на отход от берега, ответили сигналами «Татьяне» и легли на курс 355 градусов на вход в Формозский пролив, оставляя Пескадорские острова по левому борту. На траверзе Пескадора поблагодарил старпома и спустился в каюту. Пескадор по-португальски – человек, занимающийся рыбой. Песка – рыба, дор – человек. Остров Рыбачий, если по-русски.

Идти, вообще-то, довольно далеко: по картам отца, больше двух тысяч миль. И насколько верны эти карты, неизвестно! По голландским картам получалось, что никакого прохода между Сахалином и материком нет. У мыса Лах море кончалось, дальше обозначен берег. Так что десятиузловым

ходом пять суток шлепать, а его еще дать надо! А тут все время вмордотык и течение встречное. Скорость на генеральном курсе чуть больше шести узлов получалась. И только когда вышли в Желтое море, ветер сменился и задул северо-западный, при котором не приходилось лавировать. Полную скорость было не развить, но четырнадцать узлов держали. На подходах к Цусимскому проливу ветер опять сменился и снова задул с севера. Природа упорно сопротивлялась нашему походу. Сказывалось и то обстоятельство, что «Татьяна-Буки» более легкая в управлении под парусом и более ходкая, чем довольно тяжелый крейсер, у которого площадь парусности срезана из-за башен. Вообще было непонятно, почему генерал-адмирал отдал нам во второстепенный поход самый мощный крейсер. Он бы и пугалом неплохо поработал на рейде Александровска. Но приходилось выкручиваться, и постепенно мне корабль начал нравиться – своей фундаментальностью, что ли. Дрейф у него был минимальный, очень точно удерживался на курсе при практически любом ветре. Не считая штормов. А их пока не было.

Прошли Восточной Цусимой, прижимаясь к корейскому берегу, с которого дул довольно сильный ветер. Затем ушли чуть вправо и опять встали на крутой бейдевинд в Японском море. Впереди два острова: Уллын и Токто. Токто – это группа островов, точнее скал, обозначенных как необитаемые. Уллын – остров с довольно высокой скалой. Острова вулканического происхождения. Но вулканы разрушены и не работают. Однако на море серьезная дымка, и они представляют определенную опасность. Погода стоит пасмурная, облачность невысокая, плотная. И постоянная дымка. Поэтому расслабиться не получалось. Даже Дмитрий Семенович зачастил на мостик. Несколько раз подменял меня, чтобы я мог отдохнуть. Страхует от неприятностей. По ходу выяснилось, где он был в ночь отхода: по бабам ходил! Вот шельмец!

И вот, наконец, мыс Амгу на траверзе, до него двадцать одна миля. Сто семьдесят пять миль до Вакканаи по правому борту, где-то справа полуостров Сахалин. Следуем до ДБК курсом двадцать семь градусов к бухте Усиро, ограниченной мысом Стукабис, по имени голландского капитана, который в начале семнадцатого века достиг этих мест. Дымка давно превратилась в туман, и мы идем уже восьмые сутки, вместо планировавшихся пяти. А до места еще пилить и пилить!

Ветер совсем сдох, море разгладилось, паруса обвисли. Этого только и не хватало! А течение здесь сильное, на месте не стоим, сносит к югу. Хочешь не хочешь, а пришлось готовить машины и переходить на них, хотя пополнить запасы топлива можно только на берегу, если найдем торф или древесину. Скрепя сердце, отдал такой приказ. Глухо зазвучали клапаны,

появилась легкая вибрация, паруса срублены, и корабли продолжили движение. За все время плавания не встретили ни одного судна. Даже джонки отсутствовали.

Через семь часов утром ветер задул почти попутный, немного неудобно, шхуны не любят попутных ветров, паруса приходится вываливать в разные стороны, бабочкой. Но слева лесистый берег материка и довольно обширная прибрежная полоса мелководья, справа тоже вода особой глубины не показывает. Море мелкое, вода лазоревого цвета. Но глубина пока больше шестидесяти метров. И, черт подери, почти полное отсутствие горизонтальной видимости. А наверху светит солнце, и жара стоит под тридцать градусов. Лето! Вот такое поганое лето! Точнее, начало осени.

Прошли еще сутки, зафиксировал мыс Усиро и лег на генеральный курс ноль градусов. Сейчас начнется самое интересное: море с обеих сторон сузилось, и утром и вечером справа и слева виднеется лес. Вместо моря следуем каким-то каналом или рекой, потому что течение довольно сильное, и его приходится учитывать. Мы оба, и я, и Дмитрий Семенович, с мостика спускаемся на пару часов в разное время, чтобы урвать хоть немного на сон. Остальное время ведем наблюдение и записываем все до мельчайших подробностей. Еще около полутора суток, и берега пошли сближаться. Море заканчивалось, как написано в голландских лоциях. Ударила рында с бака, и я застопорил машину и приказал отдать якорь. Под килем три метра. Правда, сейчас отлив. Посоветовавшись с Бахметьевым, выбрали якорь и отошли южнее, где было десять метров под килем. Там стали на якорь. И я достал карты из сейфа.

Крейсер имел почти десять метров осадки и дальше пройти не мог. Более мелкосидящая «Татьяна-106», назначенная отцом в этот рейс, могла двигаться дальше. Ей глубины позволяли. Оставив старпома командовать кораблем, мы оба перебрались на «Татьяну». Самым малым и замеряя глубину лотом, двинулись вперед, ведя прокладку по неизвестной карте. Фарватер, обозначенный на карте, никакими буями и вешками не обозначался на воде. Вошли в небольшую бухту, со всех сторон был лес. Море – кончилось!

– Вон! Вот проход, обозначенный на карте, – палец капитан-лейтенанта указывал на северо-восток. Я с биноклем пытался что-то рассмотреть. Точно! Есть поверхность воды, и пеленг на него совпал с картой.

Самый малый! Проходим мыс и видим открытое пространство. Это не бухта, а пролив! На север идет сплошное море. Через пятьдесят миль,

точно по карте, подошли к устью Амура и выгрузили все речные корабли и катера. Им еще бежать более тысячи километров вверх по реке, правда, в сейфе лежали два тома атласов реки Амур для каждого из корабликов. Интересно, где отец их взял?

Нашли подходящее место для якорной стоянки и площадку, где можно высадиться, чтобы разбить лагерь. Проинструктировали еще раз лейтенанта Муравьева, командира «Т-106», о том, чтобы лагерь был виден с реки и необходимости в нем создать достаточный запас продовольствия на случай зимовки как самого «Т-106», так и возможного его ухода из-за ледовой обстановки раньше, чем подойдут «речники». На этом миссия «большого начальства» была исчерпана, командование передали непосредственно Муравьеву, и командирский катер «Татьяны» доставил их на борт крейсера. Тишину залива разорвал выстрел из сигнальной пушки на захождение, еще на трапе Бахметьев приказал сниматься с якоря.

– Александр Святославович, готовьте отчет в Выборг, а я приступаю к исполнению своих обязанностей как командир крейсера. Экспедиция для нас закончена, вне зависимости от итогов ее завершения. Предлагаю назвать пролив проливом Александра.

– Мне кажется, что его следует называть проливом Святослава. Без него мы бы не рискнули следовать сим мелководным фарватером.

– И то верно! Разрешите откланяться, дела!

Якорь выбран и обмыт, паруса поймали ветер, и крейсер набирает ход в обратном направлении. На этот раз Дмитрий Семенович решил следовать ближе к берегу Сахалина – стремился обнаружить там присутствие людей. Но на острове никаких признаков жилья. Ни дымка, ни костра, ни лодок. Обнаружили небольшой скалистый остров в южной оконечности Сахалина, не отмеченный на голландской карте, но существовавший на карте отца под названием Манерон.

Первые суда были отмечены только южнее островов Теури и Яджишири. Вошли в бухту Ишикари. Там тревога, навстречу выскочили несколько джонок и большое гребное судно. Пытаются создать строй и не подпустить к берегу. Тот пуст, судя по всему, селиться у моря запрещают. Береговых укреплений нет, довольно большой пляж, удобный для высадки. Справа, где начинаются холмы, небольшое селение и пара причалов. В глубине видны строения, но это достаточно далеко от моря. Там Саппоро. Нечто, напоминающее порт, обнаружено еще правее и нанесено на карту голландцев. Это Отару.

Кораблики японцев из кожи вон лезут, стараясь помешать. Особенно на галере стараются. Поют что-то воинственное и ритмичное. В бинокль

видно, что все гребцы бородатые, а воины волос на подбородке не имеют. Подгоняют гребцов плетками. Маленькие джонки, трепеща бамбуковыми жесткими парусами, готовятся к бою, жаровни на батарейной палубе дымят. Немного смешно выглядит: стайка мелких горластых собаченций решила напасть на огромного слона. Самый большой из кораблей длиной примерно в два командирских катера. Не думаю, что этим ребятам очень нравится их затея, но плетки на палубе галеры заработали чаще.

Мы шли под двумя кливерами, держа минимальный ход, с тем чтобы штурманам было удобнее снимать берег на кальку. Все были заняты, и только боцман стоял у блока управления спаренным пулеметом Владимирова. Он контролировал действия противника. Сама установка находилась на корме, и возле нее никого не было. Боцман держал рукоятки управления, между которыми находился довольно большой кольцевой прицел. Башня повизгивала приводами и редукторами. Эти звуки дополнительно отпугивали японцев. Им было непонятно, что это такое и чем может им угрожать.

Через пару миль «преследования» сигнальщик доложил, что из порта Отару вышли еще парусные кораблики и идут на пересечение курса. Всего японских кораблей набралось больше двадцати. Большой опасности они не представляли, только в навигационном плане. Так и случилось! Подошедшие от Отару корабли начали выполнять поворот, замешкались немного и, чтобы не столкнуться между собой, отвернули нам под нос. Даже на очень небольшой скорости удар форштевнем оказался катастрофическим для маленького деревянного кораблика, который просто развалило на две части. Капитан-лейтенант Бахметьев объявил шлюпочную тревогу, выполнил разворот и стал подходить к месту катастрофы. Что тут началось! Японцы как с цепи сорвались и открыли огонь по плавающим в воде людям, стремясь их утопить раньше, чем мы успеем их спасти. Но выстрелы прозвучали, и боцман дал очередь под нос их флагмана. У того единственного на мачте болтался какой-то незнакомый вымпел.

Дело усугублялось тем, что никаких сигналов японцы не знали, не понимали, что пишут им сигнальщики, и не разбирали флагов расцвечивания. Дикари! Пулемет их не успокоил, и тогда Бахметьев приказал дать холостой залп из носовой башни, чтобы прогреть стволы, потому что мы шли на сближение. Матросы по боевой тревоге уже заняли места у противоабордажных орудий и пулеметов. Дело закончилось тем, что пришлось произвести выстрел по флагману главным калибром почти в упор. Фугасный ныряющий снаряд взорвался в подводной части под самым бортом, и вместо одного экипажа пришлось спасти два. Но остальные

повернули к берегу и улепетывали с максимальной скоростью, которую смогли развить. Среди спасенных не было ни одного воина: при попытке их спасти они отпускали обломки и шли на дно. Моряки, у которых не было доспехов и все вооружение состояло из довольно длинного ножа, охотно цеплялись за борта, но в шлюпку влезать отказывались. Мы спустили катер, взяли шлюпки на буксир и потянули их к берегу. Когда до него оставалось метров сто – сто пятьдесят, японцы отцепились от бортов и поплыли самостоятельно в сторону пляжа. Тут же появились вооруженные люди – вылезли из-под деревьев и из-за камней. С моря мы наблюдали, как спасшихся людей сгоняют в плотную кучу, подгоняя их копьями. Что их ждало на берегу, мы не знали.

В общем, противник оказался довольно странным, и мы не были готовы к встрече с ним. После этого Бахметьев решил больше близко к берегу не подходить. Подняв последнюю шлюпку, распорядился ставить максимальное количество парусов, и крейсер быстро ушел от негостеприимного берега. Все произошедшее показывало, что серьезных противников в этой части моря нет, а вот на берег сходить не стоит. Связались с Генштабом, сообщили о происшествии. На удивление Бахметьева, почти никакой реакции оттуда не последовало, кроме распоряжения следовать в район Нагасаки и попытаться там войти в порт. Разрешалось применить оружие в случае сопротивления. По сведениям Генштаба, порт Нагасаки был открыт для посещения европейскими судами. Бахметьев продолжал следовать вдоль японского побережья, попутно корректировал голландскую карту, приводя в порядок путаницу со склонениями и точнее обозначая ориентиры.

Поведение японцев в остальных местах мало отличалось от Хоккайдо. Но теперь имеющий превосходство в скорости крейсер просто уходил от преследователей без стрельбы и столкновений.

Прошли Восточной Цусимой и довернули на юг, входя между мелкими островами в территориальные воды Японской империи. На всех островах, мимо которых мы проходили, зажигались дымные костры – передавали знак опасности соседям. Служба береговой обороны у японцев была на высоте.

Протиснувшись между Тайраджимой и группой небольших скал, кстати населенных, довернули на юго-восток в направлении порта Нагасаки. В те времена это был важнейший из портов сегуната. Отсюда ходили многочисленные кораблики в Китай, обеспечивая империю континентальными товарами и сырьем. Навигационных опасностей было просто немерено, поэтому убавили ход и выставили дополнительно

наблюдателей на баке. Локатор мог не увидеть собранные без единого гвоздя японские кораблики. Ночью мы шли, подавая туманные сигналы, хотя видимость была неплохая. Скалы острова Лоджими были даже обозначены маяком. Здесь стали на якорь в ожидании рассвета.

Через три часа тронулись на вход в кишку пролива. Порт находился в глубине фьорда, и впервые за время плавания мы обнаружили береговые орудия крупного калибра. Батареи находились по обоим берегам, на всех мысах и островах. Причалы были построены в устье реки Нагасаки, и мы туда встать не могли, поэтому отдали якорь на рейде.

Прошло много времени, но к борту никто не подходил. Порт замер в ожидании чего-то необычного. Когда вслед за нами вошел португальский корабль из Макао, он поприветствовал нас выстрелами из сигнальной пушки, проскочил мимо и пошел к причалам. Лишь после этого через пару часов появилась галера с каким-то портовым чином. Рядом с ним был португалец, который исполнял роль переводчика. Бахметьев сказал, что хотел бы пополнить запасы воды и продовольствия. Сёгун ответил, что военные корабли в порту не обслуживаются, и потребовал нашего отхода.

– Сеньор Перейра! Объясните господину управляющему, что в порт вошел русский крейсер, на борту которого находится наследник престола великий князь Александр, и подобное поведение может очень дорого обойтись как самому чиновнику, так и городу. Кстати, если ответ будет отрицательным, то вам и вашему кораблю желательно побыстрее выйти из порта, чтобы не попасть под раздачу. С русскими так не разговаривают.

Португалец быстро заговорил на японском, несколько раз показывая несмышленому японцу на грозные 180-миллиметровки крейсера. Сёгун с недовольной мордой отрицательно поводил головой и что-то коротко ответил ему.

– Я не могу перевести вам, что он ответил, господин капитан-лейтенант. Дайте нам час, чтобы выйти!

– Он у вас есть, – ответил Бахметьев и выжал кнопку колоколов громкого боя, объявляя боевую тревогу. Чехлы и пробки всех калибров полетели в баталерки, матросы разбежались по боевым постам, зашумела вода в клюзе, смывая тину и грязь со стальной цепи якоря.

Бахметьев враздрай заработал машинами, разворачиваясь на месте, и пошел к батареям на мысах у входа в порт. Скалистый мыс Кишимаша скрывал одну из них, вторая была уничтожена одним выстрелом осколочно-фугасного снаряда. Бить главным калибром было близковато, и на открывшуюся батарею высыпали десять или пятнадцать выстрелов из 76-миллиметровых противобордажных орудий, перемешав там все с

землей.

Увидев, что португалец обрубил концы и выходит из порта, две кормовые башни произвели шесть выстрелов по целям в городе и по виднеющемуся дворцу сёгуна. В городе начался мощный пожар, быстро распространяющийся из-за ветра. Там практически отсутствовали каменные строения, все было слеплено из бамбука. Бахметьев еще раз развернулся, вошел обратно в гавань и разбил из малокалиберных пушек все посудины у причалов. Затем спустил брейд-вымпел, стал на якорь и поднял «Кило». Здесь японцы разбирали флажные сигналы, и на рее крейсера затрепетали флаги с требованием капитуляции. Дмитрий Степанович сказал, чтобы я требовал голову сёгуна.

– Что я с ней буду делать? – безглаголиво поморщившись, спросил я.

– Да выбросим за борт, не думай об этом. Это Восток, до них по-другому не доходит.

Требовать голову не пришлось! Японцы сами ее принесли. Поняв, что крейсер может наломать таких дров, что чертям тошно станет, эти подло улыбающиеся рожи, отбивавшие постоянные поклоны, заговорили совершенно в другом тоне. Но великий император не нашел времени встретиться с наследником русского престола. Одного городишки оказалось мало. Ничего, закончим с китайцами – заглянем и сюда. Императору направлено письмо, в котором говорится, что мы унаследовали владения Нидерландов и остров Формоза отныне принадлежит нам и находится под нашей защитой.

Мне, естественно, не понравилось, что меня выставили таким монстром и людоедом. На самом деле я не давал команды открывать огонь по городу. Мама всегда говорила, что для того, чтобы быть безжалостным, необходима либо ненависть, либо необходимость. Я не видел пока необходимости проявлять жестокость к людям, которые жили здесь на скалистых островах. Мы с ними не сталкивались, сёгун не в счет, он только исполнял приказ, отданный ему неизвестным императором. Сказано, что военные корабли не обслуживаются, и точка. Мы поставили его в такие условия, что его следование приказам стоило ему головы. Правда, по отношению к нему у меня даже совесть не проснулась. Жаль было жильцов тех домов, что сгорели в городе. Чисто, по-детски, жаль. И все. Не привык я так обходиться с людьми.

С другой стороны, я отчетливо понимал, что даже послав в экспедицию треть нашего флота и три новейших крейсера, мы смогли перебросить на этот участок битвы меньше трех дивизий морской пехоты и два батальона гвардии. Противник превосходит нас численно на несколько

порядков. В десять или сто раз, смотря как считать. Та же Япония предоставила императору Мину восемьдесят тысяч судов и кораблей для переброски ста двадцати тысяч солдат, лошадей, артиллерии, фуража и продовольствия на Формозу. Против двух тысяч участников обороны двух фортов. Иван Данилович не случайно отправил крейсер в поход и приказал навестить императора. Мы можем победить, только если используем все свое могущество в технологическом плане, потому что численно уступаем противнику очень сильно. И мои юношеские взгляды на устройство мира и миропорядка здесь не очень играют. Нестерпимо хотелось выплакаться и почувствовать на своем затылке руку матери. Но она была далеко, хоть и прислала мне несколько строчек шифрограммой, где пожелала быть мужественным и взрослым. И чтобы готовился к новым испытаниям судьбы. От той не уйдешь.

Путь в восемьсот миль от Нагасаки до Александровска я провел в каюте. Дядька Сашка приносил еду. На Бахметьева я здорово обиделся, и видеть его совершенно не хотелось. Но на третьи сутки поневоле пришлось становиться рядом с ним и докладывать о приходе. Иван Данилович покивал, пожал нам обоим руки и сказал, что мы будем награждены по итогам экспедиции. Проливы и течения его нисколько не волновали, ему требовалось выполнить приказ отца об усилении казаков на Амуре и Уссури. Поэтому он больше беспокоился за посланный отряд кораблей, чем за разгромленный Нагасаки. Тем более что из Кантона прибыл голландский корабль, который принес весть, что отряд в сорок тысяч человек под командованием генерала У Саньгуна деблокировал Нанкин и вынудил отступить войска Ли Динго от бывшей столицы. Флот под управлением Чжен Ченгуна на помощь не пришел, и последний император Юнли, принявший со всей семьей христианство, бежал на запад.

Ли Динго отходит к Кантону, а Коксинга собирает своих пиратов с целью «освободить» Формозу. Столицей Минской империи объявлен небольшой городок Куньмин, неподалеку от бирманской границы. Империя разделена на две части войсками У Саньгуна. Ли Динго назначен великим князем и правителем восточной, приморской части государства. Двор императора послал двух послов в Рим добиваться помощи от папы римского. Тот, конечно, поможет! Молитвами. Кстати, терпят поражение императоры от собственной армии, потому что старший брат Юнли забрал себе любимую наложницу генерала У Саньгуна. Тот обиделся и перешел на сторону Циней, открыв проход для армии Цинь к Пекину.

Затем последовала длительная борьба с переменным успехом,

предательствами и великими битвами. Все это вело к запустению и разрухе. Успех сопутствовал то одной, то другой стороне, но введя новые силы и полностью оголив север страны, чжурчжэни, которые стали называть себя маньчжурами, перешли в наступление и теснили армии последнего императора Мин, власти у которого хватало разве что на двадцать евнухов собственного двора. Остальное он раздал князьям.

Две европейские колонии у берегов Китая – Макао и Формоза – уже предпочитали иметь дело с правителями Цинь. Правда, одним из самых боеспособных подразделений армии Мин был отряд в триста солдат при двадцати орудиях, предоставленных португальцами. Дело было в том, что из огнестрельного оружия в армиях обеих империй были только бронзовые пушки и немногочисленные генуэзские мушкеты, поставленные сюда лет двести назад. Фитильные. И это в условиях муссонных дождей в южной части Китая.

К тому же вторжение маньчжуров и их чрезмерная жестокость настроили местное население против захватчиков. Крестьянские армии с завидной регулярностью пополнялись новыми добровольцами, и борьба продолжалась с новой силой.

– Ну, что ж, молодцы, быстренько и организованно провели экспедицию и вовремя вернулись. Судя по тем сведениям, которые мы имеем, Коксинга еще не понял, что Формоза для него недоступна, и начал собирать армию вторжения. Наши разведгруппы сообщают о концентрации пиратского флота в бухтах и фьордах западного берега пролива. Причем речь идет о тысячах кораблей. Прикрыть все побережье острова мы не успеваем, поэтому необходим рейд вдоль побережья от Макао до Линьяна, тремя группами кораблей. Самой северной командовать тебе, Оболенский, центральную часть возьмешь на себя сам, Дмитрий Семенович, ну, а на юг великого князя пошлем. Справится? Как думаешь, Дмитрий Семенович?

– Справится, если не будет раздумывать со временем открытия огня. – И здесь подцепил! Мои губы непроизвольно сжались, что и заметил Иван Данилович.

– Поссорились, что ли? Были же не разлей вода!

– Нет, ссориться мы не ссорились, но недопонимание возникло. В Нагасаки. Всю обратную дорогу их высочество на меня дулся.

– На сердитых воду возят! Действовали в Нагасаки правильно и в соответствии с полученным приказом. А приказы государя не обсуждаются. Так-то, князь!

Я промолчал, стараясь не выдавать своих мыслей по этому поводу.

Выслушал диспозицию и направился на «Я-703», самый новый из крейсеров, участвующих в походе. Мне в помощь дали лоцмана из голландцев, который хорошо знает те места. Звали его Христиан ван Дрейк. И здесь не доверяют! Остальные пошли самостоятельно!

Выход задерживался на трое суток, «Ярославе Выборгской» требовалось пополнить запасы топлива, воды и продовольствия. А у меня было время познакомиться с группой кораблей, оказавшихся под моим началом. Я, по молодости, не задумывался о том, что совсем недавно закончил корпус и в обычных условиях максимум командовал бы группой на корабле, выполняя команды старших начальников. Должность великого князя и заместителя командующего эскадрой достались мне по наследству от отца.

Командиром на «Ярославе Третьей» был старший лейтенант Суханов, который закончил корпус шесть лет назад. Он отдал мне рапорт, приложив руку к черной пилотке с «крабом». У него все готово, штурманята прокладку выполнили.

Обошли крейсер. Я напомнил ему, что на борту будет находиться иностранный лоцман, он же шпион голландский. Чтобы не забыл ограничить его перемещения по кораблю. Павел Андреевич чуть улыбнулся и сказал, что ему не впервой принимать таких гостей. Вместе с ним мы сошли на берег и двинулись в сторону «европейского квартала», искать нового члена экипажа.

Тот сидел в таверне и разминался ромом перед выходом. Ровненькая обстриженная борода, спускающиеся по ней густые усы, бакенбарды тщательно сбриты. Белый, с кружевами по краям, отложной воротник с острыми концами спускался до середины груди. Широкополая шляпа, которую никогда не снимали, кроме как во время приветствия. Стол заставлен кувшинами с пивом и бутылками с ромом, остатками еды. За столом две сирайки и простоволосая голландка, что выдавало в ней жрицу любви – таверна одновременно выполняла и функции публичного дома. Так было во всех портах, таким способом хозяева заведений тянули из карманов моряков денежку. Лоцман был довольно сильно пьян, впрочем, как и его подружки. Хозяин трактира вытряс из него еще несколько монет, девицы ухватились за полы его камзола и тоже требовали свое. Прихватив недопитую бутылку, он вышел из трактира в нашем сопровождении. Вслед за нами выскочила фигурка в неброском сером платье с чепчиком на голове.

– Вещи твои где? – чуть встряхнув пьяненького, спросил его дядька Саша. Увидев, что мужичка трясут, к нам подскочила девица-голландка и

быстро-быстро заговорила. Она уговаривала не бить отца, оставить его живым.

– Да не убиваем мы его. А ты кто такая?

– Я его дочь, меня зовут Анхель. Мать послала вытащить его из трактира, чтобы весь акцепт не пропил. А он уже пьян был сильно и меня не слушал.

– Где его вещи?

– Дома.

– А дом где?

– Там! – девушка махнула рукой куда-то вдоль квартала.

– Пошли!

Они пошли вперед, мы с командиром двинулись за ними. До отхода еще двое суток, поэтому никаких претензий лоцману не предъявить. Впереди, часто оглядываясь, семенила девчушка, за ней, тяжело переставляя ноги и громко бухая высокими сапогами, шел ее непутевый отец, которого придерживал под руку дядька Саша. Таким порядком и добрались до каменного дома, покрытого красной черепицей. Отсюда до причала было метров двести, почти на берегу. Высокая женщина с младенцем на руках надавала подзатыльников и пощечин и лоцману, и девице. Затем вошла в дом и вынесла кожаный саквояж своему мужу, ловко вытащила у него мешочек с оставшимися гульденами, пока он отдыхал на каменных ступеньках, ведущих в дом. Сгоняла девицу еще куда-то, и та принесла что-то в кувшине и четыре глиняные кружки. Пыталась дать нам опохмелиться, но мы отклонили угощение.

На голову лоцмана жена вылила кувшин воды, вытерла того полотенцем и заставила выпить какую-то жидкость из кружки. Девица вынесла из дома три стеклянных бокала с вином и делала книксены, предлагая выпить, пока папу приводят в порядок. Дом был ухоженный, и посуда украшена. Лоцманы зарабатывали неплохо, вот и прощали им жены загулы.

Мужичок малость очухался, взгляд стал более осмысленным, трезвел он быстро. Затем что-то пробурчал жене, та принесла из дома еще какую-то папку из буйволово́й кожи. Все это имущество лоцман передал дочери, и процессия потянулась на причал, но к нам присоединилась и жена лоцмана с ребенком. Мы с Павлом Андреевичем, посмеиваясь, вначале наблюдали за сборами, а потом пошли за ними, держась на некотором удалении. Впрочем, перешагивал через борт катера лоцман уже трезвым. Его мадам что-то тараторила ему вслед. Так и осталась стоять на причале с двумя детьми. По трапу лоцманюга шел ровно, его поместили в каюту сразу за

штурманской рубкой и приставили вахтенного у двери.

Утром лоцман и штурманы занялись подъемом карт похода, сверяя корректуру с записями лоцмана. Вечером он отпросился домой, но утром его еще раз извлекали из таверны, поэтому больше на берег он не сходил. Затем начался поход.

Нам определили для патрулирования побережье от мыса Тяньвэй до острова Хайнань, чуть больше пятисот миль. Район изобилует островами, подводными скалами, изрезанным рельефом. Задача: подавить всякую активность китайского флота и защитить коммуникации наших союзников-португальцев. Более мелкосидящие бывшие крейсера, а теперь фрегаты типа «Т» выполняли черновую работу, а тяжелые крейсера их прикрывали на случай нападения значительных сил противника. Наши действия не противоречили морскому запрету, действовавшему в обеих империях. Именно ослабление империй породило массовое строительство пиратских флотилий, терроризировавших прибрежных крестьян. Эти флотилии использовал Чжен Ченгун для борьбы с маньчжурами. Выбивая его кораблики, мы как бы действовали на стороне Циней, но влияние Минов не подрывали.

Капитан-лейтенант Оболенский сумел перехватить и расстрелять в море огромную флотилию японских пиратов «вокоу», которые шли на соединение с Чжен Ченгуном для захвата Формозы. До окончания сезона муссона мы действовали исключительно на море. Ван Дрейк в трезвом состоянии оказался умелым моряком и отличным лоцманом. Он действительно хорошо знал этот район и часто пересаживался на «тэшки» чтобы помочь пройти туда, где прятались пираты.

Но в октябре, как только закончились дожди, бронекатера вошли в Янцзы и двинулись к Нанкину. Мы высадили десант и взяли Кантон. Катера по Великому каналу двинулись на север, громя противника, сосредоточившегося на его берегах. Издревле этот канал обеспечивал всю экономическую жизнь Китая. С берегов Амура, воспользовавшись высокой водой в его притоке Сонгхуа, вошли два бронекатера и утопили флот адмирала Сарудая в сорок весельных и колесных кораблей. Дело немного осложнялось тем, что в Пекине в осаде находилось русское посольство, возглавляемое Федором Байковым. Император Фулинь потребовал у него выполнить девятикратное челобитие на коленях, но тот отказался. В итоге русское посольство оказалось в блокаде. Чтобы освободить его, крейсер «Я-702» бомбардировал город Тяньцзинь, а это недалеко от Пекина, а затем высадил там десант, поддержанный бронекатерами. В город вел Великий канал, который проходит и через Пекин.

С началом наземных операций находиться на корабле стало просто невыносимо! «Не положено!» звучало из уст всех. Особенно дядька Сашка старался. Чуть что, малейшая моя инициатива или попытка сойти на берег пресекалась на корню. «Я матушке-государыне клятву давал доставить вас живым и здоровым. Она и батюшка ваш меня особо предупредили, что на китайский берег ни ногой». Все происходило без моего практического участия. Я сидел на КП крейсера и издавал приказы – превратился в военного бюрократа, а душа рвалась к делу. Там такие чудеса творила наша морская пехота и гвардейские экипажи! Шестнадцать человек удерживали взятый в ночной атаке форт Ксинганг на острове Найджу почти сутки, в ожидании подхода наших войск, задержавшихся из-за сильнейшего тумана, и отрядов Ли Динго. Он, кстати, появился на крейсере сразу после высадки, поклялся в вечной преданности и тут же попросил новые винтовки. И жутко обиделся, получив вместо них старые шведские мушкеты, которые были погружены в Выборге, а до этого времени лежали на складах много лет. Отец не хотел, и я его понимаю, передавать современное вооружение никому. Вообще, абсолютно все стремились хоть одним глазком взглянуть на внутреннее устройство наших кораблей и оружия. Постоянно пытались украсть патроны у гвардейцев, за что и получали от них оплеухи и розги.

Китайцы, у которых взятка была естественным инструментом отношений, не понимали, почему морпехи и гвардейцы отказываются взять мзду и продать им задорого личное оружие. Морская пехота на берег сошла тоже со старым оружием: казнозарядными гладкостволками с пистонным запалом. Современные «СКС» следовали за ними в трюмах десантных кораблей под охраной гвардейцев на всякий случай. Китайцам передали еще более старые дульнозарядные кремневые ружья. Гвардия действовала в полном вооружении, но их было совсем немного на каждом из трех направлений ударов.

Спустя две недели с момента начала наземной операции я получил выволочку от генерал-адмирала за то, что одна из «Татьян» коснулась дна и получила повреждения корпуса. Моряки завели аварийный пластырь и откачались, и были готовы следовать на ремонт в Александровск. Оттуда передали, чтобы я прибыл туда для участия в разборе происшествия. Следовать приказали непосредственно на поврежденном корабле.

Мы подошли к несчастной «Татьяне», которая шла малым ходом из-за наложенного пластыря, и мы с дядькой пересели на ее борт. Командовал там Густав Свенсон, пожилой и очень опытный морячина, один из немногих шведов, оставшихся командирами кораблей из старых

выборгских капитанов. Ругаться было не на что! Камень, который они зацепили, не был обозначен ни на одной карте. На борту находился и херре Христиан ван Дрейк. Он только развел руками и сказал, что корабли с такой осадкой в этом районе ранее никогда не ходили. Коснулись легонько, смогли самостоятельно сняться с мели, заделать пробоину, и смысл устраивать головомойку? Но Иван Данилович в жесткой форме приказал прибыть в Александровск. Но дока и там нет! Мы с отцами командирами пожали плечами и приказ выполнили.

По приходе мне было приказано принять командование над «Т-112», пополнить запасы и следовать в Батавию в сопровождении еще одной «Татьяны». Там есть док. Откуда? Откуда там может быть док таких размеров? Но Иван Данилович надел на лицо маску ничего не знающего и ничего не понимающего человека и всячески демонстрировал, что благодаря моим неумелым действиям вся операция на юге находится под угрозой срыва. Сам уселся на одну из «Татьян» и ушел в Кантон, сменив меня на руководстве южным крылом.

Херре Христиан пригласил меня и херре Густава к себе домой. С ним расплатились по завершении работ, и он был очень доволен, так как получил гораздо больше за военный риск, чем за обычную проводку.

Швед и голландец быстренько нашли общий язык по части вкуса различных сортов рома. Жена Христиана тоже не была трезвенницей. Гостей они называли полный дом. Было шумно, все радовались, что опасность, нависшая было над островом, миновала. Компания сумела перехватить у японцев большую часть освободившегося фрахта, значительно снизился риск для перевозок, и довольно резко подросли доходы. Начать гасить долг по дивидендам мне. В этом шуме и гаме постоянно звучали здравицы в адрес русского царя и его наследника. Все выражали льстивое подобострастие. Опять мелькали из глубоких декольте груди, выжатые корсетами к подбородку. Рядом со мной посадили ту самую Анхель, дочь хозяина, которую уже подучили русскому языку. Она много смеялась и строила мне глазки. Смех был, правда, несколько напряженным и натянутым. Что-то внутренне тормозило ее, думаю, что мамаша накрутила девчонку ни в чем не отказывать великому князю и постараться стать его пассией. На вид ей было лет восемнадцать – двадцать из-за обилия краски и румян на лице и взрослого платья. Я же помнил, что ей гораздо меньше, потому что видел ее в простом виде, и тогда она выглядела много младше. Но так были устроены отношения в те времена почти во всей Европе: женщины могли возвыситься только благодаря связям в верхах, и низы всячески старались реализовать малейшую возможность для

этого.

На выручку пришел дядька, который за главным столом не сидел – не по чину. Он вышел ненадолго из комнаты, затем вернулся и передал мне пакет, громко стукнув каблуками и сказав, что это из штаба. Я его открыл, там немного корявым его почерком было написано карандашом: «Барин, пойдемте домой!» Я улыбнулся его выдумке, вложил пакет за обшлаг, отбился от хозяев и их окружения, дескать, труба зовет.

Отойдя от дома, Сашка пробурчал, что не дело лоцманиха затеяла, не к чему девку портить, а ежели невтерпеж, так кругом баб полно, может устроить. Так, бурча, и топал чуточку позади меня, прикрывая мне спину. Он, видимо, заметил, что к концу вечера я про себя уже решил не строить из себя девственника. Идти в публичный дом было совершенно недопустимо для меня, воспитание не позволяло, и предлагаемый вариант меня почти устраивал.

Отошли в Батавию, шли туда долго и мучительно, подолгу пережидая осенние штормы за островами. По приходе выяснилось, что никакого дока там нет, водолазы готовят дорожки слипа, и в бухте Батавия стоит крейсер «восьмерка», головной из новой серии, с приказом принять меня на борт и следовать к атоллу Полночной Луны, где находился загородный дом семейства. Получалось, что все это было придумано родителями, чтобы вытащить меня из района боевых действий. Обидно!

В первых числах февраля крейсер загремел цепью правого якоря, становясь на него в трех кабельтовых от мыса Такса. Мыс мы так прозвали потому, что он с воздуха напоминает бегущую длинную таксу. Сейчас его конфигурация немного изменилась из-за судоходного канала в защищенную часть яхтенной стоянки, но собаку от этого мыс стал напоминать еще больше. Я очень любил этот остров! Розового цвета дворец украшает его основание и имеет выходы к трем пляжам: Полночной Луны в одноименной бухте, Усатого Лангуста и Пресноводной Лагуны. Мой персональный домик находится в полутора километрах от дворца, там, где когда-то давно мы впервые высадились на этот остров. Мы с мамой специально попросили Макарова построить там «детский» дом. В этом месте на дне залива не бывает морских ежей, там отличное место для купания, а после него всегда тянет поспать, для чего прекрасно подходит этот домик с большой тенистой верандой. С нетерпением жду, когда окажусь там. Но пока собрал довольно увесистую папку отчетов, карт, справок, фотографий. Уложил пульт управления с компьютером в переноску и, отдав честь флагу, спускаюсь в катер, который перевезет меня

в Яхтенную гавань, где почему-то наблюдается большое скопление мачт.

Под кормой забурлила вода, катер быстро набрал, а потом сбросил ход, войдя в канал. На причале довольно большое скопление людей, в основном в купальных халатах и полотенцами на голове в виде чалмы. Судя по всему, большая часть из них – женщины. Откуда такое столпотворение? Обычно на Полночной Луне много народу не бывает. На причале оказываюсь в объятьях Руськи. Фуражку с меня сбили, обслюнявили и испачкали помадой и пудрой. Перецеловался с полсотней оголтелых своих поклонниц. Похоже, сюда весь университет, точнее его женская часть переселилась. Не иначе как выездная сессия! Интересно, кто это придумал? Сашка уже отряхнул мою мицу от песка и передал ее мне, как только я сумел высвободиться от девушек. Отряхнул прицепившиеся к погонам длинные разноцветные волосы, провел щеткой, которая у него всегда в кармане, по моему мундиру.

– Сударыни! Великий князь на доклад следует! Разрешите пройти! – громогласно объявил он, на мгновение заглушив щебетание. Руська выхватила папку из левой руки и повисла на локте, справа так же подхватила не совсем знакомая девушка, в чертах лица которой смутно угадывалась Машка Лисина. Так и оказалось, только теперь она Мария Макарова звалась.

Лишь у входа в тронный зал девушки остановились и притихли. Дядька Саша опять осмотрел и отряхнул мой белый парадный мундир, подал перчатки. Я их надел, тщательно разгладив небольшие складочки. Посмотрелся в большое зеркало. Сзади тихонечко хихикали и перешептывались девушки. Я кивнул Сашке, и тот приоткрыл дверь. Это тамбур, и между двумя дверьми пост внутренней охраны, в котором сидит секретарь отца. Он поднялся и открыл вторую дверь. Громко доложил о прибытии великого князя Александра.

– Пусть войдет! – послышался голос отца. Вхожу, проклятые ковры совершенно гасят звук шагов! Сделав три парадных шага, прикладываю руку к козырьку фуражки и рапортую:

– Товарищ командующий! Лейтенант Рюрикович прибыл по вашему приказанию.

Мама сидела слева от отца. Я их очень редко видел на троне! Оба в парадных костюмах. По ритуалу я должен подойти к ним, припасть на колено и поцеловать край платья матери и левую руку отца.

Я выполнил ритуал и преклонил голову. После этого услышал отцовское: «Ступай!» – но это относилось не ко мне, а к адъютанту. Крепкие руки хлопнули меня по плечам и чуть потянули наверх, показывая,

что можно встать с колена. Доклада не получилось, потому что после объятий и поцелуев родители сказали, что все идут завтракать.

Завтракали в узком кругу – вчетвером, но из-за присутствия прислуги разговоры шли на общие темы. Папочку мою отец перед завтраком положил к себе в кабинет, в стол. Руська расспрашивала об увиденном, мать и отец в основном слушали. Затем Руська убежала на пляж, она самая непоседа в доме, а мы перешли в кабинет отца. Там после доклада я и задал давно интересующий меня вопрос о замеченных странностях. Мать с отцом переглянулись и сказали, что ответ у них есть, но требуется немного подождать – до приезда в Князево.

– А пока отдыхай, набирайся сил.

– Да я вроде как уже третий месяц отдыхаю.

Отец усмехнулся и вытащил из стола какие-то бумаги.

– Пойдем! Не ходи с нами, – велел он маме.

– Долго не засиживайтесь, – сказала она и вышла вслед за нами из кабинета, но двинулась в другую сторону. Мы пересекли тронный зал и перешли в другое крыло дворца.

В большом зале находилось человек восемь флотских и гвардейских офицеров. На стене – огромная карта мира, на которой расставлены кораблики, фигурки пеших и конных воинов. Отец принял доклад контр-адмирала Макарова.

– Вот, Александр, твое новое место службы. Вот патент на звание капитана 2-го ранга за удачное проведение Амурской экспедиции и обеспечение южного фланга операции «Ферзевый гамбит». Свою персональную задачу ты выполнил, поэтому мы тебя и отозвали, не потому, что тебе не доверяем. Теперь тебе требуется научиться планировать такие операции. Считаю, что учишься в Академии Генерального Штаба. Поэтому и говорю: отдыхай, пока есть возможность. Но сюда не забывай заглядывать. Ступай.

– Я буду жить у себя в домике!

– Где хочешь!

Зашел к маме и забрал у нее ключи от «детского» дома. Она предупредила, что вечером будет небольшое торжество во дворце. За дядькой я послал подвернувшегося дворецкого, и тот догнал меня через пятьдесят метров. Мы шли по краю пляжа по дорожке под пальмами, и я с интересом рассматривал купающихся и валяющихся в шезлонгах людей, большинство были женщины. В одном месте была натянута сетка, и там шла игра в мяч. Азартные крики разлетались по всему пляжу. Высокая темноволосая девушка отлично атаковала у сетки, высоко подпрыгивая и

наносся резкие резанные удары. Она вся была в игре, очень бурно реагировала на происходившее на поле. Длинные, точеные ножки, довольно узкий таз и хорошо развитая грудь – аппетитная красotka! Интересно, кто такая?

Долго находиться в домике мне не дала вездесущая сестра, которая минут через пятнадцать оказалась на веранде.

– Санька! Мы в большую лагуну собрались, бери ласты и маску.

Мне больше хотелось дать ей подзатыльник, чем тащиться с ней на пляж, но выйдя на веранду, где кричало это непоседливое чудовище, увидел целый выводок таких девиц, что отказываться стало совершенно неуместно. Девушки по-хозяйски расположились в плетеных креслах и пили манговый сок из высоких бокалов. Рядом находилось пять-шесть официантов. Так что выводок состоял не из самых простых девиц государства Российского. Они с интересом рассматривали меня, ожидая реакции. Дядька – он, скорее всего, в сговоре с остальными – уже закидывал на плечо мешок со снаряжением.

– Княжич, я распоряжусь по поводу водички и соков, счаз буду! Я догоню!

Стайка девиц, слегка разреженная несколькими офицерами с крейсера, двинулась в направлении большой лагуны. Там кишмя кишит лангустов и много отличной рыбы, условия для подводной охоты просто райские. Мамино любимое место. Только она в основном ныряет у пролива, которым лагуна соединяется с морем. Когда никого нет, мама туда на дельтаплане летает, а так – катером добирается. Но в этот раз мамин катер приткнулся у малого пляжа, и девицам пришлось делать книксены и целовать ей руку. Так что можно предположить, что это ее затея. Отсюда метров пятьсот до пляжного домика, в котором мама любит находиться. Она предпочитает плавать и охотиться здесь. В океан ее папа не отпускает. Только под его личным присмотром. Это из-за того, что мать очень любит нырять на большую глубину, ну, а там, где глубоко, в океане много чего встречается.

Мы еще только приступили к ловле, а на берегу уже появились повара в ожидании улова. Вообще, обслуживающего персонала довольно много. Небывалое бывает. Раньше такого не наблюдалось. Обычно здесь тихо и мало народу. Только когда иностранные короли приезжают, тогда с островов завозят дополнительную прислугу из разбросанных по всем островам отелей.

Пока шли по дорожке, мне всех представила Руська. Ту темноволосую девушку зовут Богданой Бутурлиной. Держалась она несколько особняком,

и похоже, что остальные девушки ее несколько игнорируют. Все они действительно учатся в университете на разных факультетах. Сюда приехали, выиграв организованный матерью конкурс на стипендии ректора. Отличницы.

Весь выловленный улов мгновенно попадает на жаровни и в кипяток, в бокалах пенится отличное местное пиво – лед не успевали подвозить из дворца. Было и шумно, и весело. И приятно выходить из воды под восторженный гул голосов, молниеносно оценивающих твой успех. Тем более что у нас с мамой и Русей было преимущество: мы эти места наизусть знаем, и то, где живут самые крупные представители подводного царства.

Рыбалка закончилась в пять часов, когда солнце зацепилось за верхушки пальм. Немного отдохнув после продолжительной подводной рыбалки, надел форму с новыми погонами и пошел во дворец. Танцпол там огромный, и три зала со столами для гостей, но на этот раз открыты только два из них. Я надеялся пригласить Богдану на танец. Во время рыбалки неоднократно видел ее ныряющей в глубину и обратил внимание на красоту ее движений. Но за столом и на балу ее не было.

Немного потанцевав и ответив на кучу глупых и не очень вопросов, вышел прогуляться перед сном, чтобы потом уйти в свой дом. Пошел по дороге вдоль пресной лагуны – так ближе и «дрессированных светлячков» больше. В лагуне кто-то купался ночью. Непонятно почему, ведь есть четыре бассейна с пресной водой, а здесь берега покрыты не очень приятной тиной, и только одно место, где можно удобно войти в воду. Плюс большинство людей сейчас в зале. Наверное, кто-то из obsługi смывает с себя соль. Они обычно бассейнами не пользовались, потому что по всему пляжу есть души с пресной водой. Пока я медленно шел по дорожке, из кустов справа вышла женская фигурка в белом халате и с полотенцем на голове. Ночная русалка. Ею оказалась Богдана, которая попыталась проскочить мимо, но я ее остановил, и завязался разговор, в ходе которого я набился ее проводить. Реакция была несколько странной:

– Нет, не стоит этого делать!

– Почему?

– Мне вообще не стоило сюда приезжать, но когда объявляли конкурс, об этом никто ничего не говорил.

Тут стоит немного остановиться и рассказать о том, как женили царей на Руси в допетровские времена. В Кремле устраивали смотрины, куда приглашали всех дочерей бояр и воевод, их осматривал будущий или уже

царствующий будущий муж, его многочисленные родственники, каждую из них обследовали на девство, и выбирали двадцать четыре претендентки. Начинаясь второй круг, потом третий, в каждом из которых отсеивалась половина, после четвертого тура оставалось три претендентки, наступал пятый тур, в ходе которого выбиралась одна девушка, которая и становилась царицей. Так Русь жила со времен перехода к моногамии, которая утвердилась примерно через два века после крещения Руси.

О том, что это смотрины, Богдана узнала уже находясь на острове. Разговоры такие пошли незадолго до прихода крейсера. А она была незаконнорожденной дочерью смоленского воеводы Федора Бутурлина. Семидесятилетний Бутурлин при живой жене взял себе молодую красивую полячку в наложницы и ушел в польский поход, а когда вернулся, то обнаружил в доме младенца, а полячка умерла родами. Назвал девочку Богданой – богом данной. Похоронил жену и решил узаконить ребенка, но благословения от Синода не получил. Он в походе крепко поссорился с церковниками из-за имущества Войновского монастыря, которое сдал в казну. Плюс его старший сын Иван был категорически против появления сестры. Так что в случае смерти восьмидесятисемилетнего старца останется Богдана бесприданницей и с вечным клеймом на роду. Она, конечно же, обратила внимание на то, что я посматриваю на нее, но с Ярославой у них довольно сложные отношения, учатся на одном курсе и в одной группе, хотя Руська младше Богданы на три года. Богдана – моя ровесница.

Я все-таки настоял на проводах ее к корпусу – девушки жили не во дворце, а в гостевых коттеджах на берегу бухты Полночной Луны. Тем более что мне в ту же сторону. А там уже успокоившуюся девушку пригласил посмотреть на восход луны из океана. Очень красивое зрелище, видимое не так часто в этом месте и только на самом северо-западном мысе острова. Западная часть острова – это коралловый риф, а восточная часть имеет вулканическое происхождение. Там невысокие холмы, которые скрывают большинство событий на востоке. Луна может всходить и на западе, но там в тридцати шести милях идет барьерный риф, и маленькие глубины, и такого эффекта, как двойная луна, там не увидишь.

Когда получил ее согласие на прогулку, то пришлось немного подождать, пока она переоденется. Стоял на дорожке неподалеку от домика, в котором она жила.

Темный и полный звуков лес заставил девушку чуть плотнее прижаться ко мне и взяться под руку. В этом лесу жила целая колония фрегатов – птицы безобидные, но очень громкие. Они постоянно щелкают

клювами, самцы трут клювом большой и немного уродливый мешок под горлом, привлекая таким образом самок и отпугивая других самцов. Звуки надутых зобов довольно громкие и необычные. Плюс они иногда с треском выпускают воздух из них. Ночью не летают, но и почти не спят, особенно если кто-то посторонний проходит через их лес.

Так как луна еще не взошла, то было темно. Пришлось включать «дрессированного светлячка», чтобы успокоить Богдану. Она впервые на острове и не знает местных порядков. Эта дорожка ведет к посту на мысу и к маяку, но, не доходя до них, есть отворот к берегу океана. Мы успели вовремя, и еще ждали несколько минут, прежде чем в воде появилась мрачная зеленоватая луна. Вода и водяные пары разделили ночную красавицу, и несколько мгновений их было две: одна серебристого цвета, вторая – зеленоватого, с мрачным черепом. Затем первая оторвалась от горизонта, и лунная дорожка поглотила вторую луну, растворив ее в серебристом цвете.

– Жутко, но очень красиво! – прошептала почти неслышно Богдана.

Шум прибоя съедал почти все звуки, и мы вздрогнули, услышав окрик: «Стоять! Ваши документы!» – но затем почти сразу: «Доброй ночи, княжич! Гуляете? Предупредить следовало бы...» Службу князевские гвардейцы знают.

– А почему вас тут так местные называют? Не по чину! – чуть позже спросила Богдана. – Я уже не первый раз слышу.

– Здесь живут почти все из нашего родного удела, из Князево, для них мы – княжич и княжна, была еще и «маленькая княжна». Это мать Марии Макаровой.

– Мать Маши – княгиня?

– Нет, но она долго жила у нас, поэтому князевские ее так и называют. Что-то я ее не видел, хотя ее муж и дочь здесь.

– Была здесь, недавно куда-то ушла на корабле. Так вы вернулись из нового удела? В газетах много писали об этом.

– Значит, вы все знаете! – улыбнулся я.

– Ну, далеко не все! Я вообще кроме нашей деревни под Юрьевым и Выборга нигде не была.

– А как же смогли поступить на первый курс?

– Когда мне было двенадцать, папа меня в Выборг отправил, я ведь сирота, училась в интернате при университете. Сдала экзамены на физический факультет. Теперь учусь вместе с вашей сестрой.

Роца фрегатов кончилась, и мы подходили к «детскому» дому. И тут я заметил, что и моя форма, и белый спортивный костюм моей собеседницы

имеют следы посещения территории фрегатов. Здесь уже горят «светлячки», поэтому это стало заметным. Я предложил Богдане переодеться и отдал немного мрачноватому со сна дядьке свой мундир и костюм девушки. В халатах мы уселись на освещенной веранде и продолжили беседу, правда, не очень долго. Полуночников на острове оказалось много, и все потянулись на огонек. Девушки с особым интересом рассматривали вышивку на груди халата у Богданы. Они же не знали, что это фрегаты постарались, а мы еще даже не целовались.

В общем, тут же поползли слухи, полученные из достоверного источника. Несколько девушек взбрыкнули и тут же засобирались домой, подключился Госсовет, который в зимнее время весь находился на Нововыборгских Багамах. И это их яхты качали мачтами в гавани, они сюда привезли своих дочек, когда поползли слухи про смотрины.

Мама, когда я их с папой познакомил с Богданой, пригласив ее на завтрак в узком кругу через несколько дней, пропела какую-то незнакомую песню, всего несколько строк из нее: «Все могут короли, и судьбы всей Земли вершат они порой...», но не закончила, оборвав на полуслове. Богдана перед этим долго не решалась войти в столовую, все говорила «нет» и «нет». Но пока ни одного члена Госсовета на острове не было. Выяснилось, что ни мать, ни отец никаких смотрин не устраивали, но за завтраком, один раз, говорили о том, что не помешало бы Александра познакомить с кем-нибудь из девушек, так как учился он в закрытом военном заведении, где не имел больших возможностей это сделать, а сейчас служит на корабле и носится по тем местам, где к женщинам относятся совершенно не так, как в Выборге и в России. Как к вещи. И что им бы не хотелось, чтобы сын получил такой отрицательный опыт. Руська поняла это по-своему, поделилась с Машкой, та еще с кем-то, и шуток пополз: «Государь сыну невесту присматривает!» А тут еще и конкурс мамин, которая хотела усилить роль женщин в управлении государством, поэтому и подбирала способных девушек.

Завтракали почти в абсолютной тишине, только столовые приборы легонько постукивали. Мне было видно, что Богдана с трудом сдерживает себя, чтобы не выскочить из столовой. Но я погладил ее по бедру, успокаивая. По лицам отца и матери я видел, что они в хорошем расположении духа. Взрыва не будет, смотрины состоялись. Испуганные глаза девушки, в уголках глаз которой начали накапливаться слезы, усталились на меня, и я улыбнулся ей. Мама встала из-за стола и подошла сзади к ней. Та припала губами к руке матери, и слезинки покатались просто ручьем. Типа, «не виноватая я, он сам меня привел!»

– Успокойся, девочка, мы все рады тебя видеть! – сказала мама, перешла к своему месту и продолжила завтрак. Отец чему-то ухмылялся.

После завтрака выгнали провинившуюся Руську на пляж, а сами перешли в кабинет отца вчетвером. Богдану приходилось слегка подталкивать сзади. Отец сел за стол, открыл ящик, стоявший слева от него на уголке, достал оттуда сигарету. Мама щелкнула зажигалкой, давая ему прикурить. Ни я, ни она никогда не курили, поэтому мама нажала кнопку вентиляции, и колечко дыма поплыло вверх и вправо к вытяжке. Отец еще раз улыбнулся, а потом сказал:

– Ну, что ж, сын, это твой выбор, и готовься к тому, что Госсовет будет не на твоей стороне. Надеюсь, что вы не поторопились с постелью и последствиями, потому что в первую очередь будут бить на это.

Залитое краской лицо Богданы успокоило обоих родителей. Было видно, что отношения еще не перешли этот рубеж.

– Вот и хорошо! Нет никаких сомнений, что в первую очередь Госсовет затребует освидетельствовать потенциальную невесту. Второй момент, через который вам предстоит пройти, это публичность. Деньги, которые ты получаешь с Ост-Индской компании, за вычетом налогов, можешь оставлять себе полностью, не вносить пока в казну. Вам они понадобятся. Вы должны стать не разлей вода и держаться все время вместе и на виду. Все должны привыкнуть к тому, что существует Богдана. По-другому не получится. И вам, Богдана, предстоит доказать обществу, что вы сможете достойно представлять нашу семью. А ты, Саша, обеспечь все, что необходимо для этого. Ей предстоит стать светской львицей и блистать. Серую мышку заклюют эти вороны. Но несколько лет вам предстоит бороться за право быть вместе. Но не робейте! Мы с мамой семнадцать лет шли к этому браку. И считаем, что он состоялся. Так ведь, Танечка?

– Если ты не бросишь курить, я от тебя уйду!

– Ой, да куда ты денешься! – отец протянул руку, пересадил маму к себе на колени и поцеловал ей плечо. Богдана подскочила с места и упала на колени рядом с ними, пытаясь поцеловать им руки.

– Вставай, вставай, девочка. Идите, и берегите себя!

Случилось так, как говорил отец. Госсовет собрался через несколько дней, все были возмущены моим выбором.

Бутурлин был потомком татарского хана из рода Чингизидов, коих на Руси было много, носивших титул князя с добавлением «татарский». Подняли его «дело», начали выяснять, кто мать потенциальной невесты,

тут же голословно обвинили девушку в распущенности, хотя мы еще даже ни разу не поцеловались. Устроили медкомиссию, где были вынуждены признать, что Богдана чиста.

Ни мать, ни отец ни слова не сказали о помолвке, и на Госсовете указали на источник слухов, что никаких смотрин никто не устраивал, и конкурс проводился совершенно для других дел. И что бороться со слухами никто не в состоянии. Но запрещать сыну встречаться с тем, с кем он хочет, они не станут. С девочкой ничего не случилось, и сироту никто обижать не собирается.

Мать ее оказалась из семьи польского шляхтича, но брак отца и матери Богданы действительно не был зарегистрирован ни в церковных книгах, ни в государственных органах.

Родилась она в царстве Московском, в Юрьевской церкви стоит запись о том, что она незаконнорожденная. Напротив отца стоит прочерк. Ребенка крестили уже после смерти матери. Подпись княгини Бутурлиной в книге присутствует. Сама старая княгиня носила падчерицу в церковь.

Руську тоже вытащили на заседание Совета, и пришлось ей отвечать за свой длинный язык. Нам с Богданой практически шагу не давали ступить самостоятельно и без свидетелей.

Всех задел мой выбор, как будто я им по любимым мозолям прошелся.

Выход нашел я! Собрал на глазах у всех мотодельтаплан, посадил вперед Богдану и улетел на атолл Подлунный, что в семи милях восточнее.

Атолл небольшой, необитаемый, пресной воды там нет. Небольшой пляж и дот, в котором есть запас продовольствия и воды. Руська нас и там, конечно, нашла, но она уже была на нашей стороне. Нас она не выдала, но привозила разные вкусности, доставила палатку, спиннинги, уголь и все что необходимо. Там, на острове, мы стали близки, хоть нам все и говорили, чтобы ни в коем случае этого не делали. Отец, правда, по этому поводу сказал, что только детей не заводите, не признают их и брак законным не признают. Пригодились те средства, которыми снабдила меня мама перед отъездом в экспедицию. Богдана перед этим сама сказала, что ей все равно, будет она царицей московской или нет. Главное, что у нее есть я.

Руська и вернувшаяся на остров губернаторша Анастасия плотненько занялись общественным мнением, привлекли не только газетчиков, но и съемочную группу местной киностудии. Нас вытащили с необитаемого острова, предложили переселиться на Полуночную Луну, но не в «детский» дом, а в левый флигель дворца. Затем объявили парусную регату длиной

полторы тысячи миль по замкнутому маршруту вокруг Нововыборгских Багамских островов. Мне пришлось стать яхтенным капитаном с экипажем, состоявшим из одних девиц. Гонка была сложная, ведь следовало пройти половину дистанции против ветра и течения, так что много приходилось лавировать и крутить при этом лебедки.

Затем Анастасия Гавриловна протащила нас по целому ряду каких-то торжественных мероприятий, мы приняли участие в карнавале на острове Кроншлот. Затем посетили несколько арендованных у Испании островов в южной части Карибского моря. Особой надобности ходить туда не было, но пересев на яхту, довольно тяжело от нее отказаться. Всегда хочется немного продлить удовольствие.

Но подошло время отплытия домой, и пришлось возвращаться на Полуночную Луну. Там, уже в составе эскадры, следовать за «Татьяной», царской яхтой, на которой находились мать, Руська и Богдана. Отец шел на «Я-702», типа «Ярослава», а я – на том крейсере, на котором пришел из Батавии, «Я-801».

По приходе домой я узнал, что мы не одиноки в этом мире, и мне показали мое свидетельство о рождении, в котором было указано, что родился я в городе Санкт-Петербург, в 2017 году. Документы отца и матери, фотографии городов, которых я никогда не видел, и кирпичную стену из красного кирпича, отделявшую наш мир от того мира.

– Но почему? Зачем вы построили эту стену и отгородились от целого мира?

– Наш мир чище и лучше. Нам удалось построить экономику на совершенно иных принципах производства энергии. Мы не сжигаем углеводороды, выбрасывая отработанные газы в атмосферу, что вызывает парниковый эффект. Наши города не задыхаются от выхлопных газов, мы не производим полиэтилен и полипропилен, которые практически не разлагаются и в огромном количестве плавают в океане, а ведь они составляют семьдесят процентов бытовых отходов на суше. Наши ресурсы возобновляются естественным путем: ежегодно появившиеся на поверхности воды водоросли опускаются на дно наших озер и болот и постепенно превращаются в топливо для нас. Здесь ты не увидишь следов разлитой нефти и птиц и животных, умирающих из-за этого. Выборг и Россия стали крупнейшим государством в мире, над которым никогда не заходит солнце. В том мире Европу в это время раздирали противоречия и войны. Мы нивелировали эти противоречия, и на континенте крупных сражений просто нет, мы подорвали могущество церкви. В том мире уже в 2016 году стало ясно, что остальной мир решил уничтожить нашу страну

во что бы то ни стало.

- Почему они ненавидят нас?

- У них другая цивилизация – цивилизация потребления.